

Павел ГУСЕВ

Всюду жизнь

Тольятти 2015

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
Г 21

Гусев, Павел

Г 21

ВСЮДУ ЖИЗНЬ (издание 2-ое, дополненное и исправленное): РАССКАЗЫ, ПЬЕСА / Павел Гусев. – Т.: ОТО г.о. "Тольяттинская писательская организация", 2015. – 172 с.

ISBN 978-5-98147-060-8

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и Союза российских писателей

ISBN 978-5-98147-060-8

© П. Гусев, 2015
© М. Шляпина, 2015
© ОТО г.о. "ТПО", 2015

ВОСТОРГ
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
«А НА ОКНЕ НАЛИЧНИКИ...»
МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ
ВСЮДУ ЖИЗНЬ
НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ, или ТЯГОТЫ ИЗБРАННИКА
НАНО-ТВ
КРОЛИКИ, или ДОБРОСОСЕДСТВО
WHITE POWER, или НЕСКУЧНЫЙ ВЕЧЕР
ВРЕМЯ, ВПЕРЕД, или «КАК НАКАЛЯЛАСЬ «ГАЗЕЛЬ»
ПЕРВЫЙ 02

ВОСТОРГ

Главным преимуществом детства над иными возрастaми является то, что практически все, окружающее тебя, может быть крайне интересным. Шатающийся забор, ворс от ковра, газы из выхлопной трубы и многое, на первый взгляд пустячное, становится объектом для исследования и восторга. А еще хочется всегда быть взрослей, чем тебя воспринимают окружающие.

Четырехлетний Мишка, привезенный из города в деревню погостить к родной бабке, много за это лето увидел интересного. И коров, и коз, и лошадей, и трактор у соседа, который всегда был открыт и никогда не ездил, поэтому Мишка в нем часто играл. Диковинками были парное коровье молоко и горячий хлеб, которые существенно отличались по вкусу от городского хлеба и молока. Он ходил с мальчишками купаться на речку и на озеро, даже иногда без присмотра взрослых, но под опекой Васьки-хулигана. Ему нравилось быть под его опекой, потому как сам он тоже хотел быть хулиганом. А для того чтобы им стать, ему нужно было подражать повадкам и словечкам того самого Васьки и приносить все выученное в дом, за что тут же от бабки и деда прилетали подзатыльники. Но они были не больные, как говорят дети, поэтому желания закончить учебу не возникало. В общем, хорошо ему было в деревне.

Ну а по субботам, естественно, баня. Баня ему не нравилась: во-первых, долго, во-вторых, жарко, в-третьих, скучно, да еще после этой процедуры дед с бабкой сразу же ложились спать и заставляли Мишку делать то же самое. На Мишкины капризы был один ответ: завтра отправим в город, чего категорически не хотелось, так как там с родителями не было такой свободы, а главное — там не было Васьки-хулигана, который был на четыре года старше и

знал уже много чего, даже покуривал в лесу и пару раз давал попробовать Мишке. В общем, приходилось ложиться спать сразу после бани.

Так вот, в одну из суббот, при выходе из бани решила баба Нюра (бабушка Мишки) одеть дитяtko не в предбаннике, как обычно, а на улице. Разморились слишком сильно: шибко дед истопил. И отмахиваясь от комаров, стала одевать Мишку в штанишки и рубашечку белого цвета, в коих он спал всегда в сенях по субботам, так как там было прохладней, чем в самой избе. Уже смеркалось, калитка на улице была открыта настежь, и на лавочке у калитки сидел и курил распаренный дед вместе с Васькой и еще двумя такого же возраста мальчуганами, находящимися также под Васькиным покровительством. Они сидели боком к одеваемому Мишке и внимания на него не обращали, кроме одного Васьки-хулигана. Видать, прозвища просто так не дают. Он, сидя справа от деда, ближе всех к открытой калитке и к Мишке, взял зачем-то и многозначительно Мишке подмигнул. Мишка улыбнулся. Затем Васька подмигнул уже весело и мотнул головой: мол, иди к нам. Тут у Мишки глаза стали, как два пятака, и загорелись ясным огнем. Он неожиданно вспомнил о недавнем споре с Васькой. Суть его была такова. В городе и деревне различается почти все — даже лужи. В городе лужи образуются на асфальте, и их можно только измерить на глубину, а в деревнях лужи совсем другие. Они образуются на земле, неглубокие, но дно у них илистое и по нему можно весьма весело скользить. Васька днем показывал, как нужно скользить от края до края лужи, но для этого нужно было сильно разбегаться и крепко стоять на ногах. У Васьки от края до края получалось, у остальных нет. Лужа была протяженной, и сил у остальных не хватало. Но дед всегда говорил по субботам, что баня силу придает, она полезная. Вот и решил Мишка прямо сейчас проверить, насколько верны слова деда. Благо лужа была в двух метрах

от калитки, прямо перед носом деда и близ сидящих. Пока бабка отвернулась и занималась крайне важными делами — приминала целлофановый пакет из-под одежды и сгоняла с лавки спящую кошку — в Мишкиной голове уже созрел план, а его ноги уже начали его реализовывать. Преданно глядя в Васькины глаза, в которых искрилось среди сумерек озорство и веселье, Мишка сиганул с лавки в сторону улицы. Васька смотрел, еще не понимая, чего удумал его верный подопечный. Верней, он понял, что Мишка бежит к ним, но зачем, не догадывался. В три секунды Мишка преодолел путь от лавки к калитке, как черт из табакерки проскочил перед носом у деда, который только и успел увидеть, что что-то белое и чистое пролетело. Чтобы не только Васька, но и все остальные успели зафиксировать его рекорд, он ушел на вираж с дальней стороны лужи для разгона. Только Васька в этой неожиданной для всех вспышке успел громко сказать: «Опа на!»

Белое босоное облачко, с такими же волосами, которые только что намывались не менее получаса, приближалось к полосе испытаний.

У Васьки глаза наполнились восторгом, так как он видел, что ученик переплевывает своего учителя. Не по факту преодоления расстояния, а по задумке. Мишка прыгал в лужу брюхом, а не скользил ногами. За четверть секунды до соприкосновения с лужей дед успел изречь: «Куда, б...» Мишка видел быстро надвигающуюся на него посадочную полосу, брызги вокруг и то, как он затем успешно движется к противоположному краю лужи. Он понял, что задание выполнено: Васька и два других товарища уже ржали впокатку и не обращали внимания, что Мишка их из этой лужи обрызгал всех, включая деда.

Из дружного гогота Мишка слышал крик деда, который был адресован собственно и не ему, а бабке, о том, что

она старая кто-то, и много всякого непонятного еще до конца, так как Васька еще не все слова успел объяснить.

Затем дедова рука взяла его под мышку, как кошку, и понесла опять в сторону бани. Голова Мишки была со стороны спины деда, для того чтобы зад был доступен для ударов со стороны как деда, так и бабки. Покидая свой Фавор, Мишка глядел с радостью на учителя, не обращая внимания на боль в области таза, а учитель, еще лежа от смеха на земле, поставил ему оценку — два поднятых в небо больших пальца.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Будь проклята война — наш звездный час.

М. Рошин

Николай Порфирьевич, 86-летний житель типовой хрущевки, ежедневно ходил мимо своей звезды. Не той звезды, что на специальной аллее в Голливуде, а одной из многих тысяч звезд, которые фиксировали по всей стране на углах домов количество проживающих в этих домах фронтовиков ВОВ. Раньше звезд на его доме было три, но управдомша, она же бывшая парторг завода, методично их затирала при уходе из жизни их хозяев. Николаю Порфирьевичу было не до звезд на стене, но хозяева двух затертых были последними, кто обращались к нему: «Коля, Коляка, Николай» — и просто (что крайне было) «Колян». Для жильцов дома он теперь был «Николай Порфирьевич», «дядя Коля» и, что меньше всего ему нравилось, — «деда Коля», как называли его совсем маленькие детишки. Не нравилось, потому что дети — сын и дочь — у него были, а внуков не было. Дочь почему-то так и не смогла родить, а внука от сына сгубили наркотики. С детьми он был в хороших отношениях, но виделся редко, так как они все время с головой погружались в работу и про нее рассказывали словно про не прекращающуюся никогда битву. Самому же Николаю Порфирьевичу как гвардии старшему сержанту-разведчику, обладателю двух орденов славы, напоминали про его войну регулярно: то 9 мая — дежурными поздравлениями, то председатель ТОСа на очередное мероприятие чуть ли не силой тащил, где тянулись бесконечные пустые разговоры с нелепыми представлениями о его войне у присутствующих там лиц. Раздражали фронтовика фальшивая конфетная забота всяких депута-

тов, председателей различных обществ и их показное участие к нему и немногим его ровесникам. Всю заботу о себе он вполне ощутил, когда стоял тридцать пять лет в очереди за квартирой, в которой сейчас жил. Затем ждал десять лет стационарный телефон, который поставили в то время, когда все те, кому можно было позвонить, были уже на том свете. Выходя на всякие для него ненужные тематические формальные мероприятия, он надевал на пиджак только орденскую планку, сами ордена оставляя в шкатулке. Все блестящие и звенящие медали, которые чуть ли не ежегодно приносились и вручались под конфеты и гвоздики, он складывал в «металлолом» на антресоли, вместе с велосипедом внука, удочками и железными банками для гвоздей и шурупов. За этими медалями не стояло ровным счетом ничего, кроме желания чиновников освоить средства к очередной годовщине под благовидным предлогом. Количество врученных медалей точно совпадало с количеством ежегодно навязываемых путевок в санаторий на лечение в связи с наличием в голове и груди Николая Порфирьевича минных осколков. Пару раз он в санаторий съездил, осколки после всевозможных процедур рассасываться отказывались. Также не становилось легче от междугородних переездов на поездах и бесконечной беготни по этажам и корпусам во время лечения. Да и в санаториях умудрялись допытывать расспросами и тематическими патристическими вечерами воспоминаний, когда узнавали, что он дважды орденоседец.

Единственное, почему он все-таки ходил каждый май на вечера памяти в честь фронтовиков, это потому, что не хотелось в очередной раз смотреть по телевидению фильмы, которые не сходятся с его представлениями о войне.

Все «военные сказки» по ТВ отдавали водевилем, лживой комедью, в ореоле неприемлемой для Николая Порфирьевича романтики.

Вечно наступающая Советская Армия с вечно великими подвигами советских людей. Не считал он, что победа не была великой, но...

Иногда ему хотелось, чтобы вместо второго ордена у него была медаль «За спасение при пожаре», что, собственно, и имело место с его стороны лет через десять после войны. И бесконечно мучили сомнения, и терзал душу вопрос: а герой ли он, или — настоящий ли он герой? Хотя все, кто побывал в мясорубке Сталинграда, для него были героями.

Первый орден был получен после ночной вылазки вместе с другом Петром. Ползли они в ночной зимней морозной тишине под Сталинградом по межфронтной полосе и угодили в секрет к «коллегам-разведчикам», только с немецкой стороны. То ли немцы уснули на морозе, то ли ползли Колек и Петрок (как они друг друга называли) слишком тихо, но к падению сверху двух русских 30-летних мужиков немцы были явно не готовы. Наверное, устали от бесконечной мясорубки и морозов и хотели отдохнуть, схоронившись в утепленном глубоком секрете (яма для наблюдения и маскировки для разведчиков). Как это ни странно, уже проваливаясь в метровую по глубине яму, оба поняли, что это за яма, и за долю секунды было необходимо сообразить — наш это секрет или немецкий. Петро определил чужаков по запаху чужеродного табака, который был ароматней нашего, а Николай имел нюх похуже, но зрение лучше, и повезло, что, упав, он под лунным светом мгновенно смекнул, что сапог у лежащего в яме немецкий. Тут же началась возня, а правильней сказать, схватка, а еще точнее — война два на два, в которой ни той ни другой стороне нельзя было применять огнестрельное оружие. Пальба в межфронтной полосе могла спровоцировать неподготовленную для обеих сторон бойню с немалыми потерями. Ордена они с

Петро получили лишь потому, что не немцы упали на них, а наоборот. Все четверо вскочили, и пошла рукопашная. Петро достался седой, Кольку достался рыжий. Седой был шире в плечах своего противника, рыжий моложе, лет двадцати пяти, и выше ростом Николая. Взаимоуничтожение шло минуты две. В темноте их спины, ноги, локти, головы бились друг о друга, и надежда была лишь на то, что товарищ выстоит и у врагов не окажется преимущества в численности. Две минуты, превратившиеся в вечность, смазались, от них остался один страх за свою, а не товарища жизнь. И за это было стыдно. Запомнился финал драки, в которой Петро предрешил исход тем, что придушил фашиста локтем, прижав к земле, предварительно выдавив ему правый глаз. Коле же повезло, что он успел каким-то, непонятным для него самого образом выхватить штык-нож, когда рыжий уже душил его, и вогнать его по рукоять в бок. Левую руку перед ударом пришлось снять с шеи врага и закрыть ею ему рот, чтобы заглушить его предсмертный крик.

За медальоны, оружие и прочие трофеи вражеских разведчиков и были получены их первые с другом ордена. Да остался Кольку в память шрам от укуса рыжего, синева с которого сошла через пару месяцев, а Петрок же для воспоминаний получил разрыв правого века, которое зашили не очень удачно, в результате чего правый глаз был постоянно прищурен и создавалось впечатление, что он все время в кого-то прицеливается. За это Петрок получил прозвище — «Не смотри на меня».

— А где «Не смотри на меня»? — спрашивал, шутя, кто-нибудь.

— Смотрит, наверное, на кого-нибудь, — отшучивались в ответ.

— Петрок, иди сюда, только не смотри на нас!

Почему-то тогда это всем было смешно.

Вспоминая всю войну, все ее эпизоды, Николай Порфирьевич смотрел на себя со стороны как другой человек, разменявший девятый десяток лет сторонний наблюдатель. Всю оставшуюся жизнь он ненавидел зиму. Не из-за того, что условия более суровые бытовые, а из-за того, что в боях часто приходилось обкладываться трупами и своих, и чужих солдат, которые зачастую специально не убирали, чтобы пригодились в будущем в качестве защиты от пулю.

Наличие ордена не освобождало от подозрений в измене Родине. И через полгода он уже сидел перед следователем женского пола и силился понять, чем же он все-таки провинился перед Родиной. За всю войну он именно в кабинете следователя видел в ее лице самую толстую человеческую особь. Женщиной это существо он не мог назвать не из-за несимпатичности, чудовищной полноты и бордавки на носу, а по другим причинам. Допрашиваясь третий день, имея уже четыре переломанных пальца и кучу царапин, ссадин, синяков, Николай Порфирьевич уже заявил, что готов подписать все, что угодно, и пойти в штрафники, но мегера не унималась. Бессмысленные вопросы о явках, фамилиях, должностях, званиях наших и не наших, которых он должен был якобы знать и с ними изменять Родине, теснились в его голове непрерывным густым потоком. Бессонные ночи, голод, унижение, признания не давали освобождения от дальнейших пыток. Еще двое суток садистка требовала к себе разведчика и продолжала глумиться над ним, пока не произошло то, чего она, собственно, как он после понял, и ждала. Он описался во время попытки сломать ему еще один палец. После этого она тут же успокоилась. А на следующий день пояснила, что информация была насчет него не совсем верная и что он должен быть благодарен органам следствия за то, что они вовремя разобрались. Но ему впредь было наказано быть более бдительным в общении с неблагонадежными и указано, что лишь

его собственная неосмотрительность привела к таким последствиям. Порадовало, что оснований лишать его звания и ордена у органов нет и что он скоро, хоть и с переломанными пальцами, может отправиться в свой полк. Вернувшись в расположение своих, Николай получил десять суток отдыха для окончательного заживления пальцев, а после задание, которое обернулось еще одним орденом.

Вернее, заданием это было трудно назвать, потому что в три часа ночи он был разбужен почти всегда пьяными в это время старшими офицерами, которые приказали ему вместе с еще двумя разведчиками осмотреть поле, примыкающее к правому флангу окопов немцев. Гвардии старший сержант сразу понял, что без подготовки это крайне опасно и эта прогулка по минному полю ничем хорошим не закончится — и что это работа для саперов.

Но краснолицые командиры, пар изо рта которых шел в несколько раз обильней, чем у троих разведчиков, пригрозили судом за неисполнение приказа. Николай Порфирьевич как старший пошел в сторону заминированного поля, приказав двум обождать. И на глазах распаренных офицеров начал шатать столб, от которого в разные стороны к другим столбам тянулась колючая проволока. При попытке прислонить столб ближе к земле раздался взрыв. Потерявшему зрение Николаю в госпитале был вручен второй орден за выполнение опасного боевого задания. Через пару месяцев зрение вернулось, но осколки выковыривать из головы и груди не стали, посчитав, что это слишком опасно. Еще полгода лечения в санатории, а после признание годным к строевой службе, снова в свой полк. Николай Порфирьевич надеялся, что хотя бы на его примере командиры научатся не кидать солдат в бессмысленные, крайне опасные кровавые авантюры. Но та же пьяная офицерская братия, уже при освобождении Риги, в очередной раз бросила среди ночи на взятие Даугавских высот пехоту, где poleg-

ло более двухсот человек за полчаса боя. После чего было решено пойти другим путем.

Николай Порфирьевич не мог понять: почему всю войну Советская Армия бесконечно брала высоты? Почему сама Советская Армия никогда не закреплялась на высотах, почему просто не обходили их?..

Самого его больше в откровенную бойню не посылали, только по прямому назначению разведчика — на добычу информации, поиску и захвату «языков», выяснению рекогносцировки противника.

Однажды (уже после войны), на одном из «любимых» Николаем Порфирьевичем мероприятий, мальчик лет семи прочитал патриотическое стихотворение:

«Нет! — сказали мы фашистам, —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».

.....

Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чувашаи...

И ему сразу же вспомнился случай в начале войны, когда нервы не выдерживали у всех — у молодых и старых, у старших командиров и рядовых, у весельчаков и угрюмых, у партийных — и у прочего военного люда.

Семья Николая Порфирьевича хоть была и русской, но деревня, в которой они жили, была чувашская, и по-чувашски, равно как и по-русски, разговаривали в ней все — от мала до велика.

В один из вечеров у костра группа чувашей, отделившись от всех, стала обсуждать побег к немцам с целью сдаться в плен. С точки зрения их старшего, захват СССР —

дело ближайшего времени, и сплошные отступления, сбои в поставках боеприпасов и продовольствия ни к чему, кроме гибели, не приведут. Чуваши не знали, что рядом у соседнего костра сидит человек, который их слышит и понимает. Николай Порфирьевич в чем-то и разделял точку зрения на вещи чуваша-заводилы, особенно по факту бездарности и безжалостности к солдатам командиров, но мысль о предательстве не вмещалась в его голову. О подслушанном разговоре он доложил командиру.

Командир, отрядив двух пулеметчиков, приказал выйти в поле и дожидаться, когда чуваши направятся в сторону немцев, и если они все будут без оружия — расстреливать без предупреждения. Примерно в пять утра, когда начало светать, четверо заговорщиков пошли в сторону немцев. Все они были без оружия. Пятый был расстрелян через три часа перед строем за то, что не доложил.

На мероприятиях его постоянно просили рассказать о чем-нибудь героическом — о подвигах. Было о чем поведать, но Николаю Порфирьевичу казалось, что он не имеет право рассказывать не всю правду, половинчатость ему претила. А всю целиком правду рассказать было невозможно по двум причинам. Первое: ему никто не поверит, и подумают, что он врет или голова уже не варит. И второе: остался на всю жизнь страх попасть еще раз в кабинет к следователю, и больше всего был страх, что следователем будет не мужчина.

Поэтому приходилось рассказывать, как он видел красавца Рокоссовского и как генерал вручал ему наградной пистолет. Женщинам всегда нравилось слушать об этом польском высоком красавце дворянине, который обожал женщин и которые обожали его. С особым удовольствием рассказывал байку о нем и Сталине, когда Рокоссовского назначали командующим 2-м Белорусским фронтом. Женщины смеялись, и эта байка для некоторых из них и была войной.

С женщиной же на войне была одна совсем невеселая история. В Польше, как раз родной для Рокоссовского, при освобождении Гданьска. Стали прочесывать дома, после того как бой стих. В один из закоулков из подъезда выскочила полька в разорванном в клочья платье. С криками «Руссишшвайне!» она побежала в сторону скопления войск на площади. За ней из дома выбежали двое советских военных из младшего состава и капитан. Николай Порфирьевич лично их не знал, но знал, что если она сейчас добежит до кого-нибудь из командиров высшего звена, то этим троим героям на Родину не вернуться.

Трое смотрели на него, он смотрел то на них, то на польку. Полька еще не пробежала мимо Николая Порфирьевича, но эти трое в нее уже не попали бы ни из какого оружия, так как она завершила за угол. Только орденосец герой-разведчик видел ее и имел еще возможность ее остановить. Сигнал, данный взглядом троих одному, не оставил ни секунды на размышление. Он вздернул автомат и короткой очередью прекратил ее бег, пока она не выбежала на всеми просматриваемое пространство из закоулка.

Все трое, проходя, хлопали его по плечу и говорили: «Спасибо, браток...»

Смотреть им в лица и запоминать их не хотелось. Ничего не ответив, он дальше пошел осматривать дома, а трое стали затаскивать тело женщины в подвал полуразрушенного дома. Закончилась война в Праге (если война вообще может закончиться). И именно в пригороде Праги и погиб его друг Петрок, с которым они упали в секрет к немцам. Именно погиб, а не был убит. Было ясно, что маятник качнулся уже в сторону советских войск и победа уже не за горами. Вязываться в открытую бойню и перестрелки никто не хотел, пытаясь решить исход боев поддержкой авиации и артиллерии, а также с помощью минометов и ручных гранат. Решил Петро кинуть гранату

в окно дома, где было пулеметное гнездо немцев. Прокрался ползком сбоку от обстрела он правильно, но бросить точно гранату не сумел. Ударившись об оконный косяк, граната отлетела точно в него. В метрах пятидесяти друг Колек наблюдал, как погибает от собственной гранаты тот, с кем была пройдена вся война.

Потом была капитуляция Германии, была радость, слезы победы, ощущение счастья от нее. Но в последующие годы позитивные нотки звучали все реже... Пока не заглохли совсем.

Ему постоянно хотелось стереть звезду на стене дома, потому что она ему казалась не его. Потому что не про его войну рассказывали по телевизору, не о той войне хотели слышать и от него, не о той, на которой он был. Он не осуждал других фронтовиков, которые с пафосом, а кто-то и с радостью рассказывали о своих войнах. И он бы хотел рассказывать так же, но не умел. Он не мог ни хвалить, ни осуждать кого-либо. Так же как он не осуждал своего внука, затравившего себя наркотиками после Чечни. Не осуждал потому, что и сам был отравлен своей войной, хотя его война была не менее беспощадная, но более осмысленная.

И не понимал, почему он, не принимающий и не понимающий ту войну, о которой рассказывается везде и которую приняло большинство граждан, до сих пор живет и мешает радоваться другим.

Ни радоваться не хотелось, ни плакать не хотелось.

Жить хотелось.

Без войны. И не вспоминая ее.

«А НА ОКНЕ НАЛИЧНИКИ...»

Есть такие этносы, которые расставляют свои жизненные вехи не по паспортно-календарному принципу, а по событиям. Например: собрал 600 урожаев, приняла 300 родов, пережил 8 землетрясений, цунами, солнечных затмений. В развитых странах все-таки отталкиваются от календаря и паспортных граф. А у молодого врача по имени Андрей был период жизни, когда он свой жизненный путь отмерял соблазненными чужими женами. В свои 22 года, будучи обладателем красивой фигуры, смазливового лица и чарующей для женского пола специальностью, от которой женщины приходили в трепет, Андрей недостатка в воздыхательницах не испытывал. Однако, как ему до поры до времени казалось, соблазнять ровесниц и сокурсниц — это еще не та победа. Когда же он охмурял замужних, душа его пела: аве, молодость! аве, медицина! И то, что работал он на стационаре в психоневрологическом диспансере, придавало еще больше шарма и загадочности его образу Казановы. Для истории он вел дневник своих побед над женским полом.

Так вот, когда в его амурном блокноте в графе «замужние» красовалось: «Лена № 4», случился казус, или как выражаются на профессиональном языке — психотравма. Дело в том, что благоверному Лены № 4, который трудился дальноточником и пропадал постоянно из дома на неделю и больше, кто-то «простучал», что к его, пока еще официальной супруге, заглядывает молодой «специалист», но неизвестно какого профиля, так как из инструментов с собой на семейную квартиру он носит лишь вино и пирожные.

Отношения у Лены с мужем были не ахти, так как из одной поездки муж привез вместе с хрустальной вазой, купленной под Никольском в Пензенской области, еще и мандавошек, заведшихся, с его слов, в козьих шкурах, которыми

обтянуты сиденья его рабочего «КамАЗа». Виноват был во всем, естественно, сменщик, вовремя их не вытравивший. Лена в свои 30 лет усомнилась в правдивости версии мужа и даже осторожно поинтересовалась у Андрея: возможен ли сей факт? Андрей, по молодости своей не придав значения вопросу, объяснил все по-научному: лобковая вошь у сельскохозяйственных животных не выявлена, и более того, даже как ни старались привить гонорее собакам и коровам, их иммунитеты с грамотрицательным диплококком справляются весьма успешно.

Лена же, встречаясь на стороне с молодым врачом, тайно подыскивала замену мужу среди своих сверстников, с занятостью, не требующей отлучек из дома. Да и от ваз в доме, кукурузных хлопьев, сушеной рыбы и надувных игрушек в качестве гостинцев давно тошнило. Подруги так же посоветовали после выявления и «изничтожения» привезенных из козых шкур насекомых бросить дальнобойного «козла».

Но планы планами, а штамп в паспорте о том, что они муж и жена, еще красовался, и если адюльтер мужчинам ставится в заслугу, то женщинам это идет в укор, да и засветились они перед мужниными знакомыми, проявили неосмотрительность, можно сказать, назначая свидания в семейном гнездышке.

Два с лишним месяца, в период командировок мужа, Андрей выходил и входил по утрам и вечерам (на работу и с работы) в квартиру тезки-дальнобоя.

Да и где еще встречаться? Не в общаге же у молодого психиатра, которая находится в тридцати метрах от места работы, на первом этаже которой располагалась еще и баня для умалишенных.

В квартире было романтичней да и уютней, и Андрею нравилось быть «вахтовым мужем». Да и не Лена ему вовсе нравилась, верней, она ему нравилась, но больше нрави-

лась именно социальная роль Казановы-соблазнителя замужней женщины. Ощущение победы после секса, когда допьешь с чужой женой бутылку им же принесенного вина, бодрило. Апофеозом было проснуться в чужой постели, с чужой женой и, отзавтракав чужими продуктами, пойти победной поступью свободным, никому ничего не должным человеком на работу. Андрею нравилось быть циничным, для него это было неотъемным атрибутом свободы.

Все бы так и продолжалось, но как говорят меньшие братья психиатров — знатоки душ психологи: «женщины являются более сенситивными существами, нежели мужчины». Проще говоря, чуйка у них работает лучше, чем у мужиков. Заподозрила Лена как-то неладное во взгляде соседа Вовы из их подъезда, живущего этажом ниже, чей потолок упирается в пол ее спальни комнаты. Вопросы стал задавать неуместные и глупые: когда, мол, муж-то придет? Хотя знал и телефон мужа, и пил пиво с ним у подъезда еще со школьной скамьи, когда-то являясь его одноклассником.

Здесь, правда, и чуйка не нужна была, чтобы догадаться, что явки провалены, но месть за мандавошек стала основной причиной ее неосмотрительного поведения.

Но как она в дальнейшем ни старалась скрывать молодого любовника, хлебнуть из горькой чаши последствий адюльтера молодому доктору пришлось.

Решила Лена сменить обстановку, освежить ощущения и провести время с молодым жеребцом в домике своей 70-летней бабушки, уехавшей на все лето к сестре в деревню. Дом на краю Центрального района города Т., сад с яблонями и вишней, забор, обвитый диким виноградом, должны были придать новые краски их роману.

И вот, как только муж вновь уехал, правда, раньше положенного, так как его попросили подменить одного из заболевших в автоколонне, Лена с Андреем направились прыжком к бабушке, на улицу 9 января 1905 года. Подходя к

дому, молодой любовник проявил себя еще и как знаток истории, рассказав о чудовищном дне — Кровавом воскресенье, о провокации попа Гапона, о его дальнейшем повешении на даче в Озерках и прочее и прочее...

Андрей всегда был хорошим учеником и четко помнил, как на лекциях ему говорили, что самая сексуальная часть тела — это мозг, и упражнять его нужно не менее чем все остальные, оттого и слыл эрудитом, постоянно упражняя память чтением книг. Однако зловещего знака в названии улицы в этот воскресный день Андрей не увидел. По молодости опять же. Недальновидность в среде молодых врачей имеет место. Интерны умеют ставить диагнозы почти безошибочно, но просчитать развитие болезни у них получается сложнее.

Бабкин домик Андреюглянулся — маленький, скромный, аккуратный, еще не ветхий, самобытный, ладно вписывающийся в цветущий весенний сад. Как будто и не в городе вовсе. Особенно понравились резные деревянные наличники со ставнями на окнах, с вырезанными по центру сердечками.

«А! скрытая тяга к романтическому фетишу — виноград, яблони, ставни с сердечками, райский сад», — подумалось молодому исследователю душ.

В дом, однако, пришлось пробираться со стороны кухни через окно, так как оно с лета по осень не запиралось, а ключи бабка забыла по старости припрятать под крыльцом. Влезание в окно также придало романтики, но тут же обнаружилось, что забыли открыть ставни окон, купить «ритуального» вина с конфетами, отчего Андрея взяла легкая досада, так как уже смеркалось, завтра к восьми на работу, а тут еще минут сорок тратить на хождение по магазинам. Почему-то не подумали, что для бабушки вино и конфеты в холодильнике не являются предметом первой необходимости.

Но раз он уже разулся, а стопы побаливали от новых туфель, купленных с утра на рынке, то решил пройтись по комнатам и взглянуть через диковинные милые ставни на улицу, пока не смерклось и пока Лена расстилала свежую постель. Прищурив один глаз и взглянув в вырезанное сердечко, Андрей увидел не мир, влюбленный в него, а мужика с баллонным ключом, подходящегося даме его сердца и члена мужем, входящего в калитку. Мужа он знал, так как пару раз играл с ним по умолчанию в игру «пост сдал — пост принял». Суть ее была в том, что при выходе из родного подъезда Андрея-дальнобойщика Андрей-врач спрашивал у него прикурить (будучи некурящим) и тут же, поблагодарив, направлялся в «неостывшую квартиру», а муж отправлялся в рейс. Эдакая очередная игровая победа гусарского корнета. Однако сейчас ему было не до бравады, так как такого хода событий он никак не ожидал.

Метнувшись к другому окну, которое иллюстрировало путь тезки, он увидел картину, после которой срочно захотелось включить жизни перемотку — и немедленно пересмотреть собственное отношение к замужним женщинам, и незамедлительно посетить лекцию о милосердии и всепрощении. Следующее сердечко «транслировало», как разъяренный и обиженный рогоносец, явно что-то замысливший, бросил на землю баллонный ключ и взял вместо него из-под крыльца топор.

Психиатрия была бессильна: все, что смог медик, это выпучить ошалелые глаза, побледнеть и, как рыба, прокричать: «Лена, ау-уа... Лена, Лена... там это...»

По его внешнему виду Лена врубилась во все сразу. Смотреть «бой быков» она была не готова. Тем более очевидно было, что молодой бычок находится в параличе.

Позу, в которой он застыл, можно было обозвать «теленочек обделался» или «ку» из фильма «Кин-дза-дза». В эти

несколько секунд, пока муж не стал ломиться в дверь с криками: «Открывай, проститутка, хана вам обоим!», Лена попыталась вернуть любовника к жизни призывами: «Андрей, да очнись же!.. Что делать будем?» Но это был «дохлый номер».

У Андрея в глазах стемнело раньше, чем упало солнце на улице, и в голове сами собой стали воспроизводиться обрывки лекции профессора Анашкина с кафедры психиатрии: «Признаками кататонического ступора являются: подчиняемость, восковая гибкость, замкнутость, мутизм, манерность, мышечное противодействие, неподвижность, принятие вычурных поз, широко открытые глаза, эхолалия, эхопраксия... Кататонию можно понимать как эволюционную реакцию страха у травоядных при встрече с плотоядными...»

В общем, пока крутился аудиоряд воспоминаний времен alma mater, Лена успела сделать подсечку, держа его за обе руки, как учили когда-то в секции самбо. Трех лет тренировок хватило ей, чтобы молниеносно свалить его на палас, завернуть в тот самый палас, как селедку в бумагу, и поставить сверток в проеме между спальней и кладовкой, как в школьные годы карту полезных ископаемых СССР в кабинете географии. Благо дело, 22-летнее бревнышко весило килограмм семьдесят, не более. Стресс же стер ролевые грани между мужчиной и женщиной.

Видеть Андрей ничего больше не мог, так как палас скрывал его до макушки, желания выбраться не возникало, даже, наоборот, было впечатление, что настоящее его положение наиболее правильное. На ушных мембранах отпечатывался диалог:

- Открывай, дрянь!
- Ты че орешь, придурок, что ли, ты какого хрена не в рейсе?
- Открывай, овца позорная, я знаю, что вы там вдвоем...

— С кем вдвоем-то? Белуга, что ли, одолела, давай в психушку звякну, полечишься пару неделек, у меня там знакомый есть...

— Почему замок на двери висит, че в окна лазаешь?

— Бабка ключи забыла оставить.

— Че ты сюда вообще приперлась?

— За вареньем.

— Че ты гонишь, я ща залезу и обоих вас на бифштексы порубаю, готовьтесь!

— Ты лучше за хлебом сходи, хлеба нет, сейчас картошки пожарю.

— Я вас щас самих пожарю без хлеба.

— Ну ты и придурок, в аптеку заодно зайдешь, феназепаму купишь, для успокоения мозгов.

В голове у Андрея вертелось: аминазин, три таблетки, можно не дожидаясь еды...

Слышно было, как муж влезает в окно.

— Ну че ,овца, попала, смотри, че я нашел...

Тут же раздались два удара тяжелым предметом по чему-то твердому, в районе прихожей.

— А теперь то же самое будет с тобой, козел! — раздался крик на весь дом.

Андрею захотелось стать паласом, в который он был завернут.

— Эх ты и идиот, такие туфли испортил. Я ж тебе их сегодня на рынке купила днем.

Здесь было проявление его величества случая: помимо одинаковых имен, у двух участников треугольника был еще и одинаковый размер обуви.

— Так, ладно, щас я его найду.

— Мандавошек ты в штанах у себя найдешь, вот их топором и пугай, крыша твоя дырявая.

Узник любви слышал, как скрипят половицы, как матерый бычара весом с центнер ходил из комнаты в комнату,

как за ним семенила с обличительными ругательствами Лена, которая высказывала все, что наболело на ее сердце. Что вместо того, чтобы жить как люди и заводить детей, муженек занят разъездами, а в свободное время упивается пивисцем и копит на какую-то битую иномарку с рук — лучше бы новую «вазовскую» взял. Он чувствовал, как дергаются занавески, как открываются створки шкафов, холодильника, как осматривается погреб.

В общем, ангел стоял возле завернутого в палас интерна психиатрической клиники и заботился о том, чтобы сегодняшний день не стал для него последним на жизненном пути, а стал уроком на будущее. Палас за это время пропитался холодным потом, и его можно было выжимать и вешать для просушки на забор.

Сколько времени ушло на поиски, неизвестно...

Все смешалось в доме с милыми ставнями (или внутри паласа?..).

Муж настоял, чтобы ночевать они с женой остались в бабкином доме, так как с утра до автобазы отсюда ближе. Расстелив постель и обсудив с мужем соседа-придурка, который навел напраслину на Лену, чисто из зависти, потому что сам во время мужниных рейсов клеился к ней безуспешно, супруги легли спать. Перед сном муж сказал, что на самом деле в рейс он едет завтра с утра.

Всю ночь Андрей совершал подвиг столпничества — стоял завернутый в палас столбом и молился. Под оглушительный храп доверчивого (слава Создателю!) муженька он молился за бабу, которая забыла оставить ключи, тем самым затянула проникновение его в дом, благодарил за одинаковый размер обуви и за то, что задержали на неделю зарплату, поэтому только сегодня он купил эти туфли, не успев разносить, радовался ставням с сердечками, сквозь которые он не был увиден. Обещал Господу, что не будет больше спать с замужними женщинами. К

середине ночи пообещал, что вообще к женщинам больше ни ногой — только работа.

Наутро, когда после бесконечного храпа муж сперва стал возиться, а затем ходить по комнате и звенеть стаканами и тарелками (жена рядом с ним), у Андрея затекло и отсохло все, что можно. За ночь он четко осознал, что такое служить в кремлевских войсках, но в подразделении для слепых и немых...

— Блин, ну Вован, ну козел, наплел, ишак, по ушам... Из-за него туфли ухайдакал новые. Ладно, с рейса другие куплю... так, погодь: а ты че их к бабке в дом приперла-то?

— Да я с рынка хотела зайти, варенья с погреба взять прошлогоднего, а то бабка прижимистая.

— А-а... Понятно.

— А постель-то ты зачем расстилала до меня еще, если только за вареньем? Ждала кого?

— Тебе че в рейс не надо? Опять погнал пургу свою?..

— И то правда, пошел я... Через три дня приеду, дома будь.

— Давай, подумай в рейсе, о чем я тебе вчера говорила...

— О чем, о феназепаме что ли?

— О детях, придурок!

— Ладно, подумаю. Собака у соседа дурная: всю ночь лает, спать не дает. Зарубить надо.

— Топор под крыльцо брось, рубака, а то бабка потеряет.

После того как муж вылез из окна, Лена уронила и раскатала из паласа горе-любownika. На вид Андрей был ничего, только помятый и босой. Новые туфли с отрубленными носами стояли у порога. Пришлось надевать бабкины калоши.

Идти в белой рубашке, джинсах и в резиновых огородных калошах на работу молодому медику куда как лучше, чем в рубашке и джинсах без башки, разумно решили оба.

Вылезая из окна, уже через пять минут после ухода мужа, встав на грешную землю и пройдя за угол несколько

метров, Андрей увидел... Лениного мужа, стоящего у калитки, докуривающего сигарету. В одной руке был топор, в другой руке баллонный ключ.

В голове у Андрея «незаконного» мелькнуло: Карлсон обещал вернуться.

Видимо, у старшего собрата в последний момент сработала интуиция — и он решил не торопиться с уходом на работу.

А потом был драйвовый триллер: сперва был рывок сквозь кусты малины к соседскому забору (выход из калитки был перекрыт). Первым через забор мимо уха любовника пролетел баллонный ключ. Затем был прыжок через забор, за спиной было слышно, что тезка дублирует его маршрут. Все навыки, полученные на военной кафедре медвуза, нашли свое применение. Прыжки через заборы, бег на полусогнутых сквозь кусты и под ветками деревьев не казались чем-то сверхсложным, да и мотивацией была уже не оценка, а дальнейшее физиологическое качество жизни, а может, и сама жизнь.

В чужом дворе они пробежали мимо курящего на крыльце деда-соседа, затем мимо его собаки, которая вместо того чтобы лаять на чужих, чем она занималась всю ночь, рванула в будку и забилась в ней. Затем был прыжок через соседский забор на улицу. При этом Андрей четко ощутил, что топор ударился рядом с его ногой о забор. Предательски слетела левая калоша. Он не слышал ничего из того, что ему кричалось вслед, лишь одна мысль владела его паникующим разумом: ну я-то здесь при чем, не я ж тебе изменил, не я ж твоя жена? Он не бежал — ноги сами несли. Спиной он чувствовал опасность, неукоснительно настигавшую его. Быстро обернувшись, он видел, как разъяренный муж уже миновал забор, топор был вновь при нем. Бег продолжался минуты три. Более взрослый, а главное, более тяжелый муж с большей потерей времени преодолел

вал «полосу препятствий», и секунд двадцать в запасе было. Для легкости бега была сброшена вторая калоша. Адреналин заглушал неприятные ощущения от бега по голой земле, усыпанной местами щебенкой. На улице 50 лет Октября на счастье стоял таксист, который и оказался той самой спасительной соломинкой.

Таксист ржал всю дорогу до психушки. Опытным взглядом он оценил весь расклад еще на остановке...

Босиком, в стрессовом состоянии, молодой врач зашел в отделение и сел за свой рабочий стол. Минут десять он сидел без чувств, без эмоций, ему казалось, что его нет на планете — полная отрешенность. Смотрел в одну точку, при этом ничего не видел. Кто-то заглядывал к нему в кабинет, но он не видел, кто, его о чем-то спрашивали, но он не отвечал.

Очнулся он после того, как завотделением потерял его за плечо.

— Пономаренко, что с вами?

— А?.. Ничего, Евгений Николаевич, все в порядке.

— В порядке?

Завотделением смотрел на ноги интерна, носки которого во время погони превратились в щиколотные пояски, а по стопам было понятно, что выходные тот провел на картошке в деревне в самую непогоду.

— Андрей, если вы таким образом адаптируетесь к пациентам, то вам еще рано, это через несколько лет после работы на стационаре начинается, а если вам кто-то из коллег галлюциногенного отсыпал, то у вас будут серьезные проблемы — и с медициной придется завязать.

Пришлось Андрею без утайки рассказать всю историю, чтобы не подумали чего хуже. История заву понравилась, и он во избежание осложнений при стрессе вручил пострадавшему бутылку коньяка и дал два дня за свой счет.

А обещание, данное Господу, Андрей почти выполнил: с тех пор он общался только с разведенками.

МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Что положено Юпитеру, не положено пролетарию.
(старинная мудрость)

Повезло Максиму с новой семьей. И с женой, и с тещей, и с шурином, но особенно — с тестем. Петр Николаевич более всего занимал внимание двадцатипятилетнего Максима, простого советского служащего железной дороги, недавно вернувшегося из армии. Молодой человек пять лет сверхсрочно отслужил техником по обслуживанию танковых стабилизаторов и специального оборудования в Германии, в группе советских войск. Возвратившись из-за границы, Максим предался беззаботной трате заработанных за время службы денег и попутно охмурил свою нынешнюю жену Лидочку, как ее звали родители. Обаял он девушку щедростью и оригинальной манерой одеваться, которую мог себе позволить в пору тотального дефицита. В Германии, пусть и восточной, занавес был опущен не до конца, и из-под него Максим мог свободно добывать шмотки и парфюм. Все это предназначалось по прибытии домой себе дорогому, родственникам, любимым и желанным женщинам, коих у Максима всегда водилось в изобилии. Страсть к женскому полу была второй причиной, по которой Максим ходил на тестя и тянулся к нему. Первой была социальная роль, а, вернее, пост тестя. Петр Николаевич, бывший летчик-фронтовик, ежегодно посещавший годовщину освобождения Венгрии, был заместителем директора крупного химического завода.

Никогда в жизни Максим и не мечтал породниться с таким семейством. Теща возглавляла городскую почту, а жена оканчивала второй институт и занимала какую-то непонятную для супруга должность в отделе культуры, где

все ее трудовые обязанности заключались в хождении на всевозможные концерты, премьеры, вернисажи и прочее. Это Максиму крайне нравилось — именно о такой жизни он всегда мечтал. Тем более, что дом всегда был полон всевозможными яствами и сувенирами, привезенными из бесконечных заграничных командировок, куда частенько ездил тесть, так как производимый на его заводе продукт поставлялся во все стороны света. Откуда что бралось, Максиму было неизвестно. Необходимости отчитываться за свои доходы не было, так как его зарплата никоим образом не могла повлиять на благосостояние семьи. Жена Лидочка, как и ее отец, часто ездила в командировки. Максима этот факт радовал, — благодаря ему не успевало созреть чувство усталости от жены, на время открывались двери семейной трехкомнатной, по благу сделанной и подаренной тестем на свадьбу квартиры, куда скопом наведывались все Максимкины дружки и подружки.

Вообще-то, Максим постоянно комплексовал из-за того, что он, простой парень, не хватающий звезд с неба, оказался в самом что ни на есть калашном ряду, однако эти самые звезды сошлись в данном случае в его пользу. Впервые, Лидочка была не единственным ребенком в семье, но единственной дочерью и притом дурнушкой. И гораздо большей проблемой семьи был сынок, который был не из уродов внешне, но уродлив в плане моральном — скопил к своему почти тридцатилетнему возрасту немало пьяных подвигов, разбитых отцовских машин и парочку замазанных отцовскими знакомыми уголовных дел. Поэтому найти жену, которая бы держала его в руках, было делом нелегким. Поэтому брак с Максимом теща рассматривала как временный вольер для дочери, дабы за это время обуздать строптивного скакуна, сына Бориса.

Максим был схожего с шурином нрава, но армия не позволила ему творить то, чем был славен его свежеиспе-

ченный родственник, стараниями мамули отмазанный от выполнения священного долга.

Лидочке Максим не мог не понравиться, так как за армейские годы он набрался не покорности и послушания, а наоборот — самостоятельности, чувства собственного достоинства и даже некоей барской развязности, что в светском обществе, в котором вращалась семья Лидочки, весьма приветствовалось. Причиной тому была вышеупомянутая его воинская специальность. Он не был членом экипажа, но именно от его работы зависело, куда полетят танковые снаряды во время стрельб. Дело в том, что специальность эта была довольно редкая, и сами офицеры мало что понимали в танковых стабилизаторах, и все было отдано на откуп Максиму, который прошел подготовку и обучение в Казанском танковом училище, после которого и был направлен в ГСВГ.

После армии Максим носил одежду, которую не носил никто другой, он умел танцевать, как никто другой и был раскован как никто из окружающих. Из щели недооупущенного в Германии занавеса он надыхался воздухом свободы. Тем более, что вся его служба заключалась в подготовке танковых стабилизаторов к стрельбам и игре в футбол за часть с другими воинскими частями. И то, и другое у него получалось неплохо. Плюс ко всему он был остер на язык, остроумен и весел. Сообразительность также имелась в списке достоинств Максима, но на вопрос тамады во время свадьбы в лучшем ресторане города «А что жениху больше всего нравится в невесте?» попал на миг в скользкую ситуацию и почувствовал под собой бездну. Во время вопроса его взгляд упал на тещу, которая еще месяц назад орала, что за такое отребье она дочь замуж в жизни не отдаст, но потом, пересмотрев все альбомы с фотографиями дочери под ее неугомонный рев, все-таки согласилась и на отребье. На дискотеке в парке, где собственно Максим и

познакомился с Лидочкой, ее, учитывая ум и ученость, звали НИИ рожи, НИИ кожи за глаза, конечно. К этому можно было добавлять: НИИ фигуры, НИИ чувства юмора, НЕ-Интересная женщина... Но Лидочка была доброй и неза-носчивой, поэтому в лицо ей этого никто не говорил. А зная, кто ее папаша, товарищи по учебе и прогулкам тянули Лидочку в свои компании с расчетом на то, что ее связи рано или поздно могут пригодиться.

Так вот, учитывая данные невесты Максима, тамада по сути кинула гранату между молодоженами и родителями со стороны невесты. У молодого мелькнула в голове мысль «Это все тещины проделки, она тамаду заказывала и план свадьбы с ней составляла!». У тещи в глазах в этот момент сверкали два букета искр в 220 вольт. Тесть склонил голову к столу, но было видно, что он наострил уши и ждет того, как подорвется на брошенной гранате еще не родившаяся семья.

Теща была в ожидании, что после свадьбы победоносно выскажет своему высокопоставленному мужу то, что она миллион раз была права, когда говорила о необходимости изолировать Лидочку от этого типа. Как изолировать, тещю не было понятно. Разве что из дома не выпускать вовсе, что не вариант. Лидочку мать от себя практически не отпускала, и самое большее — это была неделя, проведенная врозь, когда дочь отправили в престижный лагерь в Крыму в десятилетнем возрасте. И то, после недельной разлуки, мать прилетела на самолете и тут же уехала с Лидочкой в Ялту, где поселилась в одноименной гостинице.

Вернемся же к свадьбе. «А сейчас пусть жених ответит, что ему больше всего нравится в невесте?» В каждую четверть из той секунды, что разделяла вопрос тамады и ответ жениха, мозг выдал четыре варианта ответа: тесть, жилплощадь, платье, перспектива найти за счет тестя хорошую работу...

Максим выдохнул, и губы его произнесли: «А мне все в ней нравится... Особенно — улыбка, она у нее, как у этой... у Джоконды — таинственная и неуловимая...»

После этих слов выдохнули и расслабились все высокопоставленные гости со стороны тестя, да и сам тесть торжественно выпрямился. Жених перевел взгляд на Петра Николаевича и увидел в его взгляде одобрительное «Орел! Молодец! Неплохо!» Теща была готова к другому, но и она оценила ответ зятя. Семейный конфликт был отложен на неопределенный срок.

Своим ответом Максим нашел в тесте если не друга, то, как минимум, товарища. Петр Николаевич понимал, что женитьба на его дочке — один из шансов в социалистических реалиях таким, как Максим, выбиться в люди и был к этому снисходителен. По природе своей он вообще был ко многому снисходителен. Тем более, что рыбак рыбака, бабник бабника и выпивоха выпивоху чует на любом расстоянии. Максима иногда он привлекал к поездкам в выходные дни на завод, в свой кабинет с апартаментами, где отдыхал с молодыми любовницами. Когда же тесть был занят, Максим рассекал на его «Волге» по городу и занимался тем же самым, что и тесть, только с меньшим размахом. В назначенный час, прокатав немало бензина, послушный зять являлся в служебный кабинет, где его хозяин был уже один, и они отправлялись каждый в свое семейное гнездышко. Тема таких отлучек между ними была табуирована и никогда не обсуждалась. Лозунг их солидарности был таким — «Делаем свое молча».

Поездки по субботам или воскресеньям скоро стали регулярными. Иногда Максим возил тестя на «Волге», иногда Петра Николаевича забирала служебная «Волга». И каждой подобной отлучке предшествовал моноспектакль. Петр Николаевич брал трубку телефона в коридоре в тот момент, когда супруга была в максимальном отдалении от него,

насколько это могла позволить четырехкомнатная квартира. Перед этим он включал телевизор, либо радио, либо воду в кранах, либо ставил на плиту сковороду с маслом так, что оно начинало стрелять и шипеть. Все это он делал для создания звуковых помех, дабы было невозможно понять, разговаривает он на самом деле с кем-либо по телефону или же сам с собой. И начинался мнимый диалог:

— Чего случилось?

— Когда? Где?

— Стрелка не переводится?

— В Сызрани цистерны застряли?

— Да я этих транспортников и логистов всех поуювольню!

Затем шла долгая тирада о бесполовости тех или иных служб и необходимости принятия к виновным экстренных мер. А Максиму адресовался вопрос:

— Поедешь со мной? А то мне водителя вызывать в выходной не хочется.

Максим охотно соглашался. Главное было задать драматическую ноту на всю квартиру. Длительность же фиктивного диалога по телефону зависела от приближения к нему жены. Чем быстрее приближалась жена, тем быстрее заканчивался диалог. У тещи было железное лицо, и по нему невозможно было понять, что она думает и догадывается ли о сути таких отлучек в нерабочие дни. Но на завод через проходную, где сидела вооруженная охрана, ее никто все равно не пустил бы, поэтому в личном кабинете Петра Николаевич был в полной безопасности. А вот на даче тещь однажды попался, и случилось это на глазах Максима, и тоже в выходной.

Весеннее утро выходного дня, очередной разговор тещи по телефону в коридоре, «очередное ЧП вне черты города» (желательно подальше) и вполне планируемая поездка. Заехали за пассией Петра Николаевича, которая оказалась

бухгалтером химзавода, затем на завод. На радость Максиму тесть открывал свой огромный сейф, в котором от ненужных взоров прятались пачки денег, батареи дорогого коньяка и коробки конфет. Документации место отводилось на самой нижней полке сейфа. Дома тесть деньги не хранил, так как после веселых вечеров, под утро, жена, сын и дочь поочередно навещали его карманы. И это было не воровство, а забота о том, чтобы любимый всеми Петр Николаевич ночью не проснулся и не пошел в ближайший ресторан. А он мог. Хотя алкоголя в холодильнике и на балконе было достаточно, но дома тестю пить категорически запрещалось, а останавливаться на паре рюмок коньяка или фужере вина он не любил.

Так вот, в один из весенних выходных дней, после того как с завода решили заехать на одну из ведомственных заводу турбаз, где всегда был готов и стол, и дом, взбрендило Петру Николаевичу продемонстрировать бухгалтерше, по совместительству, любовнице, семейную дачу в сорока километрах от города.

Дача была хороша — на берегу Волги, с шикарным травяным газоном, бильярдным столом, бассейном, баней и прочими феодальными прелестями. Но зачем надо было ехать туда с турбазы, где условия комфортности ничуть не уступали, Максиму было непонятно. Но мужская солидарность не позволяла зятю задавать подобные вопросы, его делом было не встревать в намерения старшего, а просто везти, куда скажут. Шикарная погода шептала бухгалтерше и заму химзавода, что трезвыми в этот день быть только идиотам и тому, кто за рулем — Максиму.

Максим катался по деревне на «Волге», благо неподалеку жили его знакомые, которых он давно не видел и мог перед ними щегольнуть автомобилем и даже прихвастнуть, что это его собственный. Прослонявшись, как обычно четыре часа, послушный зять вернулся на дачу и увидел

ужасающую картину. Теща Валентина Михайловна таскала за волосы бухгалтершу у входа в дом, пинала ее своим острыми коленками в бока и доколотила до того, что женщина пролежала на бюллетене месяц, после чего сразу же перешла главным бухгалтером уже в дочернюю структуру того же завода, на большую зарплату.

Среди рабочих по заводу прошел слух, что избил ее муж, с которым она давно была не в ладах.

Зять тещей замечен не был. Максим, пока Валентина Михайловна побежала в дом «убивать» Петра Николаевича, спешно подхватил и довез пострадавшую до остановки и отправил ее в город на такси. Вернуться на дачу он не посмел и рванул в город к подъезду Петра Николаевича, кинул там «Волгу» и затаился, на всякий случай, в своем семейном гнездышке.

Валентина Михайловна же попала в такое положение, в котором допытываться до правды было также невыгодно, как и знать ее вовсе. Слово «развод» в ее голове даже не возникало. Она понимала, что ее доходы пойдут на спад, перспектив выдать замуж дочь второй раз без высокопоставленного отца почти никаких, та же ситуация и с сыном. Да и ей самой, оставшейся без высокопоставленной мужниной спины, вряд ли будет сохранен столь высокий пьедестал и внимание, как прежде. Поэтому процесс гашения конфликтов в их семье Максиму был ясен. В собственной же ими пока и не пахло. Во-первых, жизнь была нескудной, с деньгами и с посещениями по вечерам всевозможных мероприятий по служебной линии Лидочки, у которой приглашительных на неделю было по два мероприятия в день. Во-вторых, жена была не конфликтной и в командировки отлучалась часто. И тесть с отлучками Максиму помогал. Плюс — общей семейной радостью стала женитьба Бориса, которая вскоре и состоялась. Выбор пал на дочь начальни-

ка городской милиции, что, учитывая характер сына, было весьма предусмотрительно.

Свадьба была устроена с шиком, как и свадьба Максима с Лидочкой, и даже круче, так как с деньгами проблем не было у родителей с обеих сторон. Даже негров откуда-то, поющих, раздобыли. На свадьбе шурина Максим еще больше почувствовал себя если не светским львом, то светским тигренком, выпивая со всевозможными крутышками, среди которых он разглядел даже пару депутатов Верховного Совета СССР. Хорошо было Максиму, он был пьян на свадьбе не столько от алкоголя, сколько от своего пребывания в мире бонз, о котором еще недавно не мог и помыслить. Наутро на него свалился еще один подарок в виде новости о том, что Валентина Михайловна, Петр Николаевич, Лидочка и Борис со своей новоиспеченной женой едут зачем-то все вместе в Москву, к родственникам. Максима никто туда не звал, но он и не рвался. А хотелось ему другого.

У Лидочки были ключи от квартиры родителей, а так как на пять дней они все обещали пропасть в Москве, Максим схватил отмычки от рая, где всегда пылилось дорогое пойло, в большинстве своем иностранного производства. Он обзвонил всех своих любовниц и назначил им встречи, в зависимости от того, кто и когда был свободен. За два дня через квартиру благочестивой семьи прошло немало людей, и должно было пройти еще больше. Было выпито два бочонка вина и несколько бутылок дорогого коньяка. Но на третий день с утра, когда нагой Максим с больной головой и мерзким привкусом во рту лежал с очередной подружкой, в дверь раздался неоднократный настойчивый звонок.

В штормовом состоянии он добрался до глазка и увидел в нем профиль Петра Николаевича. Сил хватило только честно произнести: «Петр Николаевич, подождите пять минут, пожалуйста, я не один!»

Тесть все понял и отрезал: «Десять минут на сборы и жду с ключами у подъезда!»

«Мировой у меня тесть!» — подумал Максим, на радостях внаглую прихватил с балкона еще одну бутылку коньяка и уехал на пляж со спутницей.

Тесть был, как ни странно, один, без жены. Максим знал, что он его не сдаст. На следующий день к обеду он проснулся уже в своей квартире. В квартире была Лидочка, которая была сильно взволнована. Максим ничего о вчерашнем дне и вечере не помнил, кроме утра, и не знал, видел он вчера Лидочку или нет... Оказалось, что нет. Лидочка сказала, что им срочно нужно идти к родителям.

«Приплыл!» — грянуло в голове Максима. Перед казнью он быстро умылся, почистил зубы и побрился. Шли пешком, и он узнал из уст жены, что казнь предназначается не ему, а Петру Николаевичу. Оказывается, что когда они все прилетели в Москву, тесть по непонятной причине разругался с тещей и, «обидевшись» на нее, через два дня рванул назад. Теща же, пребывавшая на эмоциональном подъеме от свадьбы сына, принялась праздновать событие в столице. Но, погуляв еще сутки без мужа, не смотря на договоренность о пяти днях в столице, встрепетнулась и потащила всех в аэропорт, в результате чего, уже по прилету в родной город, повторилась картина, что произошла с Максимом днем ранее.

Всей гурьбой семейство заявилось в квартиру, и перед всеми предстала неожиданная сцена. Петр Николаевич в костюме Адама возлежал на семейном ложе, а неподалеку лицом ниц в халате Валентины Михайловны, но, как всем показалось без трусов, лежала, по всем признакам, женщина. Незнакомая, по словам Лидочки. «Только что это меняет? — подумал Максим. — Была бы знакомая, и что тогда?» Картину дополняли нарезанные яблоки и две осушенных бутылки коньяка, стоявшие на журнальном столике.

Как потом прознал Максим, женщина в тещином халате была не сказать, чтобы совсем незнакомой. Именно ее Валентина Михайловна на даче отправила когда-то на бюллетень с последующим повышением. Правда, бухгалтерша из блондинки перекрасилась в рыжую, поэтому, наверное, и не была признана.

— А я то зачем вам там сейчас? — спросил Максим.

— Мама ему без нас всех не хочет никаких вопросов задавать.

Придя к родичам, Максим узнал, что Борину жену отправили домой в их совместную с Борей квартиру. Это означало, что Максим стал им как родной, раз допущен на семейный суд.

Петр Николаевич сидел на кухне и спокойно курил, не давая воли эмоциям. Вся его стальная выдержка летчика-истребителя была налицо. Теща пригласила всех на кухню, но Максим остался подпирать дверной косяк на входе. Семья встала подковой напротив подсудимого, теща, как председательствующая в процессе, — по центру. Начался допрос:

— Ну что, рассказывай! — начала Валентина Михайловна.

Дети кормильца семьи виновато стояли перед отцом. Именно дети, а не допрашиваемый, прятали глаза. Лидочка спрятала руки назад, Боря мял ладони спереди. Им было неприятно участвовать в экзекуции того, благодаря кому они провели счастливое детство, беззаботную юность и надеялись, что хватит на необремененную добыванием хлеба насущного зрелость... Да и на старость хотелось чего-нибудь оставить из нажитого провинившимся папашкой. Они толерантно молчали.

— Чего тебе рассказывать? — огрызнулся фронтовик-проказник.

— Что это было? — настаивала Валентина Михайловна.

— Ты вспомни, что там, в Москве, было! — пошел в наступление супруг.

— А чего там особенного было?

— Когда мы туда прилетели, я тебе сразу сказал, что плохо себя чувствую, что, видимо, простыл, пока по Волге на корабле катались, в озноб меня кидало. А ты мне талдычила: «Не порть детям медовый месяц и мне настроение», — и давай дальше пить и по ресторанам меня таскать. Я б сдох там во время ваших танцев.

— Чего же ты тут с шалавой своей не сдох?

— С какой шалавой?

— С той, что без трусов тут валялась на ковре, — с железным лицом продолжала Валентина Михайловна.

Кстати, тот факт, что уже рыжеволосая и уже главная бухгалтерша лежала без трусов на полу, а не на семейном ложе, был слегка смягчающим.

— Да это знаешь, кто вообще? Ты выясни, а потом заявляй, что почем.

— Ну-у-у... И кто? — выдувая пар из ноздрей и тяжело дыша, взглядом и словом сверлила мужа Валентина Михайловна.

— Я прилетел, в дом захожу... (тут у Максима екнуло). В холодильнике шаром покати, жрать нечего (тут у Максима отлегло), я — на рынок. На рынке хожу, ищу мясо, овощи, сыр, — вы же все на свадьбу уперли, что в холодильнике было, — колбасу ищу. Тут у овощного прилавка за руку женщина меня берет: «Здравствуйте, Петр Николаевич, я вас знаю! («Еще б не знать, — подумал Максим. — У него семь тысяч человек работает, его половина города знает. И портрет на центральной площади на доске почета висит»)). А давайте, — говорит, — я вам помогу, может, вам приготовить чего? Хотя жена же у Вас, извините...». «Да нет, говорю, жена уехала в Москву, как раз уж подсобите, если не сложно...» Ну, вот и все.

— Ну! И?.. Приготовила? — после паузы ехидно продолжила теща.

— Да! Сварила борща небольшую кастрюлю.

— А где же борщ?

— Я его съел... А кастрюльку помыл.

— Всю кастрюлю, что ли, разом спорол?

— Да, есть хотелось сильно... А потом спать пошел...

— А почему она в моем халате валялась?

— Устала, наверное, убиралась потом, пока я спал, полы мыла, окна... то да се... Сама представь, сама не соображаешь, что ли?

— В халате, спрашиваю, почему в моем?! — почти возвопила теща.

— А что, ей без халата, что ли, уборкой заниматься? — рыкнул в ответ тещь. — Ты, вон, тоже халат одеваешь перед уборкой. Что, мне ее домой за халатом что ли, отправлять надо было?

— А коньяк вы выжрали за выздоровление, что ли?

— Максим бутылку выпил, а я из нее две рюмки всего, чтобы дрожь снять.

Максима передернуло от неожиданности и от того, что теща вонзила взгляд уже в него. Он мотнул головой, что, мол, так и было. Из-за плеча матери недоуменно на Максима смотрела Лидочка.

— Так там две бутылки пустых стояло! — уходила в мелочи председатель процесса.

— Вторую она выпила!

— Как ее зовут-то?

— Не помню.

— А без трусов она почему была?

— Да я откуда знаю? Я их, что ли, с нее снимал? Борщ съел, кастрюлю помыл, лег спать, просыпаюсь — вы стоите. Максим, сходи в аптеку, купи что-нибудь жаропонижающее... Я спал! И не мог же знать, что она алкоголичка и

весь коньяк выжрет, пока я сплю. Я и ведать не ведаю, снимала она трусы, пришла она без них или как... Максим беги в аптеку, а то я сдохну...

Максим метнулся в сторону выхода, пока не стали задавать ему вопросы о том, когда, с кем, при каких обстоятельствах он был в данной квартире и без двух рюмок, полагающихся Петру Николаевичу, осушил две по 0,7 литра коньяка.

Петр Николаевич продолжал без Максима... Не зря он сразу после начавшихся воплей жены на три часа вернулся в одеяло, прикинувшись больным, и придумывал, что ему плести, когда буря немного успокоится.

Выбегая из квартиры, Максим едва смог сдержать истерический смех, который распирал его изнутри.

У детей не было желания смеяться вообще, ибо боялись они одного — развода родителей, который не сулил ничего хорошего.

Купив никчемных лекарств, Максим быстро вернулся в квартиру, забрал Лидочку и направился домой.

На следующий день Петр Николаевич улетел в недельную командировку, и конфликт рассосался сам собой, о нем никто не вспоминал.

Но как свои, так и чужие промахи не пошли Максиму впрок, и когда через некоторое время Лидочка уехала в недельную командировку, молодой супруг начал приводить уже в семейную квартиру своих подружек. В одно прекрасное утро (классика!) дверь открылась, на пороге появилась теща, увидела на пороге женские туфли, пару бутылочек шампанского и два фужера на кухне, хмыкнула и спокойно вышла, бросив на прощание: «С добрым утром, Максим! Это теща твоя, с этой минуты бывшая, скоро жена приедет!..»

Над Максимом суда не было. Никто не боялся терять зятя-железнодорожника. Лидочка исчезла из его жизни, как

мираж, мгновенно, будто ее и не было. Тесть, не спешащий за время замужества дочери подключать связи, чтобы устроить Максима на место потеплее, сказал на прощанье: «Удачи тебе, Максимка!»

— Удача улыбается сильным! — парировал бывший зятек и зашагал молодым, разведенным, свободным и легким, с мыслью «А ведь какая хорошая семья — ничего лишнего!»

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Есть в Третьяковской галерее картина — «Всюду жизнь», художника Ярошенко, иллюстрирующая милосердие людей, которые сами нуждаются в милосердии свыше.

В картине отражена лишь одна ситуация, а в местах не столь отдаленных идет повседневная, наполненная чередой событий жизнь, пусть и с ограниченными предлагаемыми обстоятельствами. И ограничения везде разные, в зависимости от строгости режима. В довлатовской «Зоне» описано празднование сакрального юбилея октябрьской революции, одновременно с которым шел развал великой социалистической империи. Но есть событие, которое не имеет отношения к идеологии, но которое затрагивает людей в любой точке планеты, вне зависимости от национальности, обстоятельств, рода деятельности и прочее и прочее... Я имею в виду — Новый год. Даже если ты не любишь этот праздник, по религиозным или иным причинам, и лично не хочешь его праздновать, то тебе в нем в любом случае придется поучаствовать, в качестве слушателя салюта с улицы, поздравлений соседей с хлопками пробок шампанского, либо телезрителя и радиослушателя, и уж доносящейся отовсюду фразы: «С Новым годом!» не миновать.

И все же — мало кто не любит Новый год и не связывает с ним добрых надежд, даже в исправительных учреждениях закрытого типа. Даже те, кому долго или бесконечно сидеть, тоже надеются, что в новом году могут объявить амнистию, либо государство выделит побольше средств на пенитенциарные учреждения — и содержание станет лучше.

ИТК-16 города Сызрань, усиленный режим. 30.12.1992.

Весьма шустрый и сообразительный Витек, вместе со своим товарищем, или как в тех местах выражаются, «семеиником», думали, как по-человечьи справить Новый год.

Поясню: семейник — это зек, который отбывает свой срок наказания в одной бытовке с другим зеком. Именно проживающий в одном помещении, никакой другой смысл вкладывать в это понятие не следует.

По статусу статьи, Витьку полагалось быть шустрым и сообразительным. Сел он, правда, по статье страны, которой уже не существовало, — хищение госимущества РСФСР в особо крупном размере, — и до расстрельного приговора не хватило самой малости. Правда, ему было не совсем понятно, почему он за кражи на фабрике должен праздновать Новый год в учреждении закрытого типа, а те, кто развалил, пиши равно, разворовал Эсээрию, празднуют всепланетный праздник каждый в своем суверенном благополучии. Но от обстоятельств не уйдешь, и несмотря на то, что трудно скрыть зависть по отношению к тем, кто по ту сторону колючки, свой собственный теперешний быт необходимо устраивать всеми способами и талантами, а также с помощью знакомств и блата, как это делают все гражданские, не ограниченные в правах лица.

Договариваться можно было через оперчасть ИТК, но опера были избалованы донельзя — и ценник за свои услуги выставляли в преддверии праздника непомерный. Но не будь Витек завклубом ИТК-16, если бы он не договорился с кем надо и о чем надо.

Пожалуй, это единственное, что ему нравилось в изоляции: не пропадали навык и талант в коммуникации и договороспособности, хотя заправским зеком и матерым вором назвать его было нельзя, да и сам он себя так никогда не называл. Попал он в эти условия, с его слов — «по случайности, а не по образу мыслей». По его градации зеки делились на три типа: случайные десять процентов и оставшиеся напололам — это те, кто вообще не знает и не расскажет, за что сидит, и те, кого просто нельзя никогда выпускать в силу их озверения и ненависти к социуму.

Итак: кормить и без того заживевших оперов не хотелось, и поэтому оставался прямой путь к наведению контактов с вохрой, благо большая часть её состояла из 18-20-летних солдатиков срочной службы, следящих за порядком с караульных вышек. Сперва Витек прознал, кому из их состава корячится дембель, и подошел к двухметроворостому и худому как спичка сержантику во время трудового дня, пока тот не «завис с автоматом на высоте» (не дежурил на вышке). Предложение Витька было весьма заманчивым. Дело в том, что семейник Серега, помимо того что любил читать и декларировать стихи, делал еще и отличные ножи-выкидухи да и всякие другие разности в виде открывашек, вилок, брелоков и прочее, которые не продаются в сувенирных лавках лишь по причине не промышленных объемов производства. Вид же изделий был весьма презентабелен и экзотичен — не ширпотреб. Товар был дефицитным, благо руки у Сереги были золотыми. А уж прийти салаге с армии с блатной красивой выкидухой, да еще и с гравировкой, которую запросишь сам, было круто для любого краснопогонного сержанта внутренних войск. Так и забились: с Витька ножик, с сержанта мясо на стол. С добычей мяса проблем не было, так как у военных под патронажем находилась свиноферма, запах от которой порой доставал всех обитателей зоны, когда ветер дул с фермы в сторону барачков. Причем раздражал как запах свинячьего дерьма, так и жарящихся солдафонами шашлыков. Но услугами свинофермы пользоваться приходилось: жизнь.

За шесть часов до боя курантов Витек должен был подойти к условленной вышке и бросить в руки сержанта пакет с сувенирно оформленным ножом-выкидухой, с гравировкой «дмб-93». В ответ же сидельцам полагалось пять килограмм молодой поросятины.

Пунктуальность с обеих сторон была соблюдена. Солдат в назначенное время стоял на вышке, Витек под ней.

Закинув с первого раза пакет по адресу, пришлось пару минут похрустеть валенками по снегу, пока дембель убеждался в качестве товара. Витек пока любовался нежным снежным пухом, медленно падающим на его нос. На остальных вышках не обращали внимания на то, что один из зека стоял у запретки и чего-то ждал. Запретка — это огороженная колючей проволокой полоса, которая ограничивает близкое приближение к охранному забору, за пределами которого — воля. Между запреткой и забором расположены вышки с автоматчиками (вохрой, от словосочетания «ведомственная охрана»).

Всем было пофиг до одинокого зека у вышки, так как знали о сути этой стрелки. Через две минуты сержант, видимо, удовлетворившись товаром, держал в руках небольшой тканый мешок из-под картошки, который нужно было перебросить через колючку полосы отчуждения. Пять оговоренных килограмм поросятины даже для недокормленного служаки перебросить не проблема. Однако мешок зацепился углом за колючку — и висел на высоте двух с лишним метров и падать не собирался.

— Ну доходяга! — подумал Витек.

— ..., — подумал опростоволосившийся солдат на вышке.

В принципе, ничего страшного в этом не было, старший офицерский состав уже с утра новогодил в служебных помещениях — и если выходил, то только покурить, а уж если совсем нановогодившиеся, то отлить с лестницы второго этажа административного здания. Поэтому ненужных свидетелей бартерной сделки не было.

Мешок висел, а Витек от мыслей потел. Сержантик с вышки робко дал знак рукой, чтобы Витек сдернул мешок с проволоки, если получится допрыгнуть.

Витек быстро добежал до склада, где лежали хозяйственные инструменты, притащил колун, которым обдалбли-

вали лед, и начал с его помощью побыстрее сдергивать мешок. После нескольких прыжков он почувствовал, что мешок под ударами поддается, еще несколько попыток — и он упадет на землю и станет доступен. Но помимо движений внутри мешка, из него еще стали доноситься визжание и хрюканье.

В эту секунду и на всю оставшуюся жизнь Витек понял, что телепатия существует. Витек взглядом и мыслью задал сержанту вопрос: «Че не предупредил-то, что мясо живое?» Незамедлительно получил такой же телепатический ответ: «Ну не умею я свиной резать!»

Витька, конечно же, радовало, что масса поросенка была явно больше пяти килограмм, однако весь этот цирк у запретки надо было заканчивать поскорей, иначе на орехи достанется всем.

Еще после трех ударов мешок неожиданно порвался и из него, прямо на огражденную проволокой запретку, выпал поросенок. От побоев в воздухе и удара об землю он не понимал, где он, что ему делать и где сейчас опасность.

Витек, конечно же, не мог позволить, чтобы уже оплаченный товар ушел из-под носа и был испорчен праздник. Он сквозь проволоку, обдирая бушлат и ватные штаны, провалился внутрь запретки и рванул к поросенку. Поросенок, поняв, что бои и муки сейчас возобновятся, рванул по коридору запретки вдоль длиннющего забора. Витек словно в тумане бежал там, где ему категорически нельзя было находиться, но сорвать почти удавшееся предприятие было бы непрослительно. «Такой классный вечер, такая чудная погода, скоро праздник, а из-за этого вохровского козла сейчас меня подстрелит по незнанию какой-нибудь восемнадцатилетний салабон», — думалось Витьку. Во время погони ему виделся под желтым светом фонарей мягко падающий и приятно хрустящий под ногами снежок и зад поросенка с крючком. Ему даже на миг показалось, что это не

он бежит, а это ему показывают фильм: уж слишком красивой была картинка вертикально спускающегося снега и слишком приятным и отчетливым хруст под ногами. Поросянок бежал молча, казалось, чтобы не мешать Витьку наслаждаться чарующим пейзажем. Пробежав секунд десять, Витек услышал, как в спину повторяется и передается следующей по пути вышке команда «не стрелять!»

Этого сейчас явно никому не хотелось. В первую очередь сержанту, для которого данное происшествие могло закончиться не дембелем, а дисбатом. Впереди виднелся поворот, и казалось, что еще метров пятьдесят — и зека догонит добычу. Но Витек и все немые свидетели на вышках видели, как навстречу бегущим, из-за приближающегося поворота, выворачивает служебная немецкая овчарка. Витек решил, что раз стрельбы из автоматов не испугался, то уж отдавать поросенка собаке или ее хозяевам он точно не собирается. Глаза его были открыты, но ощущение страха как будто затмилось вспышкой адреналина. Кто за кого болел, было непонятно, в головах у всех уже работал адский тотализатор. Все понимали, что появившись сейчас кто-то из офицеров — придется открывать огонь по зеку. Кто-то уже прикидывал, кому все-таки в итоге достанется поросенок. Если собака схватит зека и зек начнет ее душить, волей-неволей придется открывать огонь.

В общем, корячился не обещающий счастливого конца сценарий, а с ним и тихое празднование Нового года. Люди в форме со своих вышек, уже готовые передернуть затворы своих «калашей», метали свои взгляды между эпицентром событий и административным зданием, в окнах которого бродили с воплями пьяные тени.

Но в точке встречи трех живых существ, с разными антропометрическими показателями, а главное — разными на текущий момент целями и задачами, произошло то, что можно было бы назвать идеальным исходом для всех при-

сутствующих. Правда, ценой этого исхода стала трусость одного из участников действия, а именно служебной собаки. А может, и не трусость, а просто испуг или шок, потому как в ее голове не складывался пасьянс, в связи с разрушением стереотипного поведения окружающих. Собака привыкла, что всю жизнь от нее кто-то убегал, а здесь же, наоборот — бегут на нее и останавливаться не собираются. Изначальный ее оскал на морде превратился в испуг, когда поросенок яростно завизжал, увидев ее. Собака подпрыгнула и сама с визгом уже побежала от зека с поросенком. То, что не произошло бойни зека с собакой за поросенка, было облегчением для всех, кто на вышках, но бегущим было метров сто пространства впереди, а дальше тупик... И что вся троица мирно приляжет в запретке, отдохнуть и поговорить за жизнь, было сомнительно. Тем более поросычье-собачьи визги могли привлечь внимание кого не надо. Ситуацию надо было разрешать быстро. Собака, подгоняемая визгом поросенка, не оборачивалась и опасности не представляла, но служебное сознание могло к ней вернуться и перед лицом своих двуногих товарищей в погонах ей могло стать стыдно и могло захотеться реабилитироваться каким-нибудь кровожадным образом. Витек собачью душу в этот момент тоже понимал, поэтому оставшиеся несколько секунд надо было использовать максимально полезно и для жизни, и для праздничного стола. Иначе — зачем все это с ними всеми случилось?

Догнав поросенка и схватив его обеими руками, окончательно дорвав бушлат и ватные штаны, он пролез через проволоку назад в безопасную зону и, не раздумывая, рванул туда, где менее освещенная территория, дабы незаметней уже для выходящего из здания перекурить начальства пробраться к своему барaku. Собака, придя в себя, заливалась в сторону Витька с запретки, вся такая готовая к подвигам. По ее лаю Витек понял, что ей досадно за, возможно, первый позор в ее послужном списке.

Стоя в тени сараев, Витек переживал, когда курящие уйдут назад в здание.

И тут раздался вопль «бати»: «Товарищи военнослужащие, поздравляю вас с наступающим Новым годом!»

В ответ послышалось со всех вышек: «Ура! Ура! Ура!» На фоне падающего снега Витьку были видны три золотых звезды начальника колонии, белая парадная рубашка и пар из его рта. После коротких разговоров и смешков все курящие вернулись в помещения. Витек, убегая в барак, тоже услышал с вышки: «С Новым годом!» Но ничего не ответил, вновь переживая все с ним произошедшее. В бараках весть о Витьке уже разнеслась, и он был чествован в этот вечер как герой, и ему было предложено отмечать теперь не только Новый год, но и день рождения.

Поросенок был вкусный, водка и шампанское с фруктами, которые раздобыли блатные, тоже были хорошего качества, да и вообще — праздник удался. Ночь была длинной, раз в полчаса с вышек разносилось троекратное «ура!», но больше всего Витьку понравилось стихотворение, которое прочитал его семейник Серега, благодаря ножкику которого на столе был поросенок, а Витек чуть не лишился жизни.

Стих этот Виктор записал себе в память на всю жизнь:

Кто битым был, тот многого добьется,
Пуд соли съевший выше ценит мед,
Кто слезы лил, тот искренней смеется,
Кто умирал, тот знает, что живет.

**НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ,
или ТЯГОТЫ ИЗБРАННИКА**
(строителям демократии посвящается)

Депутат Волин в своих рассуждениях был солидарен с большинством российского народонаселения: все за нас решено, голосуй — не голосуй... важно, как посчитают, и тому подобные штампы. Поэтому и решил он в разгар избирательной кампании погреть на тайландском солнышке свое 60-летнее брненное тело в компании с двумя прекрасными двухметроворостыми 20-летними «нимфами». Правда, он поэтетски звал их «феминами».

Соцопросы показывали, что Волин спокойно проходит по партийному списку, благо он в нем под № 1, и поэтому вместо того, чтобы круглые сутки в февральскую стужу со штабными политтехнологами играть в нарды, он выбрал юго-восточное азиатское направление. Все тяготы избирательного процесса ложились на пикетчиков, раздающих в снежную бурю газеты, почту, разносившую агитматериалы по почтовым ящикам, а также радио и телеэфиры, громоздились на плечах «вождя», вещавшего из Москвы на всю матушку-Россию.

Никто его не держал, в Москву в главный штаб он звонил из Бангкока ежевечерне и, пока ворочался язык, уверял, что в его «палестинах», а именно в Поволжье, все супер и катаклизмов не предвидится.

После двух недель отдыха, по возвращении в отечество, мерзкая февральская погода уже в аэропорту разозлила депутата Волина. Ветер со снегом в загорелое лицо пробудили в народном избраннике злость и жажду деятельности. Первое, что он сделал, так это отправил на такси двух опостылевших курортных подруг по домам, а те явно хотели доехать до жилищ на «членовозе» с мигалкой.

Второе — это отправился в избирательный штаб, где политтехнологи и координатор области пояснили, что в целом все ничего, только доблестное ГИБДД поставило на штрафстоянку партийный автобус, до потолка забитый газетами, остановив его в селе на краю области. Прием со стороны властей по отношению к конкурентам старый и привычный — заморозить агитматериал, чтобы избиратели его не прочитали и не прониклись чуждыми идеями.

У депутата Волина работали компенсаторные механизмы: он решил наверстать две недели своего отсутствия и дал задание купить в военторге белые парадные перчатки. Также на завтрашний, прямой, итоговый перед днем голосования телеэфир, вещающий на всю область, принести портрет губернатора в рамке. Все остальное он оставлял за собой.

Настал день эфира. Одетый с иголки, припудренный и загримированный специально, чтобы не видно было тайского загара, кандидат-депутат берет три минуты для монолога.

«Вчера я узнал, что милицией забран на штрафстоянку наш партийный автобус. Моей партии автобус, самой рабочей, самой честной, самой добросовестной, самой народной партии, самой патриотичной партии. Сказали: проверяем на предмет незаконности агитации».

И без того низкий тембр голоса Волина под тяжестью драмы и переживаний стал превращаться в лавинный рык. Из своего портфеля, стоявшего под столом эфирной студии, он достал портрет губернатора, поставил его на всеобщее обозрение — и с диким ором: «Вот тебе незаконная агитация!» отхлестал губернатора белыми перчатками из военторга. Ведущая прямого эфира, политтехнологи у экрана и часть зрителей сидели в легком недоумении.

«Смело, однако...» — крутилось в одних головах. «Экий придурак...», — возникало в мозгах других, и только у

областного координатора в голове было одно слово — «шандец».

С чувством выполненного долга действующий депутат встал и вышел из эфирной студии. Ведущей ничего не оставалось, как уйти до конца трансляции на агитационные ролики. Волин понимал, что мандат следующего созыва у него в нагрудном кармане. Он уже прикидывал и искал покупателя на свой депутатский автомобильный номер, верней, покупатель его нынешнего номера с отечественным триколором был готов пролонгировать старый. Уже сейчас, в рекламном проспекте «Круизы от Бриза», он подбирал себе корабль, где есть казино — в общем, ничто не предвещало беды.

«Народ любит смелых, — думал Волин. — Наделал я шороху!»

После дня тишины настал день выборов. Телефонисты жужжали, суммируя данные с избирательных участков, юристы трещали, выявляя мелкие нарушения, так как крупные они почему-то никогда не могли выявить.

Экс- и будущий депутат играл с водителями в нарды на деньги. Водители великодушно поддавались: всегда приятно угодить шефу, чтобы не возникло желания сменить кадровый состав вокруг себя.

Блаженное настроение народного трибуна стало хмуреть, после того как более молодой координатор партии в области, обладатель кандидатской по математике сообщил, что цифра, приходящая со всех участков от своих наблюдателей, никак не «бьется» с тем, что публикуется на сайте областной избирательной комиссии.

По личным данным цифра говорит о том, что Волин — депутат с запасом в 1,5%, а область вещает, что, наоборот — он 1,5% как недодепутат. Не достает — и все тут.

Рука у молодого партийца потянулась к телефону, но куратор области и пока депутат Волин неожиданно понял, что эфирный подвиг был недооценен или переоценен кем-то

из избиркома, и запретил звонки. Мосты на местах после выходки были сожжены, и звонить можно было, только плюхаясь на колени и унижаясь всевозможными способами перед губернатором или его замами, отвечающими за выборы.

Волин не хотел выходить из своего брутального образа ни в какую. Сперва разогнав лентяев водителей, проваливших избирательную кампанию, он обозвал проституткой личного секретаря-координатора, после чего ее никто больше не видел. Политтехнологам пообещал, что денег хрен из них кто получит, и вся эта отповедь могла продолжаться долго, но молодой координатор сообщил, что через двадцать минут кроются избирательные участки и что срочно нужно звонить самому вождю партии и просить защиты от местных князьков-беспредельщиков.

Уже через минуту Волин, превратившись в мальчика-зайчика, объяснял вождю тенорком, что сам не знает, как так получилось, и что местные белены объелись и не хотят, чтобы в области работал сильный представитель от оппозиции, то есть он.

За полчаса вождь все уладил напрямую с губернатором и сообщил Волину, что замгубернатора ждет благодарности с извинениями после выборов. Денежный эквивалент благодарности и извинения по договоренности лично.

Через час цифра на сайте избиркома показывала, что Волин 800 голосов назад стал депутатом, что какие-то три села на границе области, названий которых Волин не знал и никогда в них не был, с результатом в 90 с лишним процентов проголосовали за него. Их-то голосов как раз и хватило.

Через десять дней было первое заседание партийной фракции в Госдуме из депутатов нового созыва. Отчеты по работе в регионах первым начал депутат Волин из Приволжского федерального округа:

«Уважаемый председатель партии, дорогие коллеги! Долгими зимними вечерами, в промозглую стужу, в партий-

ном промерзшем автобусе, по сельскому бездорожью мы два месяца вели агитацию. Из остывших термосов пили чай, который иногда заledenевал в этих термосах. Вели разъяснительную и агитационную работу, делали добрые дела. И только одно не давало нам опустить руки и не впасть в отчаянье — это любовь к партии».

Его бархатистый тембр и размеренная речь не давали повода усомниться, что все так и было. И для истории, оставшейся на бумаге и в электронном виде, из стенограммы данного заседания все так и есть. И лишь лично присутствующих во время спича Волина одолевали сомнения, что, наверное, все было немножечко не так, потому как смуглые нос, лоб и щеки Волина уже облезали от загара...

А во внутреннем кармане (чего никто не знал) у Волина вместе с корочкой депутата нового созыва лежали билеты — его и новой подружки — на пятизвездочный круизный лайнер.

НАНО-ТВ

Порой на чтение книг не хватает сил и усидчивости, поэтому в воскресный день делаешь тщетные попытки получить полезную информацию из телевизора. От федеральных каналов радости мало : «Аншлагги», от которых дебилеешь, «Криминальные хроники», от которых уходишь в депрессию, оба Малахова — один (старший) шарлатан, второй (помладше) сплетник, любимая тема которого беременные дети, — так же помогают разочароваться в человечестве. Но в избавление от федеральной пропаганды и зомбирования в продаже имеются всевозможные спутниковые тарелки. Одна из них и должна была помочь мне скрасить тоску в мартовский слякотный вечер.

От количества и качества футбола тошнило не меньше, чем от «Аншлага» с Малаховыми в одном флаконе, поэтому спортивные каналы поставил в «игнор». Канал, где круглосуточно крутят индийские фильмы, хоть и брызжет экзотикой, но все эти фильмы я просмотрел еще в детстве, когда они были самыми распространенными на видеокассетах, сплошь красочные и музыкальные, а так же мордобои с Брюсом Ли. О! Канал Тонус-ТВ, где круглосуточно занимаются фитнесом. Посмотрев 10 минут, как полупанковского вида мальчик и три вокруг него девочки тянут-потянут всевозможные мышцы, решил попробовать с ними, вприглядку. Затеял я это для того, чтобы послать им письмо, что они шарлатаны, и что все их упражнения — фуффло. Но через пятнадцать минут, весь в поту, с потянутыми мышцами ног и поясницы, от доставания ладонями пяток и шпагатов, плюхнулся на диван.

«Полезный канал», — подумал я, лежа на диване. Просмотрел четыре музыкальных канала, где было все одно и то же — голые девицы, кривляющиеся под жгучим солн-

цем, либо под фонарями. При них непременно негр, собачка, или негр с собачкой. Сами песни непонятны, потому как вместе с Чапаевым я языками не владею, но припевы все схожи — «е-ие-ие», «еу», «ага-ага» и ближе к родному — «ла-ла-ла». Музыкалка надоела быстро.

Затем были два канала, которые вещали о высоком — один о космосе, второй о религии. О космосе, за пять минут просмотра, я не понял ничего, о религии — чуть больше, но через десять минут почему-то стала наползать мысль о собственной ничтожности и никчемности своего бытия. О том, что пить, курить, воровать, ругаться матом нельзя — это я был в курсе. Но батюшка с экрана шокировал меня тем, что, оказывается, нельзя наряду с этим: завидовать, помнить зло, любоваться симпатичными женщинами, хотеть разбогатеть, уходить от проблем... и прочие невероятные для меня вещи. Задавшись вопросом, а как, вообще, жить, тут же получил ответ на следующем канале — там показывали бальзамирование Ленина.

«Да, это выход!» — подумал я. — Надо только рассказать, и, не успев нагрешить, забальзамироваться». Но и тут промах — это самоубийство, а при таком раскладе и вовсе бесперспективняк при встрече с Создателем. И, самое малое, что будет вменено — это уход от проблем. «Э-эх!». Переключаю другой канал и — на тебе!

Название у канала было обнадеживающее — Нано-ТВ. Сейчас приставку «нано» суют куда ни попадя: нанотехнологии, нанопитание, нанофермы...

Там, на фоне гнилой стены из ДСП, сквозь дыры которой просматривалась облезлая отопительная труба-гармошка желтого цвета, мужчина в очках, и в трижды, насколько я смог разглядеть, штопаном пиджаке, без нескольких зубов, объяснял что-то о диссипативной динамической системе, и об асценировании электрического тока. Прослушав с десятков знакомых слов, рука дрогнула, и попадаю, не помню на

какой канал, а на нем — девушка в прозрачной кофточке и мини-юбке «отгадывала» с телезрителями чудо-слово из четырех букв, обозначающее орган на голове. При этом она поясняла, что делает неявные подсказки. Подсказки были бронебойные.

Сперва я подумал, что она кокетничает с оператором в студии. Она прикладывала свой палец к нижнему веку, потом подмигивала и говорила: «Ну, вот, чем я сейчас подмигиваю!?» При всем этом первая буква «г» и последняя «з» в окошках, наподобие тех, что в «Поле чудес» Якубовича, уже были открыты. Я понял, что речь идет о глазе, но телезрителей как сглазили — все звонки чудным образом срывались, а время для отгадки на секундомере в углу экрана таяло. Потом девица капризно сделала губки трубочкой и с писклявым «ну-у!..» констатировала, что время истекло, и никому не повезло. Для того, чтобы зрители не переключили канал, в основном особи мужского пола, организаторами лохотрона был отработан прием: снизу работал вентилятор, который поддувал юбку так, что она слегка задиралась, а оператор постоянно резко наезжал и отъезжал от ведущей, что после трех минут просмотра приводило к приступам морской болезни — тошноте. Не поймешь — то ли дожидаться и узнать, какого цвета трусы ведущей, то ли сбегать в ванную, чтобы вырвало от бесконечных наездов-отъездов на экране. Я хорошо помнил, как полгода назад, отгадывая слово ухо, только с другой ведущей, но в той же одежде (дресс-код) трижды при слове «алло» срывался мой звонок, и я лишился пятисот рублей.

Хотел было уже переключить, но началась программа иного плана, которая своим форматом опустила мою руку с пультом назад на диван.

Название передачи было что-то типа «Лучезарные беседы», и обсуждалась всевозможные чудеса и книги, которые эти чудеса описывают.

Внизу экрана бегущая строка разъясняла зрителям, как и где можно купить эти книги и счет, на который нужно было посылать деньги на их покупку.

Перед описанием увиденного хотелось бы вспомнить школьные годы, когда нас, пятиклассников, привезли в Третьяковскую галерею и разъясняли суть картины Ивана Крамского «Христос в пустыне». Разъяснения была следующие: Христос размышляет о революции, которая освободит евреев от гнета Рима. Что-то меня тогда смутило в такой интерпретации.

То, что лепетали двое ведущих во время прямого эфира, и вовсе повергло меня в недоумение. Посреди беседы включалась телефонная связь со зрителями, которые задавали вопросы ведущим.

Ведущие — особая тема обсуждения. Первый — дедушка лет семидесяти, сутулый, с седой бородкой и злыми острыми глазенками, колючим взглядом исподлобья. Такое впечатление, что этот человек познал самую жизнь и суть всех вещей, и эта самая жизнь его жестоко обманула. Плюс ко всему он был, видимо, вологжанином, так как разговаривал на «о».

Звали его что-то, навроде, Мелиантроп Рудольфович. В голове у меня мелькнуло — Мизантроп Вервольфович, что подходило ему ближе.

Второй ведущий, а, вернее, ведущая, представляла из себя более миловидное зрелище и отличалась более смиренным поведением. Женщина была противовесом мужчине — баланс темпераментов. Она была сама покорность, и платок на голове символизировал это. Из-под платка вылезали две щеки розового цвета, пышущие витаминами и здоровьем. Мне казалось, что если бы она потуже затянула платок, то одна из щек бы треснула, и из нее брызнул сок, который смело можно было бы продавать в барах, как морковный или свекольный фреш. Взгляд ее направлен был лишь на

три объекта. Когда говорил мужчина, взгляд был восхищенно направлен на него. Когда говорили телезрители — смиренно в стол перед носом. И когда говорила она сама, глаза смотрели в потолок над головой оператора, и периодически видны были только ее белки. В эти моменты она черпывала благодать, подумалось мне. Звали ее Силуана.

На столе стояли атрибуты, которые могли бы привлечь внимание людей до трех лет и после семидесяти трех. Между ведущими стоял стеклянный шар, внутри которого шли постоянные электрические разряды посредством батареек, вставленных внутри. А слева от ведущей бились и отскакивали металлические шарики путем цепной реакции — мобили, так их кажется называют.

Меня это не привлекло, так как в переходах метрополитена эти штуки у китайцев, да и не у китайцев тоже, я видел ежедневно.

Итак — началось. Сперва была презентована книга об игумене Гурие, издание 2005 года, тираж десять тысяч экземпляров, из которого осталось несколько сотен, и (цитата ведущего) «дураками круглыми будут те, кто эту книгу сейчас же не закажет с помощью бегущей строки». Еще добавил ведущий, что «страна наша многострадальная поупускала семь вагонов шансов придти к жизни правильной, и книга об Игумене Гурие это один из последних билетов до станции «Блаженство». Затем ведущая кратко поведала о содержании. Оказывается, Гурий был весьма продвинутым, верней, прозорливым. Однажды он вышел на площадь, и, окинув взором всю челядь, идущую с ярмарки, сообщил своим спутникам, что из всех идущих к жизни вечной доберутся шесть человек.

После этих слов «Вервольф» покачал головой и сделал движение губами, мол, были люди в свое время, не то, что нынешнее племя...

Тут же я прикинул, как органично на нем бы смотрелся френч от Хьюго Босс и фуражка с кокардой «череп и кости».

И тут он заговорил: «Действительно, Гурий, помимо даров, которые он стяжал своими подвигами духовными, имел не меньший авторитет среди своих послушников, если говорил: женись, то женились, если говорил разводиться — разводились. Воля Создателя из него шла как из никого другого».

Далее пошел звонок из Коломны:

— Дорогие ведущие, здравствуйте, у меня такой вопрос, алло, вы слышите?

— Давайте вопрос, слышу! — резко ответил ведущий.

— У меня беда, соседка у меня колдунья, а я ей замечания делала, что у нее кошки ночами орут, и что она, грешница, в церковь не ходит, а она, представляете, сказала мне: прокляну! И что наведет на квартиру мне чертей. Что делать?

Глаза у ведущей сделались такими, словно в новостях сообщили о гибели «Титаника».

— Как она выглядит? — спросил ведущий и насупил.

— Ну, как... пятьдесят пять лет, раньше в военкомате работала, призывников по медкомиссиям отмазывала, а сейчас к ней народ гурьбой ворожить ходит.

— Нет, вы мне это не рассказывайте, — прервал ведущий, — а расскажите, как она одевается и что с собой носит: брошь черного цвета, книгу с проклятиями, вуаль на голове, гвозди, скипетр, что у нее в руках, в общем, всегда.

Секунд семь в трубке было молчание, затем телезрительница заговорила:

— Ну, сегодня пакет с яблоками в руках был, ключ от домофона...

— Так, все, я понял, это средней степени колдунья, никого она вам не напустит — кишка тонка! — Давайте следующий звонок.

Ведущая так же определила ранжир колдуньи и мелкими движениями маленькой ручки, с дюжиной на ней всевозможных колец, благословила звонящую, дав тем самым успокоение ее душе. Кивая, она соглашалась, что колдунья «никакая».

Тут же раздался второй звонок. На другом конце провода вновь была женщина, но уже из села «Хреновое» Воронежской области.

— Отец родной, благослови! — чуть не кричала она.

— Благословляю, — вновь резко ответил ведущий, и у него получилось непроизвольное движение рукой в сторону оператора, будто он пытался поймать муху.

— Скажите, пожалуйста, когда мой сын бросит пить? Уже полгода он...

— Никогда он не бросит пить!

— Как? — растерянно спросила телезрительница.

— Пока не начнет читать то, что я говорю, не бросит. До свидания, — отрезал ведущий.

Ведущая смиренно скрестила ладони рук, как бы молясь за хреновского сына, верней, сына телезрительницы из «Хренового». Во время столь сверхкраткой молитвы только и можно было сказать: Госпо....

Она все-таки продемонстрировала четверть килограмма золота на второй руке.

Перешли к презентации следующей книги, которая называлась «Иеромонах Трифон». Книга была в шикарном переплете, на обложке изображен был Спаситель, обнимающий Трифона, держащего в руках книгу, и, видимо, от имени Спасителя приписана фраза, адресованная Трифону, «Еще треть напиши — благословляю!» Стоимость была под полторы тысячи.

Тут же вновь начались звонки.

— Скажите, у меня муж постоянно плюется, как только говорю ему о том, что материться нехорошо, что делать?

Ответ ведущего последовал незамедлительно:

— Передайте ему, что когда слюна попадает на землю, то враг, — а это сами знаете кто, тот, что с рогами и копытами, произносить не буду его имя, — как тут же может запырнуть и на вас, и на всех нас, и вы не произносите...

При этих словах ведущая начала хоть и мелко, но активно креститься, образовывая на экране золотой шлейф от своей маленькой ручки.

— Так вот, — продолжил ведущий, — если все-таки он плюнул на землю, то пусть немедленно крестится, да при этом по левому плечу пусть резко бьет, иначе с плеча он его, сами знаете кого, не сгонит. И еще — когда вниз рука пошла, то руку надо ниже пупа доводить, иначе крест переворачивается, и враг радуется и смеется.

— Спасибо вам! — поблагодарила женщина.

— Ничего, пустяки, — удовлетворенный своим ответом сказал ведущий.

Тут в разговор вступила ведущая:

— Кстати, дорогие женщины, если мужья вас не слушаются, есть один надежный способ — приносите из церкви святую воду и подливайте во все питье и еду мужьям. Чем больше объемы кушаемого, тем больше подливайте.

Ведущий во время ее спича заводил на руке часы, при этом посмотрев быстро на стену, в результате чего немного вышел из кадра. Видимо, в студии висел настенный хронометр.

— Да, святая вода — большое дело, — попытожил ведущий. — В книге Анатолия Дурасова, которая также есть у нас в продаже, описывается, как святая Макария прозрела петуха, окропив его святой водой.

Рад бы рассказать больше о той передаче, но рука уже без моего ведома набирала конфигурацию — удалить канал. Так что, друзья, что ни говори, а пришлось мне на следующих выходных засесть за отечественных классиков, пылившихся месяцами без внимания на полках моей квартиры.

КРОЛИКИ, ИЛИ ДОБРОСОСЕДСТВО

Бывает так, что, общаясь с человеком, ты понимаешь, что все вроде бы нормально: диалог строится, взгляды на вещи с человеком совпадают, и приятен тебе он. Но человек тебе не до конца ясен и остается чуть-чуть чужим. Именно так у меня и было с соседом по даче — Ромой. В политике мы были коммунистонаенавистниками, в спорте мы были футболофилами, а вот к охоте и алкоголю относились по-разному. Я — за охоту и алкоголь, а он — не охотник и непьющий. Именно это и не давало нам с Ромкой сблизиться до конца и стать закадычными корешами. И был промеж нас один напряженный момент. У меня был натасканный на охоту спаниель, который любил ловить все, что движется, а Ромка разводил кроликов, которые все время бегали по травке за разделяющим нас забором. Забор был прочен, у основания кирпичный, и мой кокер хоть и молча, но с вожделием, смотрел на них сквозь сетку рабицу. Явно ему хотелось заловить их и принести мне. Когда они приближались к забору, он сперва начинал бегать вдоль него, кряхтя с досады, а затем преданно смотрел мне в глаза и спрашивал: хозяин, ну неужели ты не видишь, что там творится у соседа? давай их срочно всех переловим...

И чтобы не нервировать собаку, я привязывал более фанатичного охотника, чем я, подальше от не дающих ему покоя ушастых картин.

Рыть подкоп под забором Джою (моему кокеру) я запрещал, а перепрыгнуть забор он никак не мог. Так и мучился.

Я, конечно, знал, что забор не везде у основания кирпичный, по краям деревянный, и доски не шибко крепкие, но долгое время эксцессов с кроликами не происходило.

Но однажды августовским утром я проснулся часов в пять утра от того, что мой питомец подвывал на крыльце.

Видимо, просится в дом, подумал я. Но на крыльце у входа лежали два дохлых, замученных и извалянных в грязи кролика. Джой сидел в гордой позе рядом с добычей, радостно подвизгивал и вилял хвостом.

Все — скандал! Насколько я люблю свою собаку, настолько и сосед любит своих кроликов, хоть у него их и много, а собака у меня одна. Я понял, с какой стороны мой пес пробил брешь, мне Ромка пару раз говорил, что со стороны кустов малины доски ходуном ходят и что нужно натянуть там сетку. Мне же было делать это лень. На дачу я отдыхать ездил, а не в грязи ковыряться и тяжелыми предметами махать, как это любили делать теща с тестем. Понегодовав по факту собственной лени, мне срочно нужно было что-то придумать, пока не проснулся Рома. Я срочно набрал глубокий таз воды, в котором мы с женой мыли дочь, и быстро, но тихо, чтобы никого не разбудить, стал хозяйственным мылом стирать кроликов. Джоя загнал в баню, чтобы он своим лаем ненароком никого не разбудил. Сам же в предбаннике стал наводить марафет кроличьим тушкам. Грязь сошла, и я феном жены начал их сушить, потому что мокрыми их было подбрасывать соседу нелогично. После сушки они стали чересчур лоснящимися, пушистыми и душистыми. Если открыть обоим глаза и сфотографировать, оба подходили для обложки новогоднего календаря — один белый, другой серо-рыжий. Пришлось добежать к полю с подсолнухами, благо до него было метров пятьсот, и там, в подсолнухах, повалить их, чтобы они выглядели менее гламурно.

У себя во дворе у дома валять негде, один газон травяной, а огород просматривается со стороны Ромкиного хозяйства.

Выскочив из подсолнухов, я нарвался на нашего с Ромой соседа, не знаю даже, как зовут, но что он сплетник, знали все. Тот с удочкой шел на рыбалку. На вопрос соседа «Чего я с

утра пораньше в подсолнухах забыл?» умней, чем дебильно засмеяться — гы-гы-гы! — я не нашел, чем ответить. С тех пор он смотрит на меня искоса, и не удивлюсь, что после этого самые бредовые слухи распускает по поводу меня. Хотя, если б я его в шестом часу утра из подсолнухов с пакетом выходящим увидел, тоже, наверное, распускал бы. Хорошо, что я предусмотрительно взял с собой пакет, куда сложил ушастые тушки, а то бы вся моя конспирация провалилась.

Вернувшись домой с поля, я действительно там, где и думал, нашел брешь, о которой говорил Ромка и в которую как раз по габаритам пролезал Джой. Сперва на слух я убедился, что во дворе у Ромки тишина, никто не ходит. Затем я доломал забор, чтобы самому пробраться к клеткам с кроликами. Ночью они были заперты и по территории не гуляли. Раздвинув кусты малины и смородины, я как раз увидел место преступления Джоя, на которое вернулся не сам преступник, а его покровитель. В нижнем ярусе трехэтажного строения, похожего на книжную полку, я увидел открытую клетку, которая была пуста. Во всех же остальных секциях лежало по одному — два комочка. Мне сразу стало ясно, что моему охотнику мордой ничего не стоило поддеть крючок от нижней клетки и мигом по очереди передушить своих жертв.

Освободив пакет от улик, я сложил ушастых, словно при жизни они были счастливы вместе и умерли в один день во время соития среди ночи. Наверное, мне хотелось увести соседа по ложному следу, и я даже приготовил в случае подозрений аргумент, что люди не так редко умирают во время полового акта. А кролики такие же люди, только пару каких-нибудь хромосом не хватает до нас — а остальное все то же. Даже телепередачу мог бы привести в пример о бывшем министре вооружения Шпеере, умершем в Лондоне в преклонном возрасте на проститутке. В общем, сложив кроликов один на другого, я проявил творчество.

Быстро закрыв клетку, я побежал за колючей проволокой в гараж, дабы оградить брешь в заборе и тем самым замести по-быстрому следы, заготовив себе еще один аргумент, что никак собака сквозь колючую проволоку не пролезет. Вбежав в предбанник, где уже тоскливо поскуливал Джой, я стал отмывать с шампунем теперь его, дабы стереть следы возможных кровавых пятен и кроличьей шерсти. Его я тоже посушил, но валять не стал, так как с ним была обратная задача: ну типа, какие кролики? Видишь, мы какие красивые — к выставке собак готовимся!

Сам я тоже помылся и все вещи, в которых заметал следы, кинул отмачиваться в таз с порошком.

В этот день я ошарашил всех домашних нетипичным своим поведением. Тестя с тещей и со своей любимой собакой (от греха подальше) я отправил к их родственникам на другом конце деревни, а сам вместо них вызвался вскапывать огород.

Первое: мне не хотелось, чтобы они стали свидетелями возможного скандала, который бы точно закатил Рома, если бы меня уличил. Во-вторых, со стороны огорода частично была видна жизнь соседа, и по картинам из-за забора можно было легче себя подготовить к возможным событиям. Рома хоть был и любитель кроликов, но с разрядом по боксу и нервный.

Жену с дочерью отправил на речку загорать. В общем, все отдыхали в этот день и не нервничали, кроме меня. Весь день под солнцепеком я, как идиот, из пустого в порожнее чего-то копал, явно не так, как мне объясняли тестя с тещей, но голова была обращена в соседскую сторону. Однако оттуда шумела и пела тишина и никто не ходил и на меня смотреть не хотел. В итоге, когда у меня уже начались признаки солнечного удара, а это примерно часов в пять по полудни, я ушел спать в дом.

И только я прилег, в калитку постучал сосед. Я вежливо и дружелюбно пригласил Рому в дом. Это на случай разбирательств, чтобы без свидетелей. Войдя в дом, он с порога меня ошарашил: «Дай выпить че-нибудь!» Три года моего с ним знакомства я слышал только отказы на мои предложения выпить, а тут — на тебе.

«Конечно, Ром, в чем вопрос...» — а сам думаю: бывший чемпион города по боксу из-за кроликов дурацких в таком стрессе пребывает, тоже мне беда.

Гораздо больший стресс для меня лично был, если бы по башке мне изо дня в день стучали.

Налил ему полстакана водки, Рома по жару молча, без моего участия выпил его и, закусив кусочком сыра с петрушкой с огорода, коротко сказал: «История тут у меня произошла».

Догадываюсь, думаю, хотя для меня это вообще не история.

Хотя я видел один раз картину, как он материл одного из своих гостей за то, что он слишком грубо взял за уши одного из Ромкиных питомцев.

По этой причине понижать градус драмы я не собирался и налил Роме еще полстакана. Я надеялся, что в подпитии он не такой возбудимый, как трезвый.

«Так вот, — продолжил Рома. — Кролики у меня сдохли».

«Все?» — живо и с сочувствием, сделав ошалевшие глаза по пять советских копеек, спросил я.

«Нет, двое», — ответил Рома и закусил вторые полстакана любезно поданною мною капусточкой, произведенной руками тещи.

«Корма, наверное, отравленные, или на жару дохнут, вон как парит...» — предположил я.

«Нет, — говорит, — ночью сдохли».

«А у тебя раньше было такое?» — искренне спрашиваю соседа.

«Такого точно не было...» — и тут неожиданно он сорвался, у него началась досада, граничащая с истерикой. Он мне то ли исповедовался, то ли искал защиты:

«Говорил мне психолог: ты, мол, выпивай иногда, это помогает и стресс снимает, нельзя быть всегда в напряжении, так крыша поедет — вот и поехала».

«А че случилось-то?» — уже по-настоящему поинтересовался я.

«Ну прикинь: подышают два кролика, ну они у меня и так самые слабенькие были, в детстве переболели типа кроличьей чумки, живы остались, но самые слабые из всех были, в нижней клетке я их держал, ну подохли и подохли, я их взял, схоронил с края огорода вечером вчера и пошел спать, а сегодня утром...»

«Когда схоронил?» — встrepенулся я.

«Да я уже не знаю, подышали они или нет, может, показалось мне это все, может, не подышали, может, мне сон вещей приснился, а сдохли они сегодня утром в клетке. Коро-че, врачи предупреждали меня: лучше пей иногда...»

В одну секунду мое напряжение отлегло — и я поспешил сообщить Ромке, что он совершенно здоровый человек.

Ржали мы в тот вечер громко и долго с женами, и пили мы с Ромкой потом два дня, за его крепкое здоровье.

И за эти два дня для меня в Ромке ничего не осталось непонятного, и я окончательно убедился, какой он классный парень. И даже пообещал, что по осени пойдет со мной на охоту.

WHITE POWER, ИЛИ НЕСКУЧНЫЙ ВЕЧЕР

Есть свойство, а вернее, необходимость у человека, начиная с 14-летнего возраста, искать свой прайд, в котором бы он смог утвердиться, найти свою нишу и реализовать, как ему кажется, свою индивидуальность. Вопрос о том, что подросток, находясь в субкультурной группе, на самом деле ни кто иной как подражатель чьей-либо моды или чьих-то повадок, не обсуждается. Главное, чтобы эта группа приняла и дала возможность найти себя. Но это подход психологов.

Двое же 17-летних скинхедов, Карло и Дантист, размышляли по-иному. Живя в городе, где превалировала «гоп-культура» или «гопота» (это что-то среднее между уркой и пэтэушником), им хотелось не только выделяться из этой незамысловатой культуры, но и при случае ей сопротивляться. А скинхеды из всей неформальной тусовки были единственной способной к сопротивлению группой. Отличий между скинами и гопотой немного. У гопника есть хохолок на лысом черепе, у скина нет. У скина на лысине нет головного убора, потому как в некотором роде лысина и есть убор, а у гопника-пацанчика иногда красуется воровская кепка и шик, если она кожаная. Гопник по фене ботает и в фене разбирается, а скин в фене разбирается, но, как правило, не ботает. Гопники водятся в парках и на всех дискотеках, скины на футбольных матчах и рок-концертах. Гопник на дискотеке под немзыкально-попсовый тыц-тыц мотает головушкой, как бычок в стойле, лузгая семечки. Скин же, под рычанье и грохот с дребезжаньем, скачет у сцены на рок-концертах, словно свежевывловленный карась, кинутый на раскаленную сковороду. Облачения же разнятся диаметрально. У скина джинсы, милитаристские ботинки-берцы, круто, если это фирменные grindерсы красного или синего цвета, подтяжки и футболки стиля «OI» (кто

знает, поймет). У гопника спортивный костюм синего или черного цвета, и напомним — круто, если на голове воровайкина кепка. Для непосвященных людей и бабушек разница между этими двумя субкультурами небольшая, но взаимная вражда меж ними нешуточная и устойчивая. Представители этих групп вычисляют в толпе оппонентов весьма быстро. Гопники ходили драться со скинами на рок-концерты, скины же после футбольных матчей ходили драться с гопниками на дискотеки. Гопники называли скинов нефорами, скины гопников — бычьем.

Но от прелюдии ближе к сюжету.

Так вот, Дантист и Карло решили прогуляться субботним вечером по району, благо погода шептала: не пропустите сезон бархатного свежего пивка. Дантист свое погнало получил после того как на вопрос одного гопника «ты че, нефор?» сперва отзеркалил вопросом «а ты че, фыр?», а затем одним ударом вывел на свободу два зуба вопрошающего. Карло же нарекся после того как в шутку ему по пьяни на нестриженной месяц голове сделали прическу а-ля папа Карло (плешь короче), с которой он по неведению проходил по городу сутки.

Так вот была у них поляна, недалеко от парка, на которой по выходным собирались представители разных неформальных течений, распивали спиртное и пели песняки. Скины в этой тусе были в почете, так как среди всех любителей неформальной рок-музыки они были представителями силового противогопнического блока. За почетом и общением Дантист и Карло туда и ходили. Желанными они еще были не только в качестве защитников от гопоты, но и в качестве спонсоров, так как оба работали на градообразующем заводе (оплачиваемая практика от ПТУ) и деньги у них водились.

Спонсировали же они неформальную тусу потому, что Карло и Дантист не играли на гитаре и не имели слуха, а

слушать песни «Чижа», «Рамштайн», «Нирваны» в исполнении более миролюбивых длинноволосых собратьев им нравилось. Более того, представители панков, всегда присутствующие на подобных собраниях, несли такую белиберду из своей наркоманско-алкоголическо-панковской жизни, что ржач в заводской курилке с сослуживцами на всю рабочую неделю был обеспечен. Плюс ко всему, панки бегали в ларек за пивом, а при настойчивой просьбе Карло и Дантиста ползали за ним и кувыркались за ним же. Эти люди за дозу чего-нибудь дурного не гнушались ничем. Получив же эту дозу, могли устроить, например, похороны курицы, скелет которой сперва находили на помойке, а потом погребали в вырытую ладонями ямку. Крест на могилку, молитва об усопшей и песнопения в ее память от панков прилагались. Одним словом, представители касты могли поднять настроение своими чудачествами окружающим. В черепе у каждого панка вместо мозгов лежали две таблички — «нам все по барабану» и «даешь беспредел».

Так вот, в один субботний вечерок Карло и Дантист коротали свое время в привычной обстановке. Одна порция пузырей осушена, за следующей сбегаю, а радости недостает. Решили, что пора и за серьезное дело браться, и ударить по общему врагу — гопоте — на его территории, уже не силами бритоголового сообщества, а всем миром — и хипшующим, и панкующим, и всем, кто здесь и пьян.

И вся эта толпа под лозунгом Дантиста «Бей общего врага» решила навести шороху в парке на дискотеке для гопоты, именуемой в простонародье «Пятаком». Пятаком танцплощадка прозвана за свою округлую форму. Набралось человек десять, по дороге двое ушли по-маленькому и не вернулись. Осталось восемь: Карло, Дантист, две девки а-ля готки, хиппи лет шестнадцати, прозванный за полутора-метровый рост и бакенбарды Пушкиным, два панка с ирокезами и чувак с гитарой и кучей серег на ушах.

Не доходя двухсот метров до парка, именуемом в простонародье «Зоопарком» за нравы, творящиеся там, судьба подкинула проверку боем: навстречу шел цыган лет двадцати с баклахой пива. Карло и Дантист как предводители хотели показать «как надо», но их обогнала сзади вся их ватага и сделала все образцово-показательно. Два панка прижали цыгана к стене дома и потребовали рассказать цыганский анекдот (видимо, для коллекции). Цыган ничего не успел понять, а две готки стали прижатого ромалэ колотить куда ни попадя, а чувак с гитарой пытался семиструнной своей подругой дотянуться до чего-нибудь из цыгана. Через секунд десять цыган понял, что ай-ай и ой-ой не помогают, и воспользовавшись тем, что двое панков уже сосредоточили свое внимание на его баклахе с пивом, вырвался прочь и рыснул без оглядки.

Карло и Дантист смотрели на всю эту картину с неподдельным восхищением.

«Вот что значит продекларировать правильные лозунги и идеи», — подумалось им.

Панки осушили трофейную баклаху мгновенно на двоих, не предложив другим.

Победной поступью вошли в парк. После краткой инструкции Дантиста: «все делаем быстро и встречаемся на своей точке» восемь безумцев пошли к Пятаку, где звучало: «Подождем мою маму, подождем твою мать...» Разъяснять, что нужно делать быстро, необходимости не было, так как эпизод с цыганом показал, что в боевых порядках и с пониманием все отлично. Алкоголь и слишком легкая, притупившая бдительность победа над представителем малого народа привела к тому, что берегов не видел никто из неформальной бригады... Карло и Дантист, уже не раз бывавшие на Пятаке в передрыгах, встали у входа, осматриваясь, и не спеша в гущу танцпола. Вход на дискотеку был бесплатным, но не безвредным для рок-панк-сообщества. В их случае деньги можно

было платить за выход (и немалые). Все, кроме двух скинов и хиппи-Пушкина, не сбавляя скорости, оказались в центре веселья. У Дантиста мелькнула мысль: приколы, если они сейчас весь Пятак как цыгана уработают.

Два скина встали у входа. Пушкин остался за забором и на всю комедию, происходившую внутри, смотрел с безопасного расстояния. Гопота, которая стояла по краям у забора танцплощадки, лузгая семечки, мотая башками, перебирая четками и крутя металлическими цепками, стала стекаться к «великолепной шестерке». Благодаря осмотрительности и отсутствию длинных волос, двое у входа были пока не в центре притяжения внимания. Музыка играла, но танцы кончились.

Спины гопников образовали глухую сплошную стену — и что там внутри творится, рассмотреть было невозможно. Но жизнь там кипела, и нешуточная. Через минуты две стена выплюнула из себя двух готок, которые, выскочив из кольца, тут же покинули сие место, не заметив предводителей. Пока они ретировались, чувихи-гопницы закидывали их тлеющими сигаретами. Затем к забору был выведен длинноволосый и многосерьговый чувак с гитарой. Его длинные волосы тут же подверглись гопниковскому постриганию путем поджигания зажигалкой. Достав финку, один из гопников в спорткостюме и кожаной кепке предложил ему самостоятельно вынуть серьги из ушей, либо сами уши будут сняты с висящими на них гирляндами.

Стоявший в ступоре Карло спросил у находящегося в таком же ступоре Дантиста: «Ну, че?» В ответ Дантист всего и смог ответить: «Ниче» и добавил: «Но скоро, чую, будет все...»

Тут неожиданно круг расступился, и оттуда вывели двух явно помятых, уже прошедших испытание огнем панков. Их ирокезы испускали дымок, а серьги, еще недавно красовавшиеся в ушах, летали из рук в руки по Пятаку. Испыта-

ние кулаком также было пройдено: у одного кровоточил нос, у другого губа. Их вели в сторону туалетов, но по панковским джинсам было видно, что цыганское пиво уже вышло наружу.

«Поделились бы с товарищами, мож, и не вышло бы», — думал Карло.

И когда двух промокших выводили, не могло не броситься в глаза, что совершенно несправедливо без внимания стоят в сторонке две пары ботинок-гриндеров, подтяжки и две лысины. Панки с надеждой посмотрели в сторону Карло и Дантиста. Собственно, они и помогли, только не действиями, а своим присутствием, так как панки тут же стали никому не нужны и были выпущены с территории, вместе с остриженным и облегченным от серег гитаристом. В течение полминуты скромно стоящие в сторонке пропагандисты славянства и белорусовости наблюдали, как к ним стекается толпа искренне интересующихся ими людей. Из-за забора хиппи по кличке Пушкин прокричал, что он побежал за подмогой, но спокойствия эта информация оставшимся двоим в кругу бычьа не придала.

Из всех закоулков, щелей, с обратной стороны забора подступала армия спортивных костюмов, кепок, четок, цепок. Семечная шелуха из плюющих в них ртов уже долетала до рук, футболок и лиц Карло и Дантиста. Оба понимали, что не стоит дожидаться первых бессмысленных фраз из уст оппонентов, так как, что бы ни было сказано, это будет всего лишь прелюдией к началу избиения. Оба шкурой чуяли, что вечер отдыха может стать вечером нечаянного открытия нового цвета: кроваво-мокрый асфальт для отечественного автопрома. Костюмы, кепки, четки, металлические цепочки, вертящиеся в руках, чубчики на лысинах — все это лезло со всех сторон, словно нечисть из фильма «Вий». Вернее, вся дискотека начинала сливаться в одного огромного Вия. Дантист и Карло помнили, что сюжет там

закончился не оптимистично, и оба не собирались ждать, пока закроются их веки. Тем более, в отличие от классики, круг был очерчен не мелом, а кирпичным забором, и пробить его лбами не представлялось возможным. Краем глаза Дантист увидел, что кольцо еще не окончательно замкнулось, и с диким ором рванулся в сторону замыкающейся на глазах вражеской цепочки.

Заорав, Дантист прыгнул ногами вперед, пробивая брешь, руками при этом распахивая два спортивного костюма, обеспечив этим возможность ухода для Карло. Цепь дрогнула. Вырвавшись на открытое пространство, они устремились к остановке общественного транспорта, где было больше не враждебных им людей, в толпе которых можно было бы если не найти защиту, то затеряться.

Бежали резво: Дантист впереди, Карло в шагах шести. Толпа спортивного костюмов, а казалось, что это четверть населения города, преследовала в метрах десяти. Адреналин давал преимущество убегающим, но Карло настигал какой-то гопник, раза в два крупнее его, и было видно, что если догонит, то шансов выжить точно не будет. Дантисту бросать товарища не хотелось, но и умирать было рановато. Постоянно оборачиваясь, оба видели, как по аллее парка, из-за всех кустов и деревьев, как саранча, на них надвигается туча синих, черных, редко красных и зеленых турецких и китайских спортивного костюмов. Близость к остановке общественного транспорта, до которой оставалось секунд пятнадцать бега, давала надежду, что преследующие испугаются многочисленных свидетелей, и все закончится менее скверно. Но вдруг об какую-то косяк спотыкается и валится Карло, и Дантист видит, как рука настигающего пытается схватить того за шею.

Если кто-то когда-нибудь в кино видел съемки в рапиде (замедленная раскадровка), то понимает, что прием этот используется для создания большего эффекта и произведения впечатления на зрителя. Здесь же, словно издеваясь,

жизнь крутила Дантисту этот медленный видеоряд, в котором перепуганный Карло в полете беспомощно смирялся со своей участью, и рука, в два раза крупнее куриной шеи Карло, уже готовилась к ее обхвату... На кисти гопника была вытатуирована надпись: «За ВДВ!» Вся эта картина повергла Дантиста в уныние. Дилемма была такова: рисковать жизнью одному или вдвоем?

И тут Карло по не зависящим от него причинам в падении пяткой своего гриндера попадает в челюсть охотнику до его тонкой шеи. Наверное, преследователь споткнулся об ту же корягу, что и Карло. Упали разом: Карло чуть впереди, гопник чуть сзади (голова гопника пришлась как раз на ботинки Карло). Создалось впечатление, что песня друзей-неформалов спета — и душеньки обладателей спортокостюмов оторвутся по полной. Но от удара ботинком в челюсть лежащий в ногах гопник был в потерях и ловил звездочки. Двигаться быстро и четко он уже не мог и только пошевеливался, пытался понять, где земля, где небо, где свои, а где чужие. И это был чудо-случай, дающий Дантисту шанс выйти из этой ситуации не предателем. Неизвестно, как это возможно в обычных условиях, но в этих, экстремальных, Дантист успел прокричать товарищу:

— Карло, если ты сейчас не встанешь, нам обоим хана... вскакивай, он в отключке лежит, если встанешь, то свалим...

Карло, который от крика Дантиста пришел в себя, глядя с земли в его сторону, убедился, что он не брошен, что хоть в ногах кто-то и лежит, но по почкам и чему-нибудь еще никто не бьет, собрался с силами. Он резко отжался от земли и, ощутив второе дыхание, рванул дальше.

Дантист выдохнул с облегчением и, показав с двух рук наступающей толпе два фака, побежал вслед за другом. Выбежав на проезжую часть и перебежав ее, бритые друзья преследовались уже гораздо меньшей компанией лысин с чубчиками. Водитель проезжавшего троллейбуса, видимо, по-

нял, в чем дело, остановился посреди дороги и предложил укрыться внутри, но попадать в еще одну западню парням не хотелось, и они жестами дали понять, что беспокоиться о них не стоит. Тем более было очевидно, что чем дальше от парка, тем с меньшим энтузиазмом гопота преследует их. Пробежав еще метров двести, они поняли, что преследователи отстали. Вернувшись через полчаса с пивом в то место, где начался вечер, они увидели Пушкина, убежавшего за подмогой, которому сожгли его именные бакенбарды, и чувака с гитарой. Гитаре, оказывается, на Пятаке были перерезаны все струны, а панки пошли сушить штаны к вечному огню у мэрии. Никто не имел охоты обсуждать этот вечер.

Немного поржав, вспомнили цыгана. Но с места постоянных встреч пришлось «снимать якорь», так как ребята с Пятака еще две недели ходили и искали чувака, который им факи показал.

Порой кажется: а ну его, этот индивидуализм, нужно быть как среднестатистическое большинство — и смеяться над тобой не будут, и морду не набьют. Да и какая, по сути, разница, кто как выглядит и какую музыку слушает?

Ан нет, это и есть, наверное, новая ментальная генерация, ведущая вместо, скажем, религиозных войн вкусовые: войны госкорпораций, мультибрендов, транснациональных компаний и проч., где каждый тянет одеяло на себя и считает, что его правда, вкус и точка зрения самые правильные.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД ИЛИ «КАК НАКАЛЯЛАСЬ «ГАЗЕЛЬ»

Нередко слышно брюзжание старшего поколения о том, что раньше все было не так, все было куда лучше. И у всех все было, и Волга не цвела, и радуга ярче, ночи звездней, небо голубее и трава зеленее. Так вот насчет травы, собственно, и история.

В связи со скачком прогресса (а правоохранительную систему прогресс зацепил алкотестерами в структуре ГИБДД) решил как-то Витек-газелист сменить вечерний вид релаксации. Старая традиция, идущая из советского прошлого, выпить двести-триста-четыреста грамм с устатку, после дня трудового, была равносильна хождению по горящим углям на посту ДПС, где тормозили почти ежедневно с целью нарисовать очередной протокол за ремень.

Причем ремней могло и не быть вовсе, но негласный межсловный устный договор газелистов маршрута Сызрань-Тольятти и дэпээсников был. Суть его такова: водилы безропотно «берут на себя ремни», благо штраф за них из всех нарушений ПДД наименьший, а гаишники «слепнут» за встречу, езду по обочинам, неработающие поворотники и прочие прегрешения, кроме священного НС (управления транспортным средством в нетрезвом состоянии). Тем более прогресс привел к тому, что обоняния инспекторам можно было теперь вовсе не иметь, так как дули теперь потенциальные жертвы правосудия уже не в фуражку и не в граненый стакан, а в мундштук, называемый алкотестером.

Решил Витек в свои 55 лет поспеть за временем, благо Витьком его звала молодежь во дворе за веселость и постоянное желание поддержать молодость во всех греховных начинаниях. Дай, подумал Витек, с молодежью передовой травки хапану, ибо в своей отшумевшей юности сие занятие при-

водило лишь к сеансу веселых хохотушек. Был, правда, еще у Витька единичный, но вульгарный факт поглощения «ко-лес», но повторять опыт четырехчасового загорания на городском пляже в пиджаке, шляпе, туфлях, штанах, рубашке, галстук среди оголенных девиц не хотелось. Так и забился с двумя парнями призывного возраста со двора встретиться после работы в кустах за домом, между помойкой и хоккейным кортом, с целью изведать свежих ощущений от новой китайской травки, называемой в простонародье «чаем».

Весь день перед «вечерним чаем» Витек вспоминал, как раньше под пивко травка приносила час-полтора немотивированного, но приятного веселья. Вспоминал технологию вдоха-выдоха затыжек. Когда вся процедура восстановилась в памяти — и дабы не ударить в грязь лицом и не прослыть лошком, он лихо влетел во двор после рейса и, получив заранее оплаченный косячок от соседей-укурышей, принялся в кустах демонстрировать «мастер-класс».

Но во всем важна технология, и как уже упоминалось выше, отечественная трава в молодости была, видимо, иной формации и, главное, как оказалось, иной злости.

Не обратив внимания на то, что 20-летние салабоны делали мелкие затыжки, которые не задерживали в себе, а тут же выпускали из щек, Витек, напротив, следуя старой школе, запускал в щеки дыму, как хомяк гороха, а после жадно заглатывал. Минуты три он ловил на себе взгляды восхищения, перемешанные с легким «хи-хи» и вопросами о самочувствии, а также просьбами быть аккуратней. Ответом было снисходительное и самоуверенное «не гоните: там, где вы учились, я преподавал». Ждать эффекта долго не пришлось. Витины университеты не предполагали, что трава нового поколения будет требовать более быстрой работы впускных и выпускных клапанов для прогона дури по организму. Но к косяку инструкцию не приложили, а молодые спецы вводную провести не успели, так как стар-

ший товарищ не дал повода усомниться в своей твердой поступи на пути к релаксу. Глубокие затяжки и долгие задержки привели к скорым и внезапным «очучениям» (Витин термин).

Начало было мгновенным и внезапным: В левом ухе началась трансляция с митинга против роста тарифов ЖКХ. В правом — радиоэфир с суда над новоявленным Чикатило, который своими развратными действиями сексуального характера спровоцировал массовый падеж скота на Ставрополье. Визуальный же ряд акустике не соответствовал. Сидя «в пополаме», мчался Витек на своей газели по десятиполосной автостраде где-то в Германии... Даже не мчался, а летел на скорости 250 км в час, а в зеркалах сзади отражались «Феррари», «БМВ», «Мерседесы», «Бугатти», которые наседали на бампер и сигналами требовали прибавить газку или пропустить поток. С одной стороны ништяк — быть первым, с другой стороны, остановиться страшно: снесут и размажут сотни фешенебельных авто, и неизвестно, когда это все кончится — ни гаишников тебе (видать, все нарушения на видео фиксируют), ни светофоров...

Минут пять по трассе первым летел, в ожидании финиша, но тут еще одна засада: «ГАЗель» начала накаляться от скорости, краснеть на его глазах. Стойки, панель приборов, педали, руль, ручка двери стали цвета адского пламени, а сам Витек стал обугливаться как головешка, начиная с рук и ног. Одна голова была по-прежнему неповрежденной, остальное же тулово превратилось в барбекю, которое не сняли вовремя с огня. То ли в видениях, то ли наяву Витя орал: «Помогите!!!»

На зов помощи в форточке плавающей «ГАЗели» появилась голова грузина в кепке, который протянул руку и вытащил обугленного Витька из пекла. Но с автострады действие перенеслось в черную трубу, в которой Витя летел уже со скоростью километров пятьсот в час. В трубе уже

играла ритмичная музыка. После четырех регулярных «тыц-тыц» томный женский голос с легким прононсом произнес безэмоционально: «прогрессивный саунд» — тыц-тыц-тыц, «прогрессивный саунд» — тыц-тыц-тыц». Поток горячего воздуха Витька начало надувать изнутри (от скорости, видимо). Стало страшно, что от такого давления его просто разорвет, и понесется уже не Витек, а ливер с конечностями по трубе.

...И летел дальше, попав в переходную зону, где тысячи дыр — ОДНО СПЛОШНОЕ ДЫРЬЕ... и влететь необходимо в единственно правильную...

Влетел в другую дыру, все длилось минут семь в том же ключе — «тыц-тыц» с женским прононсом, скорость, и надувание изнутри... Ливер горел и дулся... Мысль была одна: хотелось уже побыстрее взорваться, потому что адские нагрузки терпеть было невозможно...

Сквозь дырье с музыкой стала проступать реальность: в руках трясся телефон, с которого Витек с раза 14-го попал на номер жены и прокричал ей то же самое, что и минутами ранее начальнику гаража, менеджеру по кредитам банка и еще примерно десяти знакомым: «Наташка, беги ко мне на помойку, меня ща разорвет...» Чуткое женское сердце, прожившее с Витенькой тридцать с лишним лет, после десятисекундной паузы с досады констатировало в трубку: «Дятел!» Диагноз в целом был верный.

Дальше было утро. Завтрак, умывание, одевание. Прошло все в гробовом и неловком молчании со стороны Витька. Телефон Витька распухал от неотвеченных вызовов и недоуменных эсэмэсок. Благоверная также обошлась без речей. Спасало то, что надо было уже торопиться в рейс. Надев туфли и закрывая дверь, в спину Витек услышал родной голос и до боли знакомый диагноз: «Дятел!»

«Это у меня, наверное, предынфарктное вчера было», — подумалось Виктору.

ПЕРВЫЙ 02

Теория суха, древо же жизни зеленеет вечно — так учат на философских факультетах. Любой сотрудник милиции, прежде чем получить оружие и самостоятельно выйти на службу, должен сперва пройти учебку, где преподавались нормы права, этика сотрудника при обращении с гражданами, стрельба из боевого оружия, физическая и специальная подготовка, а также рукопашный бой. Но учимся все мы, как правило, по классическим сценариям, а практика чаще всего требует индивидуального подхода, тем более при общении с гражданами.

Лешку Прыгунова, равно как и его одноклассников-участковых, учили, что на сложный контингент есть несколько методов воздействия: убеждение, принуждение, поощрение, личный пример. Но это все годится, когда работаешь с мало-мальски адекватным человеком. В случае же, когда клиент буен и невменяем, в помощь учили прибегать к приемам рукопашного боя. Но, как было выше сказано: теория суха...

Все когда-то бывает в первый раз, вот и на вверенном ему административном участке произошел первый на его веку бытовой инцидент в комплексном общежитии. Дежурка дала сигнал по рации, что в такой-то комнате куролесит ранее судимый контингент и уже побил соседку.

До общежития было минут пять ходьбы, и за это время Лешка должен был разработать сценарий своего поведения. На второй минуте хода до общаги женский голос из информационного центра РУВД проинформировал, что на данном адресе оружия (охотничьего, либо оружия самообороны) не зарегистрировано, предполагаемый дебошир на учете в психушке и наркушке не состоит, и что сидел он хоть и трижды, но все по 158-й статье (кража), да

имеет пару приводов в вырезатель. Набор в целом классический, и уж самого нежелательного сценария — применения табельного оружия — не предполагалось. В учебном центре МВД (не под запись, естественно) говорили: идеальным поводом для применения табельного оружия является желание застрелиться, все остальные случаи приводят к более печальным последствиям, вплоть до тюрьмы. Рекомендовали вообще пистолеты не получать (от греха подальше).

Тут же вспоминались другие слова от преподавателей рукопашного боя: дерущийся человек в форме (мент, в частности) будет практически всегда осуждаем обществом, так как не смог привести веских аргументов правонарушителю, а значит, не сумел склонить его волю и вернуть нарушителя в лоно правопорядка.

Начинающий лейтенант уже приготовил фразу, естественно, тембр нужно было взять пониже: мужчина! (пауза), успокойтесь! А затем по ситуации.

Но вот уже маячила дверь общежития, вот вахтерша уже указывала этаж и куда сворачивать при выходе из лифта, и дух у Алексея уже захватывало (первый 02 все-таки). Выйдя из лифта, он увидел в коридоре двух плачущих женщин в халатах и трех сочувствующих в верхней одежде.

— Что у вас случилось? — задал вопрос новый участковый, который именно в этой общаге в данную минуту проходил боевое крещение.

— Сестра в гости приехала на пару дней, а этот козел, ну, то есть сосед, уркаган, которого вообще, не понимаю, зачем на завод взяли, стал ее лапать. Меня-то не лапает: мужа боится — он на работе, а сестре сквозь халат лезть начал. Сестра ему сказала: отвали, козел! — а он ее за волосы оттаскал и по голове два раза ударил кулаком.

Лешка взглянул на потерпевшую: та, заплаканная, лишь мотнула головой, подтвердив, что все именно так.

— Пьяный? — спросил он.

— Да, с утра, — ответила непобитая сестра.

Алексей зашел в жилище, состоящее из двух комнат с общим санузлом и кухней. На кухне сидел среди бутылок и нехитрой закуси «синий» человек. Синий не по состоянию опьянения, а по раскраске его фаланг, рук и плеч. Он сидел в спортивных штанах и майке-алкоголичке, поэтому письмена на теле бросались в глаза сами собой. На вид лет сорока, роста среднего, и мышцами не выделяющийся.

Фу, вздохнул про себя Алексей, случай не опасный.

Говорили ему преподаватели, что мент в первую очередь — психология, а во вторую — сила и оружие. Но мало чего они говорили про «университеты», которые проходят лица, лишённые свободы в закрытых учреждениях.

Примерно лет на пятнадцать старше разрисованный дебошир, видимо, прочитал по глазам мальчика в форме неуверенность и решил на пьяном кураже сыграть свой спектакль.

Сперва он на стуле повернулся в анфас к Лешке, затем его рука взяла нож, лежащий на столе, а потом пошел незатейливый текст из уст уголовника со стажем: «Ну что, мусорила, сейчас я тебя резать буду, вали, откуда пришел, пока не поздно».

Леха на мгновенье остолбенел: он слышал, что жулики или мошенники на мокруху не ходят, да еще и мента вдобавок, а тут намерения были четкие.

Дебютант увидел, что нож в правой руке, и прикидывал, как лучше осуществить захват руки и заломать оппонента. Под правую руку Леха работать прием умел, но шкаф с посудой слева и холодильник справа не давали простора для действия, а до урки было метра два с половиной.

И тут сработал инстинкт самосохранения, главная суть которого — спастись всеми способами, какими возможно. Но нельзя было забывать, что он в форме. В коридоре у входа стояла табуретка, а человек с ножом уже встал и шел навстречу...

Леха сделал два шага в сторону табуретки, схватил ее в правую руку и, чтобы не повредить ничего из имущества, кроме головы оппонента, направил ее (табуретку) точно в лоб нападавшему.

Леха даже не ожидал, что эффект от табуретки будет такой действенный. Дебошир лежал у дальней стенки, ослепев глазами и часто моргая. Лейтенант тоже был в легком испуге, так как впервые тестировал сей предмет мебели об человеческую голову. Голова была без видимых повреждений, а табуретка разлетелась на пять составляющих. Одну часть, а именно ножку от табуретки, со своими отпечатками пальцев, Леха сунул себе в папку, остальное же осталось разбросанным по кухне.

Женщины, пока не услышали хруст разлетающейся табуретки, стояли в коридоре и действа, происходившего внутри, не видели, но когда обидчик уже лежал и моргал, стояли за спиной участкового.

Дебошир понял, что попытка проучить молодого не удалась, что битва проиграна, что ничего хорошего ему не светит, и решил надавить на жалость.

Он взывал к женщинам, которых он совсем недавно довел до звонка в милицию: «Соседи, помогите, беспредел мусорской творится, тяжелыми предметами избивают...»

Позже, когда нарушитель уже сидел пристегнутым к батарее и молча жалел о случившемся, Лешка отобрал заявления с объяснениями всех участников конфликта и вздохнул с облегчением. В целом он был доволен своими действиями.

За табуретку ему никто ничего не предъявил, и более того, обещали подарок, если зловредного соседа посадят еще лет на пять или хотя бы переселят в другую комнату.

Через десять минут приехал наряд и увез участкового с нарушителем для принятия процессуальных мер. Но Леха был добрый и 318-ю (применение насилия к представителю власти) возбуждать не стал. А дебошир вскоре сам съехал в другую общагу, отхватив пятнадцать суток и штраф.

И все остались довольны.

ПЬЯНЫЕ ХРОНИКИ

Вино — вот истинный наш враг
(вроде Шекспир)

Прошу читателя не воспринимать данную писанину как
руководство к действию, либо как пропаганду пьянства
(автор)

Алкоголизм — самая хихикающая (ржущая)
болезнь человечества
(вывод)

Никто с таким неистовством и удовольствием себя не унижает,
как пьяница
(предположение)

ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ ИЛИ СВОБОДЕН!

Открылся один из первых супермаркетов города. Не те «маркет-супер», в виде павильонов на остановках общественного транспорта, целью которых являлось то, чтобы горожанин после работы вошел в квартиру затаренный сигаретами и пивом, а самый что ни на есть магазин, с огромным ассортиментом не только съедобного товара, но и бытового. Полки ломились от отечественных и заморских продуктов, товаров первой необходимости, всевозможных аксессуаров и причиндалов, так необходимых всеядному потребителю.

На первых порах у хозяев супермаркета было шиком врубать кондиционеры с холодильниками в залах так, что исключалась возможность протухания не только продуктов, но и схвативших апоплексический удар от цен покупателей. Цены кусались, но красивая упаковка и активная музыка повсеместно в отделах делали свое дело. Новшества привлекали, и народ, как говорится, валил валом...

Одно из новшеств — это, конечно же, продавцы и кассиры в красивой фирменной одежде, знающие кухню своего маркета изнутри. Покупатель сразу же проявил готовность позабыть старые привычные (колхозные) рынки. Плюсы, безусловно, были, так как с открытием торговой точки с десятком касс постепенно в округе начинали загибаться ларьки.

Был в супермаркете и микромирок, который находился при входе в него, сразу после самостоятельно раздвигающихся почти бесшумно стеклянных дверей. Представлял он из себя предбанник — коридор между упомянутыми дверями и входом в торговые залы. В предбаннике располагалась камера хранения, в которой служила Екатерина Витальевна, женщина лет шестидесяти.

Несмотря на то, что работала она в камере хранения, все звали ее гардеробщицей. Она была сильно хрома на одну ногу, никто ее не спрашивал почему, ибо она отличалась сквернословием и нелюбовью ко всему живому.

На данную службу она попала по большому благу через владельца нынешнего супермаркета, с которым, как поговаривают, ранее трудилась официально на нелегальном железном рынке, где можно было по дешевке купить ворованные с автозавода детали. Именно это и было главной причиной, так как все, начиная с охраны, устраивались через знакомых и знакомых знакомых. Екатерина Витальевна же однажды из машины хозяина напрямую прохромала в отдел кадров, находящийся рядом с кухней, где из просрочки строгаи салаты и прочую снедь. Хромотой своей она будто бы и гордилась, так как фланировала по коридору от нечего делать по многу раз на дню, пока камера хранения была пуста от, как она называла, всякого тряхомудья.

Частым соглядатаем происходящего в предбаннике и слушателем ее речей, но значительно реже собеседником, был охранник Игорек, которого часто ставили именно в эту точку. Игорьку было 65 лет, но нрав он имел, равно как и интеллект, юношеский, оттого и имя его было уменьшительно-ласкательным. Но опыт за плечами был, поэтому вступать с гардеробщицей в откровенные беседы он побаивался, ибо поход из машины босса в отдел кадров кое-чего да стоит. Перед самим боссом у него имелся небольшой косячок, ибо примерно пятнадцать лет назад, в одном из ресторанов города, Игорек в пьяной драке пробил голову своему нынешнему начальнику Сергею Ивановичу бутылкой с недопитой водкой. Кто прав, кто виноват был тогда — никто не помнил, да и повезло, что Сергей Иванович был в тот момент, как говорится, «в слюни» и помнить ничего не мог, а Игорек слегка нагрет, да и драка была массовой, — поди разбери, кто кого и за что...

Жизнь магазина кипела! Весь квартал, все обитатели его многоэтажек бежали ежевечерне после работы в его, Сергея Ивановича, центр притяжения — супермаркет.

Игорька в предбанник ставили из-за его несдержанности, так как кассирш он учил жизни, утверждая, что на их курином месте он бы пошел получать образование. Покупательницу женского пола он мог назвать дурой и козой, конечно, убедившись, что она без сопровождения мужчины, за то, что она берет не то вино и не те продукты. Но главной причиной ссылки в предбанник стало то, что товаровед оказалась невольной слушательницей обличительного спича Игорька, когда тот разъяснял своему товарищу по бывшей ресторанной жизни, зашедшему в супермаркет, что все салаты и блюда варганятся из протухшего майонеза, сосисок и прочей дряни.

Выгонять с работы его никто не стал, — вроде доброе дело для знакомого сделал. Против истины, то есть факта просрочки продуктов, никто спорить не собирался, но Игорек обладал громким голосом, поэтому невольными слушателями стали еще два десятка покупателей, ходящих вокруг, после чего вокруг холодильников с салатами воцарились десятиминутные тишина и пустота.

Правота слов эффектно подтверждалась еще и тем, что Игорек во время развенчания мифа о выгоде уже приготовленных блюд, лично выкладывал из корзинки товарища пластиковые коробочки с салатами, пловом и котлетами, давая ему их нюхать. Тот в благодарность моргал, качая головой, делая недоуменные глаза. Игорек же, поздно увидев, что спалился перед товароведом, не смог сказать ничего лучше, как: «А вот для собак — самое то, собакам ничего не будет, ибо в природе так заведено, что собаки, равно как и волки, наоборот закапывают мясо, так как любят его с легким амбре тухлятины».

Административных собак на Игорька никто не спускал, памятуя, что много лет назад ресторанным-разгульную жизнь

ему обеспечивало занятие фарцовкой дефицитной одеждой. Затаривались же у него рядом с самой крутой гостиницей города и нынешняя товаровед (бывшая официантка ресторана той самой гостиницы), и бухгалтер, и нынешняя гражданская жена босса.

Однако дальнейшие эксцессы Игорька с покупателями были пресечены ссылкой в предбанник, ибо знали, что при Екатерине Витальевне он ведет себя «аки агнец».

«Лучшее в моей жизни — позади, но оно было», — говорил Игорек, поэтому на долю свою не роптал, тем более, что воспринимал работу как прибавку к пенсии, которую он получал уже пятнадцать лет как работник химического завода, куда его устроил ночным слесарем один из ресторанных собутыльников — спать сутки через трое. Лучшим он называл пять официальных браков и столько же разводов, троих детей, которых, по сути, и не видел, тридцать лет веселой жизни в ресторанах и пару переломов носа. В общем, Игорек понимал, что он фартовый.

Однажды он, опохмелившийся после своего шестидесятипятилетия, решил шуткануть над Екатериной Витальевной, спросив у нее, не во время ли экстренной разгрузки ворованных кузовов на железном рынке ей ногу придавило. В ответ получил такой яростный всплеск зеленых глаз на фоне рыжих крашенных волос гардеробщицы, что сразу понял — это его предпоследняя шутка в ее адрес перед пинком под зад со службы. После данного излишнего словесного выпада Игорек неоднократно выражал сожаление среди коллег-охранников, что сейчас не средневековье, — мол, в Европе всех рыжеволосых, пусть и крашенных, и зеленоглазых на костре как колдуний сжигали.

В предбаннике шла своя отдельная от магазина жизнь. Кроме всего прочего, у одной из стен были установлены четыре игровых автомата, которые круглосуточно крутили комбинации из вишенки, долларовых знаков и иных символов.

Автоматы освобождались от денег каждое утро, и Екатерину Витальевну всегда трясло, когда уйма деньжищ ведрами уносилась в неизвестном ей направлении. Еще больше ее бесило, когда какой-нибудь козел или сучка выигрывали гору монет. После столь для нее волнительных событий она спрашивала Игорька: «Вот зачем, скажи, этой сучке» или «этому кобелю столько деньжищ»? Единственный, кого она любила, был гаишник с усами, который регулярно приезжал ночью в форме, примерно час стоял, стуча по всем автоматам сразу, и ни с чем уезжал дальше. Улыбаясь, вдогонку она всегда ему прокрикивала: «Повезет в любви!», — после чего бежала с набранными за день пятаками, даренными ей покупателями, прямо к тем автоматам, которые должны были быть переполнены перед утренней инкассацией. Обязательного условия давать пятаки гардеробщице не было, но ей отстегивали регулярно. Благодарности в ответ никогда никто не получал, — напротив, при выходе из магазина она транслировала Игорьку свою оценку подателю мелочи: «Вот козел, бухла на десять штук накупил — «Хеннеси» три пузыря (в ценах она разбиралась), а мне сраные семь рублей сунул». Или: «Вот сучка, штукатурки на свисток намазала на полторы штуки, а от меня пятаком откупается». Игорек в ответ кивал, глядя в пол.

Когда Игорьку становилось скучно, он тоже комментировал увиденное в своем закутке. Например, заметив покупателя, несущего нестандартный, на его взгляд, набор — автомобильную крышку и бутылку кетчупа, комментировал: «Поеду пожру». Один раз женщина несла набор вешалок и пятилитровую бутылку воды, на что Игорек сказал: «Сижу на воде — хоть вешайся». Однажды еще один товарищ по отшумевшей юности ему поведал, что у него семейное горе — пятидесятивосьмилетняя жена перестала ходить, и год, как прикована к постели, на что Игорек прокомментировал после его ухода: «Пятьдесят пять лет? Да не

грех уже и полежать». Екатерина Витальевна, слышавшая и разговор товарищей, и резюмирующую часть Игорька, громко охарактеризовала последнего: «Скотина!» Игорек понял, что в негативную копилку, его и без того отрицательного реноме, прибыло. Но разговоров ему было маловато — хотелось интриг и событий.

Одно из приключений он организовал сам, когда на свой юбилей увел в кабак всю ночную смену охранников, включая начальника смены, где они лихо погудели. Самому Игорьку ничего за это не было, так как его дело было предложить, а их отказать. Сам Игорек был в ту смену в отгуле. Трое же охранников, включая начальника смены, были уволены. Молодых «секьюритев» пощадили по причине малоопытности.

От скуки все промышлял, как могли: Игорек сообщал игроманам, какой из автоматов должен быть переполнен и в случае выигрыша получал свою долю. Один охранник с согласия всей смены, минуя обзор камер, умудрялся выносить дорогой алкоголь и сбегивать его за полцены в загибающиеся ларьки, и так как куш делили на всю смену охраны, никто его сдавать не собирался. Место добывания настоящего «Хеннеси» по дешевке охрана сама раскрывала покупателям. Через полгода «золотую жилу», конечно, прикрыли, но для участников сего действия отградным было хотя бы то, что свалили все на зятя главного бухгалтера, который всегда выносил под олимпийкой дорогой коньяк на продажу и самый дешевый портвейн 777 (три топора) для себя, отчего к началу следующей смены лежал буратиной в подсобке. Хотя он и осуществлял самое грязное дело, но никому не хотелось за него отрабатывать в его залах, где он должен был барражировать всю смену.

Помимо всего прочего, Игорек еще и был нетолерантным. При посещении магазина покупателем цыганской наружности он тут же объявлял всем постам, что «...внима-

ние... цыган-пидор идет». Объявлял это четко и громко в рацию и в пространство, отчего кассирши даже по первой привставали с мест поглядеть на гостя, а охрана заканчивала перекур и бежала в зал — ходить за озвученным цыганом по пятам. Глупость, скажете вы, и предвзятость, но через полгода цыгане в супермаркет ходить перестали.

Так и служил бы в предбаннике Игорек и дальше, да не соблюл одного из своих же правил: не тянитесь близко к солнцу (начальству) — оно обжигает.

В молодости он его избегал и игнорировал, так как оно постоянно делало ему внушения на предмет морального облика советского труженика, в ответ Игорек коллекционировал в своей трудовой тридцать третьи статьи, коих к пенсии набралось четыре записи. Но безработным быть не получалось — время было такое, и альтернативной работе могли быть только места заключения, так как за тунеядство в стране развитого социализма сажали нещадно и методично.

Все службы — участковые, отделы кадров, профсоюзы и прочие усердно бились за уничтожение безработицы. Нынче же никто и ничто, кроме низкой пенсии, на работу Игорька не гнало. Оклад же с пенсией ежегодно гарантировал ему две недели египетского либо турецкого солнца.

Но подвело все-таки солнце начальническое. Однажды приехал хозяин Сергей Иванович в весьма веселом расположении духа, не пьяный, но явно под хмельком. Взял из касс денег, пошутковал с персоналом, простучал в автоматах два пакета пятаков и завязал разговор с Игорьком в присутствии Екатерины Витальевны о том, что для удобства надо бы автоматы под навес на улицу вынести, чтобы играющие в проходе неудобств не испытывали и от кондиционеров не простужались. Беседа шла минут семь, Игорек рьяно поддержал идею, Екатерина Витальевна демонстративно, в присутствие любого начальства, если оно разговаривало не с ней, читала желтушную газету (и по цвету и по

содержанию). Тем самым она показывала, что ей нет дела до чужих разговоров, мол, я ни разу не любопытная.

Игорек чуть не расплакался от душевного разговора с боссом и от нахлынувших чувств ударился в запой. Фурия из камеры хранения, которую он по трезвянке боялся как огня, не торопилась доносить о случившемся до ушей начальства, а лишь скрежетала зубами, глядя на совсем зарвавшегося великовозрастного детину. Однако запой у Игорька продолжался неделю, состояние было с каждым утром все хуже, а Сергей Иванович уже трезвый и сосредоточенный, проходя мимо небритого Игорька, косо на него поглядывал. Сбежать с глаз долой возможности не было — ибо оставление поста без присмотра. Предбанник же, как назло, стал еще большей точкой притяжения, так как через него все начальство и заходило, и уходило. Так еще и пивную бочку на розлив определили рядом с автоматами, что трезвости Игорьку не прибавляло. После недельной расслабухи организм Игорька окончательно устал — от мешанины его мутило и штормило. В один из дней нервы окончательно сдали. Увидев, как Сергей Иванович выходит из машины и идет в свои владения, не имея возможность миновать предбанник, Игорек рванул в укрытие — в камеру хранения, где дежурила Екатерина Витальевна. Она сидела на стуле, облокотившись на стойку, с завистью глядя, как очередному козлице падают пятаки из автомата. Игорек не смог обойти гардеробщицу и спрятаться за шкафом, поэтому решил на несколько секунд спрятаться под стойку

Но гардеробщица не отодвинулась для того, чтобы пропустить его в укрытие. Звук открывающейся двери уже стал слышен, а, значит, две секунды — и начальник явит себя взору своих подчиненных. Игорек всем торсом замер на коленках рыжеволосой фурии. Екатерина Витальевна так же замерла, заметно побледнев на глазах, что привлекло внимание босса.

— Привет, Витальевна, как житие? Все ли ровно, все ли лепо? — Сергей Иванович имел склонность выражаться несколько витиевато.

Старушка молчала, как рыба об лед, а Игорек лежал на ее коленках, затаив дыхание, чего за стойкой видно не было.

— Ты не заболела, может, отпустить тебя или душегубку вызвать (это он имел в виду скорую)?

Душегубка была актуальней для Игорька, ибо ему плохо с каждой секундой.

— Ты чего затухла, как терминатор!?

Бедная женщина, которая возможно впервые в жизни попала в столь пикантные обстоятельства, одновременно лишилась возможности дышать, говорить и моргать.

Сергей Иванович, ничего не поняв, из головы в кои-то веки нарыл двустипшие, которое услышал по пьяни от одного доцента филологии на юбилее одного из гуманитарных ВУЗов, где состоял в учредителях:

— Аааа.. молчи, скрывайся и таи и мысли, и мечты свои? — с иронией, пытаясь вывести из ступора женщину, расстарался босс.

Теперь женщина просто окаменела, и у нее перестало двигаться все, включая рыжие волосы, которые не поддавались даже потокам ветра от кондиционеров. И все бы так ничем и закончилось, если бы он не помянул по ходу Игорька, пытаясь облегчить жизнь старой знакомой, впавшей в ступор на его глазах:

— Давай Игорька позову, пусть за тебя посидит, заодно и от людей подальше будет, а то какой день как зомби шлангуется....

При упоминании своей особы, Игорьку захотелось сделать вдох, но долгое нахождение в согнутом состоянии привело к тому, что произошел выдох, а, точнее, выплеск всего того, что было выпито и чем закушено с утра перед началом смены. Вылилось все естественно на острые коленки и

платье несчастной женщины. При этом раздался рык, который поверг в ошеломенение уже босса. Его фантазия дала сбой и не транслировала ни одной версии, что могло произойти в закутке за стойкой у старой боевой подруги.

На следующее утро Игорька вызвали на ковер к начальству — Сергею Ивановичу, кадровичке и бухгалтерше. Ему был задан один единственный вопрос: собирается ли он «завязывать»? На что получили ответ: «Я уж не в том возрасте, чтобы ущемлять свое «я»!»

Собственно, пьянка и была для Игорька высшим проявлением свободы.

Разговор занял полминуты, запись по собственному желанию (времена уже полаяльней, чем при социализме) — минут пять, расчет на месте, с учетом неотгуленного отпуска, — еще минут семь. Новая жизнь учила всех работать быстро.

И вот — он ничем не обременен. И, держа в руках деньги, которые он собрался пропить открыто в парке отдыха с шахматистами, с которыми общался лишь до и после смены, он ощущал полет мысли и свободу. Осталось последнее — сказать на выходе то, о чем он мечтал все время пребывания в предбаннике, как декабрист в ссылке. Проходя мимо Екатерины Витальевны, он четко и громко, на сколько хватило глотки, произнес, адресованное ей: «Курва!»

За оскорбленной женщиной дело не стало, и данное оскорбление не лишило ее, как вчера, реакции и дара речи, и не менее громко она четко и звонко выстрелила: «Козел! Свободен!!!»

Выйдя на крыльцо и вдохнув побольше воздуха, Игорек произнес: «Да! Я — свободный человек!»

ПОЛЕТ ВО СНЕ ИЛЬ НАЯВУ

С пьющими людьми, будь то в активной фазе потребления, будь то с похмелья или в белой горячке, нередко происходят различные чудеса: то с утра кроссовки в морозилке находятся, то провода из розетки лезут в рот, то мент-зараза из шкафа в четыре утра выходит... в общем, чудес не перечесть.

Но вот этот случай весьма необычен. Чтобы убедиться в том, что это не выдумка и не игра фантазии, я дважды переспросил мужика, ощутившего чудо в произошедшем. Рассказ звучал так:

«Ну, прикинь, до четырех утра бухали. Проснулся часов в девять, трезвый, как стеклышко, чтобы в туалет сходить. Тапки надел, в туалет захожу, облегчился, ну и только собрался выходить... как чую — меня берут, поднимают, приводят в горизонтальное положение мордой в землю, выносят из туалета в коридор и, чтобы удобней было, харей о кафель долбануть поворачивают... и главное, тапки не слетают, че удивительно. И-инии кааа-к шарахнут меня оземь! Только вспышка голубая в глазах.

Я лежу, харя по кафелю размазалась, как при перегрузках в десять атмосфер, все болит, не встаю, боюсь квакнуть: как бы опять не подняли как бревно и не понесли.

Минуты две полежал, жену ору: Натаааа-са (харя-то расплющена, «ша» не идет). Жена прибегает, говорит: ты че, совсем охренел? Объясняю ситуацию — не верит, друзьям рассказываю, те уж не ржали, сказали, что предынфарктное, наверное. Какой, говорю, предынфарктное, доставай из холодильника, со вчерашнего осталось. Ну и давай опять. А главное — и челюсть болела, и синяк потом во все бедро».

Спрашиваю его:

«А чего ж это все-таки было?»

Рассказчик задумался на мгновение и не совсем уверенно ответил:

«Неведомая сила...»

Вот так она, неведомая сила, и носит, и роняет, увольняет с работы, разрушает семьи, здоровье, да и все остальное, хотя... насколько она неведомая — вопрос спорный.

НАСЕКОМЫЕ БАХУСА

Так бывает, что человек, будь в подпитии, будь с похмелья, четко ощущает порой неудобное и неуместное присутствие опьянения — либо желания выпить. А уж тот, кто находится, как говорят врачи, в состоянии абстинентного запоя, те уж и вовсе заложники зеленого змия. Зачастую они (и это не преувеличение) сами собой в этот момент и не являются: поступки не те, мотивация не та, да и рады бы они из этого состояния выйти, да причин тьма, чтоб не выходить — День рыбака, крестины, именины, четверг, но чаще всего то, что деньги еще не кончились и в долг дают.

Но это лишь общие рассуждения. Рассказать же хотелось о том, как друг-запой следует за человеком по пятам везде, будь то больница, паспортный стол, детский утренник, а главное, он ходит с человеком на работу, и зачастую человека за такую дружбу вытуряют с работы, а вот у запоя — полный ажур и даже, наоборот, вероятность неприкосновенности увеличивается в связи с желанием человека залить горе горькой.

Так вот: рабочий день, 9.50, город дымит трубами и гудит автомобильными гудками, некоторые из счастливицков гудят на кухнях (большинство их или меньшинство — статистика умалчивает, не удивлюсь, если напополам). Разливайка.

Кто не знает — поясню. Разливайка — это, как правило, обычный продуктовый магазин, в котором присутствует отпуск спиртных напитков на розлив (это для тех, кому нажираться враз не хочется, либо нужно трэмулэ снять, или синдром торшер-шушерского, как в народе иногда его называют). Пациенты, которые пьют просто малыми дозами, — это вымирающий вид, но все же встречается.

Продолжим: 9.50, разливайка, у кассы рядом с продавщицей трется уха́рь лет тридцати с видом беззаботности (в смысле — безработности) на лице и чешет ей по ушам все, что бог похмелья послал, дабы ей не было скучно и она его не поперла из помещения за ненадобностью. Такие типы, как правило, дружат с безденежностью, и эта дружба их не сильно тяготит, потому как они всегда — солдаты удачи и виснут на подножках трамвайных. Вот и этот товарищ за праздными разговорами ждал своей судьбы, ибо все дороги идут в Рим (в разливайку, или в магазин, то есть). И дождался.

Именно в это время в помещение влетает явно ярый адепт зеленого змия, с помятым лицом и двумя мешками сахара под глазами, раздувая, словно вентилятор, ветер трясущимися руками. Примечательно, что рубашка и штаны влетевшей бабочки (орлом не назовешь: амплитуда махов малая, регулярность махов частая) были наглажены и чисты. Следовательно, человек летел на работу.

Наш говорун-развлекун продавщиц тут же потерял дар речи и дернулся в белогвардейской стойке, словно выпускник юнкерского увидел перед собой барона Врангеля.

Бабочка влетела настолько стремительно и подлетела к кассе, что не заметила присутствия рядом мятущейся души. Заказав двести грамм водки и маленький пакетик томатного сока, он и не ведал, что рядом с ним стоит мученик, у которого слюна течет уже как у бешеной собаки, и он готов залаять на вожделенные бочки, стоящие за прилавком, из которых льются всевозможные спасающие яства низкого качества, а зачастую и просто голимая сивуха. Однако в их обоюдном состоянии сивуха является аналогом росы.

«Барон» настолько быстро схватил стакан и опрокинул его себе в глотку, что, казалось, заглотит и пластиковый стакан тоже. Но теперь другая процедура: нужно

запить, так как внутри уже пошел обжиг стали, которая, видимо, закалялась уже не один день. Он лихорадочно отцепил целлофан с трубочкой от коробухи с соком, но извлечение самой трубочки произвести не смог. Во-первых, бабочки как минимум сутки, но живут, тряска не проходит, а во-вторых, эта задача, видимо, была для него сродни коду да Винчи или тем головоломкам, которые продаются на рынках.

Трубочка не извлекалась ни в какую — ни сгрызание целлофана, ни ломание трубочки, ни упоминание трубочкиной матери не помогали.

У мужика была явная истерика, казалось, он сейчас просто-напросто сойдет с ума от страшнейшей задачи, выпавшей на его долю.

И в тот самый момент, когда успех вот-вот уже замаячил на горизонте и запивь была почти побеждена, истекающий слюной сосед встал уже в позу человека, у которого только что угнали на его глазах велосипед.

Выражение лица его кричало: а где же справедливость? И он произносит фразу, которая по своей искренности, наивности и беспардонности вряд ли может с чем сравниться. Фраза звучала протяжно и с укоризной (специально выделяю главное слово): «А че эт ты, СЕБЕ берешь?»

Вопрос был задан настолько не вовремя, что разгадывателя ребуса в буквальном смысле чуть не вдарил инсульт. Он, видимо, даже и не ожидал, что кто-то кроме него и читающей книгу продавщицы есть в помещении. Он тут же понял, что мир против него, что на работе нужно быть с минуты на минуту, а здесь он в какой-то западне изобретателей целлофана для трубочек и хрена с горы, которого никогда в жизни не видел.

Отойдя через секунд пять от такого вопроса, не поняв сути и акцентов, но поняв цель посыла незнакомца, он в отчаянии ударил о прилавок сдачей, как шашкой

лихой казак, и, не глядя на продавщицу, сквозь зубы и скрипя ими, протяжно прохрипел: «И ЭТОМУ плесни, чтоб не жужжал!!!»

Пока наглец глотал с благодарностью свою порцию, благодетель, матерясь, разгадал все-таки ребус и уже летел на рабочее место. А говорун уже вновь принялся отвлекать продавщицу от чтения пошлых детективов душевным разговором. Потому как человек, верующий в судьбу и ощутив ее дары, никогда не поверит, что ее благодетель была случайной и разовой. Главное — уметь ждать.

ИСТОРИЯ ПРО ОДНОГО МАЙОРА

(абсолютно не придуманный случай)

Картина: рабочий день, центр города с миллионным населением, примерно между 16.00 и 17.00. Из кабака, весьма даже очень престижного, под руки выводят человека в милицейской форме. Наглухо тонированная машина уже подъехала и ждет, человек в форме транспортируется вполне смиренно. Те, кто транспортируют, — видимо, также сотрудники правоохранительных органов. Ничто не предвещает неожиданностей, но при подходе к машине груз начал проявлять волнение, агрессию и никому не понятное упорство в желании никуда не ехать. Сперва майор просто встал крепко на копыта, затем схватился обеими руками за крышу автомобиля, а затем издал душераздирающий вопль на всю центральную улицу города, привлекая внимание всех прохожих, а также тех, кто по каким-то причинам не работал в тот день и сидел дома.

Если бы люди только слышали, а не видели, что за человека пытаются посадить в машину, можно было бы подумать, что милиция кантует одного из пролетариев на заслуженный отдых до утра. Но реальная картина ввела всех очевидцев в состояние легкого ступора. Вот майорский текст.

— Да Ё-ПЭ-РЭ-СЭ-ТЭ! Куда ж вы меня тащите?! Я отдыхаю, никого не трогаю! Дайте песню дозакажу!

— Да ты спишь уже, Серега, езжай домой! — сказал первый ведущий-несущий.

— Тебе уже не до песен, завтра послушаешь! — подтвердил второй.

— Вы мне, козлы, зубы не заговаривайте! Да хорош меня в этот катафалк толкать! Меня там тошнит!

— Тебя уже за столом стошнило!

— За все уплочено! На свои блюю, не на чужие! Сейчас баб снимем.

— Какие бабы, ты уже официанток всех облапал! Они нас уже обслуживать отказываются.

Весь этот недолгий диалог сопровождался попытками отцепить майору руки от крыши машины и попытаться втолкнуть его внутрь салона. Но майор был крепок и ни в какую не сдвигался с места.

И тут из него раздался такой львиный рык и рев, что перепугались все, включая ворон, сидевших на ветках. Товарищи же сопротивленца, видимо, привыкли к таким заворотам.

— Я никуда не поеду, все козлы! Я — начальник! Вы — подчиненные! Я завтра вас всех уволю! Да я и себя завтра уволю! Мне все до лампочки!

— Серега, харэ уже!

— Садись в машину, ну тебя на хер!

— Пил, пью и буду пить! Хрен вам в глупые рожи!

Все трое бились в конвульсивных движениях. Двое, чтобы втолкнуть третьего, третий, чтобы не втолкнуться и продолжить праздник души служивой. Стоящая в ожидании машина билась в тех же конвульсиях, что и трое у задней двери. Водитель, видимо, был на изготовке, как пилот «Формулы-1» на пит-стопе во время смены резины и дозаправки. Он ждал, что закроется дверь и он рванет с места, чтобы уехать с места позора в место покоя.

Видимо, во время попытки сдвинуть с места титана у того ровно по шву на мягком месте порвались штаны, и если бы штаны были не милицейские, а кожаные, то хиппи бы позавидовали такому аккуратному и стильному разрезу от кутюр.

По закону литературного жанра, у него должны были быть трусы в горох, либо не должно было быть их вовсе, но майор, видимо, литературу не любил, и трусы были у него банальней некуда — в цвет милицейской рубашки.

Старатели, которые пытались добыть уже и для себя покоя, так как поняли, что чересчур привлекли к себе внимание, также обнаружили изъян по шву — и оба покраснели от конфуза за майора. Тому же было явно не до банальных проблем: душа требовала полета.

Тут из-за руля показался крепкий сержант милиции, который врубил предварительно на всю катушку магнитолу, которая крутила любимую милицией «Бутырку». Всей своей не менее чем центнерной тушей надавил на всех троих так, что они облегченно, как грешники в преисподнюю, влетели в салон. Пока он бегом садился на свое место, машина подпрыгивала и шаталась то ли от грохота динамиков, то ли от мук совести пассажиров. Пока закрывались водительские двери, сквозь слова песни «Атгестат в крови, по бокам конвой...» раздавались отрывки фраз:

- У-уй, блин, рубаху новую прокусил!
- Уволю! Пиши прям счас рапорт!
- Зажми ему ноги!
- Гомосеки! Вы че меня щупаете?! Мне щекотно!

Машина рванула с пит-стопа и стала скрываться в лучах солнечного дня, и свист ее резины как-то гармонировал с последней услышанной из ее нутра фразой из песни «А меня везут под сирены вой...»

Тяжела и полна вздора жизнь российского майора.

БАБУШКИН КОМПОТИК, ИЛИ КАЗУС ЭВОЛЮЦИИ

Сидим с товарищем вдвоем в центре города в парке отдыха от культуры, как говаривал Сергей Довлатов. Сидим, весьма далеки от тривиальных забав (как это ни странно), и мирно беседуем о жизни, о вестях с политического небосклона и о всякой ни к чему не обязывающей чепухе. Издалека к нам направляется женщина, которую можно было бы назвать и бабушкой, но ее внешний вид дает пищу для фантазий. Возрастная вилка, если подходить визуально, колеблется от 40 до 60 лет.

Май месяц, а на ней сапоги «аляска» с подшерстком, вязаная шапка, осенняя куртка — все явно не только что из химчистки. Лицо то ли опухшее, то ли оно уже так сформировалось, но с него можно было бы запросто аниматорам рисовать солнышко для детских мультфильмов. Как у любой чистокровной дворняги неправильный прикус, так и у нее два нижних зуба выпирают из-под губы и придают некий шарм, указывая на то, что юмор будет преследовать этого человека даже тогда, когда случится что-нибудь совсем уж пренеприятное.

У людей, которые употребляют долго и регулярно, ум, логика, рассудок и все, что необходимо для самоутверждения в обществе, то есть деловые качества, скрываются в глубину, уходят на второй план, а вот юмор, нелепость, самопрония, обаяние так и бушуют на авансцене личности. Вообще, тяжелей всего убиваются обаяние и юмор.

Так вот, женщина эта была обаятельной, и два выставившихся напоказ зуба были как жанровый грим.

Дворняги все такие.

Увидев что-то под нашей лавкой, она подошла к нам и крайне вежливо спросила:

— Мальчишки, это не ваша бутылка под лавкой стоит?

Мы были не в курсе о существовании какой-либо бутылки и, заглянув под лавку, обнаружили, что, действительно, под лавкой стояла наполовину полная полуторалитровая баклажка с какой-то бурой жидкостью, в которой, как нам показалось, должны непременно водиться змеи, либо должна быть такая радиация, что самым легким последствием питья из данной бутылки должно стать облысение.

— Нет, не наше-с, — ответили мы.

— Ну, тогда я возьму, компотик, наверное, попью.

Взяла находку и присела на лавке напротив.

Мы с чувством легкой брезгливости и тревоги за здоровье женщины, очевидно испробовавшей немало напитков в своей жизни, продолжили разговор.

В течение минут двадцати она потягивала напротив нас зелье, и мы решили, что это действительно компот, беспокойство и брезгливость прошли — и тут... Видим — бабка поплыла.

Сперва опустилась голова, и она стала, как бычок, мотать ей в разные стороны. Затем все туловище стало ходить как маятник туда-сюда, а затем, при попытке встать, ее так подкосило, как будто снайпер из винтовки с глушителем ликвидировал ни в чем не повинную женщину.

Мы подбежали к ней и, не являясь медиками, нелепых попыток привести в чувство пострадавшую не предпринимали и вызвали скорую.

Хотя нельзя сказать, что она была без чувств. Все конечности хоть и были без движений, но один глаз признаки жизни подавал.

Левый был наглухо закрыт, а правый пульсировал — то практически закрываясь, то открываясь до предела. Правая рука также производила непонятные нам знаки.

Создалось впечатление, что у нее оторвало одно из полушарий мозга.

Надежду внушало то, что речь была, хотя с нами она категорически отказывалась разговаривать, но с прибежавшей, видимо знакомой ей парковой дворнягой, разговаривала охотно. Дворняге были заданы вопросы: чего она здесь без дела кружит? где Сашка? и почему она лежит на земле?

Собака на вопросы не отвечала, она бегала вокруг с нескрываемой радостью, прыгала и лизала щеки и нос придулившейся человеческой. Зоотерапия — великая вещь: уже после трех минут общения с братом меньшим женщина встала на четыре точки и уже перешла на собачий язык — видимо, в знак благодарности. Она и лаяла, и подвывала, а собака еще пуще прыгала и виляла хвостом от ощущения, что эволюция от человека метнулась в ее собачью сторону. Стойка на четырех лапах, лай, вой, неправильный прикус и слюна изо рта давали жучке все основания полагать, что в ее полку прибыло.

Но эволюцию пресекли медицинские сотрудники, приехавшие в фургоне с Красным Крестом. Выйдя из транспорта, они в первую очередь стали изучать бутылку, как будто она стояла на карачках и, истекая слюной, лаяла на собаку. Включив обоняние, пришли к выводу, что явно присутствует запах денатурата. Он (денатурат), как пояснила медицина, исключает как никто другой конечности. Бабулю уложили на кушетку, бутылку забрали с собой, видимо, для экспертизы в случае крайнего исхода, и Красный Крест отправился без превышений скорости и шумовых эффектов приводить в чувство еще одну мученицу, идущую по дороге небытия.

А собака сидела, виляя хвостом, надеясь на возвращение представителя венца творения, который впервые в ее собачей жизни поговорил с ней по душам на ее собачьем языке.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ

У всякого человека порой наступает озарение — навязчивая тяга к благородному поступку. То ли незнакомую бабушку с сумками через дорогу перевести, то ли полы помыть у себя дома в кои-то веки, а то и совершенно искренне дать кому-либо дельный, на свой взгляд, совет. После исполнения таких порывов тут же представляются картины о неминуемой благодати в райских кущах, уготованные за оказанную добродетель ближнему. Но это все из области банальщины и примитива по сравнению с порывами высокими и благородными.

О внезапном всплеске патриотизма поведал мне один товарищ, в курилке, в будний день под конец рабочего дня. Накануне ехавший к себе домой после «ночных бдений» и душевного опохмела нынче. Вот его рассказ:

«Еду в «газельке», пивом лакируюсь, опьянение есть, а полета нет. И вообще — бессобытийность заела существование в социуме. И вдруг вижу: на остановке стоит... чучело разноцветное, чурка, словом... Ну, думаю: надо наказать!

Прошу газелиста тормознуть прямо на остановке, где стоит объект, которого ждет неминуемое наказание. Расплачиваюсь с водителем, выбираю мишень и, не желая марать чистые славянские руки, разбегаюсь прямо на возмутителя моего спокойствия и причину вспышки патриотизма.

С моей точки зрения, для людей, коих было немало, стоящих на остановке, сцена должна была напоминать кадры из «хон-гиль-донских» боевиков и нетленок с Брюсом Ли.

Я тщательно прицелился, взял разбег в пять-шесть шагов, левую ногу подогнул для приземления, правую ногу для удара в тулово врага максимально напряг и вытянул — и уже ощущал всю свою сокрушительную мощь и прелесть полета...

Но враг оказался коварен, недаром говорят, что у азиатов в крови коварство и вероломство. Он сделал самый верный ход, который можно было придумать, чтобы обезопасить себя в этой ситуации. Он сделал шаг в сторону.

Вся моя мощь (дурь) ушла в остановку. Поджим левой ноги оказался ненужным, так как приземлился я в стену остановки, а с нее, словно детская игрушечная липучка, сполз на асфальт. Перебой со светом в глазницах был секунд шесть. Встав быстро, как мог, я увидел обращенные на меня взгляды людей, стоящих на остановке. В них не было ни возмущения, ни осуждения, ни испуга, ни (что самое главное) насмешки надо мной. Они были в недоумении! Создалось впечатление, что я прибыл на корпоратив или светский раут в шортах и сланцах, оскорбляющих их достоинство.

Но главное случилось: враг бежал, позорно уклонившись от боя.

Его трусливая рожа ловила такси уже на противоположной стороне улицы.

Оборона противника пала и бюджет потрепан, подумалось вдобавок.

Граждане же, на всякий случай, сделав в сторону от эпицентра патриотизма два шага, мельком поглядывали на меня и на оторванный пластиковый лист остановки, еще вибрировавший по инерции после моего удара.

Чтобы снять неловкость ожидания, я мигом подошел к табачному ларьку и купил пачку сигарет «Российские», каковые отродясь не курил, и, присмолив у стоявшего рядом мужичка от его непатриотичного «Мальборо», победной поступью направился к своему дому, всем своим видом давая понять, что не перевелись еще богатыри на земле русской, готовые в любую минуту защитить Родину от всякого супостата...

СЕКРЕТНЫЙ ОРДЕН

Среди лиц, активно потребляющих горячительные напитки (какая-то внутренняя мнительность мешает написать проще: «среди алкашей»), нередко встречаются так называемые «чудики», или чудилы, или чудаки на букву «м» — в общем, синонимов к данной категории людей тьма, но проявления их чудачеств порой невозможно осмыслить: откуда что берется?

Случай произошел непосредственно со мной и моим старым корешем, с которым мы еще в подростковом возрасте сошлись на почве потребления спиртного. Для кого-то спиртное — это праздник, для кого-то — разгрузка, для кого-то — уже необходимость, для товарища же моего алкоголь был как... десерт. Если считать, что мы практически ежедневно вечерами употребляем пирожные, печенье, мороженое, варенье и т.д., то для него десертом был именно алкоголь.

Для рассказа данное рассуждение большого значения не имеет, но чудиками становятся часто от переедания или, вернее, от частого прикладывания к десертному столу. Все-таки что-то там в «мозгу» и отмирает, и мутнеет, и тормозит, а иногда, наоборот, фонтанирует и бурлит большим воображением и фантазией. Так вот, о фантазии.

Однажды — а это происходило с нами с периодичностью примерно два раза в год — начались у нас с ним «гастроли». Гастроли — потому что речи, поступки и все остальное, что было и делалось нами, иначе как концертом не назовешь.

Какой день фестиваля был — сказать затрудняюсь, но душа товарища уже, видимо, требовала не тривиальных разговоров на скамейках, анекдотов и орания песен в центре города по дороге домой, а чего-то неординарного.

Так, выходя из разливайки (читатель уже знает, что это такое), товарищ поведал мне, что он состоит в Ордене Змеи.

Диалог звучал так:

— Паш, а ты в курсе, что я состою в Ордене Змеи?

— Не в курсе, а это как? Ты там чем занимаешься?

— Там всем нужно научиться ходить змеей.

— Может, ползать? Так сейчас еще два пузыря — и заползаем змеями вместе, и нас не только в Орден Змеи автоматически возьмут, но и в Орден Трезвяка.

— Не-ееет! — с укоризной ответил товарищ. — Змея — она хитрая, она так просто не дастся, она тебя близко к себе не пустит. Я вот, например, сызмальства состою, и то стилем Змеи еще не в совершенстве владею.

— Ну покажи хоть.

— Сперва нужно изучить стиль Шакала. Для этого нужно выбрать жертву.

Стоит отметить, что у моего товарища было слабое зрение, и у его очков была непонятная для меня особенность: очки на его лице в течение всей пьянки напоминали шхуну, болтающуюся в шторм в открытом море. Например, после третьей рюмки очки на лице фиксировались под углом 45 градусов, в какие-то моменты заползали на лоб, в редких случаях они чуть ли не переворачивались. Создавалось впечатление, что это не очки, а блуждающий нерв на лице, выдающий состояние всей нервной системы в период чрезмерных возлияний.

— Так вот, — продолжал мой собутыльник. — В стиле Шакала нужно сперва выбрать жертву.

Очки лежали на лице диагонально. Он наклонил голову, как следователь перед упертым подследственным, выбрал идущую навстречу бабку с пакетами и сделал два шага к ней.

— Затем приготавливаешься к прыжку, — при этом он стал, действительно, изображать, как какое-то неопознаваемое животное готовится к броску в сторону жертвы, при

этом он еще тряс тазом, как Дженнифер Лопес в своем мировом турне. — Затем воинствующий рык — rrrrr! И прыжок!

И он, ради наглядности, прыгнул в ее сторону, не нанеся пожилой женщине никакого вреда. Но она, увидев тридцатилетнего, извивающегося в конвульсиях детину, пытающегося бросится на нее и, видимо, решившегося покуситься на содержимое ее пакетов, заорала таким басом на всю улицу, что, я думаю, и соседние кварталы без тени сомнения решили, что в городе завелся бронтозавр.

От такого переполоха нам пришлось, хоть и со смехом, но рвануть в другой квартал, чтобы нас не повязали за хулиганку или за попытку ограбления. Редко у какой женщины услышишь баритональный тембр, а тут прямо Хворостовский или Шаляпин в юбке.

Найдя в трех кварталах от того места другую разливку, можно было бы сменить тему, но камертон на день был задан.

После очередной порции товарищ продолжил:

— Ну, стиль Шакала ты понял, теперь перейдем к Змее. Становись напротив меня.

Кто знает, что такое кураж, тот понимает, что при хорошем настроении и в хорошей компании практически невозможно отказаться от авантюры и телодвижений, которые ведут к повышению настроения и еще большему куражу. Правда, уровень юмора, куража, воспитания и интеллекта должны быть таковы, чтобы из запоя в камеру не загреметь.

Я встал напротив него.

Товарищ стоял параллельно мне и изображал руками волны, примерно как в брейк-дансе, при этом делал шаги в сторону, прикрыв один глаз и высунув язык, как змея. Язык производил резкие пульсирующие движения, так что у меня сразу возникла мысль, что он недавно посмотрел телепередачу «В мире животных» о пресмыкающихся. Больно лихо

у него получалось выбрасывать язык и производить им резкие конвульсии от подбородка к носу. У меня было впечатление, что передо мной человек-одноглазая гюрза.

Но гулять так гулять! Наступить на горло собственной песне время еще не пришло, и люди, находящиеся на улице, наблюдали, как два чудака под тридцать лет чешут зеркально боковым шагом, прикрыв один глаз, маша волнообразно руками и показывая друг другу языки.

Наверняка мы бы прошагали так, совершенствуя мастерство стиля, еще квартал, если бы сзади меня, чего я не видел, не подъехал «уазик» медвытрезвителя.

«От судьбы не уйдешь», — подумал я.

Очень лениво, медленно, два мента вышли из «уазика». Шапки на головах у обоих были, как бескозырки у дембелей морфлота. В том смысле, что непонятно, на каких гвоздях крепятся к затылку... Такое впечатление, что это нимбы.

Два ангела-транспортников с запредельной флегматичностью, граничащей с летаргическим сном, направились в нашу сторону. Их флегматичность, видимо, связана с тем, что их пациенты не бегают, либо бегают плохо, а чаще лежат в блаженстве и сами ждут бесплатного такси.

Подойдя к нам, один из ангелов прислонил кулю ко лбу так, что было непонятно, то ли он вытер пот со лба, то ли он искал нимб, но на то, что он отдает честь адептам секретного ордена, было никак не похоже. Наш вид уважения, видимо, не внушал, поэтому никто представляться нам в должности и звании не стал, хотя к непосвященным или непонятливым нас никак не отнесешь. Да и, в общем-то, разницы нет никакой, кто тебя сейчас загребет, — прапорщик или младший сержант.

После процедуры, которая называется пробивкой по базе данных, один ангел задал второму вопрос, дающий нам надежду:

— Ну че, берем их?

Ответ второго показал, что нимбы фальшивые:

— Да ну их к чертям собачьим — сказал он протяжно и лениво.

Так же лениво они направились назад в «уазик», поступив с нами как с тараканами — не попрощавшись, не дав наставления, не пожелав удачи.

Мы, то ли от их безразличия к нам, то ли от радости, оборзели окончательно — и не успели хранители покоя и порядка завести свой «уазик», а нами уже продолжала совершенствоваться Змея, только уже по направлению в обратную сторону, в разливайку, так как стресс от явления высших сил нужно было срочно снять. Высшие силы в том смысле, что есть такое, от чего, как тебе кажется, не отвертеться, а тут, на тебе — милость!

«Уазик» уехал, лениво чихая карбюратором. Такое складывалось впечатление, что даже обдать грязью пешехода из лужи ему, как и его хозяевам, было запаadlo, не говоря уже о выполнении прямых служебных обязанностей.

Люди на улице, а их было немало, никак не могли понять, что произошло: два невменяемых типа остались в целости и сохранности, их не замели! Всё опрокидывало навзничь теорию о том, что радиация алкашей не берет, а милиция — запросто. Оказалось, что и милиция не всегда берет. А секрет-то был... в змее!

Не зря мой товарищ сызмальства, как он говорит, Змее обучался.

Вступайте в Орден Змеи! Она хитрая.

КАК ПОЛТИННИК РОТШИЛЬДА СГУБИЛ, ИЛИ ЗМЕЯ-ЗАСТУПНИЦА

Был, кстати, с Гришей еще один случай. Занесло его как-то в один каменный двухэтажный домик в Центральном районе. Знакомый его уверял, что в такой-то день, по такому-то адресу, в такое-то время соберется некая крайне интересная группа лиц и будут обсуждать сверхинтересные для него и всей вселенной темы. Секта, короче. И вот, сам не понимая, как это получилось, сидит Гриша в полубреду от машущих рук, маячащих людей, ходящих взад-вперед, галстуков и платьев, озадаченный одной мыслью: где взять сто пятьдесят долларов, чтобы закупить товара на триста долларов (со скидкой только сегодня) у добрых людей и реализовать этот товар другим не менее добрым людям по цене шестьсот долларов. На доске для «Гриш», которых сидело примерно пятнадцать особей, чертились таблицы, синусоиды, безумные числа, аналоги пифагоровых штанов, в общем, все то, что еще в школьные годы вводило их в анабиоз. Но если тогда в школе данные письма воспринимались как неизбежные мука и кара за малый возраст, то сейчас это четко означало, что все те, кто рисует на доске, машет руками, ходит быстрым шагом из комнаты в комнату с блокнотами, являются людьми просвещенными — и им можно доверять. Из всех тезисов знакомыми показались два слова — бизнес и план. Что такое «бизнес-план», Гриша собирался прочесть дома в Советской энциклопедии, валяющейся у него под кроватью в куче с Советской медицинской и журналами «Трезвость и культура». Еще понравилась фраза, что «пора перестать работать на дядю». Сорок минут мотиваций, стимулированных убедили Гришу, что через сутки после отоваривания на спецскладе в подвале этого же дома единственное, что ему останется, это уволиться с

«АвтоВАЗа» и подчищать энергетическую карму раз в полгода от зависти сослуживцев с прессового производства. Из красно-кирпичного коттеджа он рванул в сторону родственников, соседей, еще не начавших завидовать ему сослуживцев, да кого угодно, лишь бы занять сто пятьдесят долларов, так как в кармане был лишь фантик из полтинника. Было на его пути лишь два препятствия. Сперва улица Карла Маркса с двумя полосами для машин, которые он преодолел с небольшой потерей экстерьера, после того как его окатило из лужи проезжавшим 137-м маршрутом. Второе препятствие — в образе соседа, стоявшего у разливайки в тапках, с мусорным ведром и недельной щетиной и зовущего Гришу на минуту для важного дела. Сосед был проигнорирован. Дело осталось за малым. В полубреду, словно в быстрой перемотке, в займе средств Грише отказали две соседки с лестничной площадки, управдом и три родственника по телефону. Но ноги уже несли его во все топографические места, где обитали хоть мало-мальски знакомые. И чтобы ногам веселей бежалось, пришлось все-таки заглянуть на важное дело в разливайку, где соседа уже не было, и заказать порцию беленькой. Так как из двадцати рублей сдачи медью фантик в кармане не скатаешь, пришлось указать буфетчице в прејскуранте на порцию красненького — и двинуться в путь. Но... после красненького с беленькой энтузиазм спал. Начала вползать в черепную коробку мысль, что все это суета и ловля ветра, что семь сапог истопчешь, а желанной суммы не наберешь, да одолжат еще не долларами, а рублями, и придется переться в банк менять деньги. Там спросят паспорт, а он заложен в двух кварталах от дома в другой разливайке... в общем, колдовство, навеянное мельканьем рук, галстуков, лиц, фраз, графиков, синусоид на доске, перестало действовать. Змея, чьим именем назван Орден, адептом которого являлся Гриша, поставила подножку амбициозным планам. И свет

перспектив, который брызгал фонтаном последний час, был уничтожен как лампочка из рогатки хулигана.

Вот так, с помощью зеленой подруги, еще один человек, возможно, загубил в себе будущего Ротшильда, Рокфеллера и прочих Морганов. Правда, Гриша потом сказал, что это Змея за него заступилась и не отдала в руки нехороших людей, которые его товарища довели до продажи машины и взятия кредита. И что товар там у них на складе был отстойный, и что он другой склад, получше, знает.

ОЧЕНЬ УДИВИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

В небольшом подвальном помещении ЖЭУ № 3, оборудованном под раздевалку и комнату отдыха, на лавке, упершись спиной к шкафчику для переодевания, сидел мастер этого самого ЖЭУ Степан Филатович (Филатыч), натирая какой-то мазью свои коленки, которыми маялся, по его словам, со времен прыжков с парашютом, в период учений-мучений в армии. Сидел он в семейных трусах черного цвета, штаны спущены до ботинок. Процедура эта была ежедневной, поэтому ничего внештатного в этом не было. Филатыч мужик суровый, угрюмый, но не злой. При выявлении халтуры, помарок в работе или жалоб на сотрудников никогда никого не увольнял, а лишь занудно, хмуро и угрюмо читал нотации до тех пор, пока провинившийся сам не увольнялся. В коллективе считалось, что шуток он не понимает, и человек он хоть и не зловредный, но с тяжелым характером, равно как и тяжелым, за сто с лишним килограммов, телом.

Во время лечебной процедуры в раздевалку влетел Сергуня, сантехник тридцати двух лет с десятилетним стажем, с ошалелыми глазами и всклокоченными волосами. Сантехник неплохой, но на его переодевальном шкафчике, как говаривал бугор Филатыч, крупными буквами черной краской было выведено «В поле ветер, в жопе дым». Писано это было, кстати, самим Филатычем, и стирать было бесполезно, так как Филатыч не ленился при исчезновении надписей подойти и написать новую, которая могла быть поострей предыдущей.

На двух соседних шкафчиках, закрепленных еще за двумя слесарями-сантехниками Мишаней и Колюней, а Филатыч называл всех именно в уменьшительно-ласкательной форме, красовались свои характеристики, словно тавро на молодых

бычках. Да они и были молодыми — обоим к тридцати. У Мишани красовалось «Чудак на букву м», хотя до стирания было «Дурила картонный», у Колюни было выведено «Очарованный-заколдованный».

Влетев в подвал-передевалку, или как называл ее Сергуня, кубрик, он с изумленными глазами задал вопрос, залеживающему свои коленки бугру:

— А Михан с Коляном, че, ушли уже?

— Не, вон костями еще в коридоре гремят, — ответил Филатыч.

Греметь костями у Филатыча обозначало готовиться к работе.

Сергуня выскочил в коридор и крикнул:

— Пацаны, идите сюда, я ща такое расскажу, че со мной вчера произошло! Да давайте быстрее, успеете еще на вашу говномойку сходить. Случай феноменальный! И вбежал назад в душегубку, чтобы слушателям было удобней внимать.

В ожидании сослуживцев Сергуня лихорадочно потирал руки. Быстро поздоровавшись за руки с Мишаней и Колюней, он тут же перешел к делу. Колюня стоял с чемоданчиком под инструменты по центру раздевалки, ближе к Филатычу, готовый к работе, а Мишаня с тросом на плече — у двери, демонстрируя бугру, что, мол, чуть что, я уже запряженный. Но Мишаня был не только запряженный, но подзаряженный ста пятьюдесятью граммами водки, поэтому и встал у двери, чтобы непьющий мастер не учуял амбре.

И тут Сергуня начал:

— Пацаны! Это было что-то! Короче, к жене вчера сестра приехала, ну, естественно, взяли три бутылки шампанского им, и две баклахи пива мне. Ну, посидел я с ними, бабские разговоры их послушал, ну, пойду, думаю, покурю на балкон, пусть они там саммит без меня продолжают. А потом вспомнил, что у меня еще кубик, этой, как ее, кури-

тельной хрени остался, ну, типа, конопля, но не конопля, а что другое, не знаю как называется, в сигарету суешь, и она вместе с табачным дымом всасывается.

— Ну, знаю-знаю, — подогнал его Мишаня, — говори быстрее, у нас вызов, — демонстрируя Филатычу свою обеспокоенность работой.

— Эх, молодежь, — протяжно и с легким сожалением произнес Филатыч после констатации того, что двое из его подопечных не только осведомлены, что такое курительные наркотики, но и употребляют их вне рабочего времени, да еще и в семье.

— Да не перебивайте! Ща быстро все расскажу, — негодовал от невнимательности слушателей Сергуня.

— Ну, я, значит, этот кубик в сигарету загнал, с сигаретой выкурил и спать у телевизора завалился — снесло меня, короче. Через не знаю сколько, просыпаюсь там же на диване, телевизор уже выключен, слышу через коридор, что девки-то мои еще на кухне лялякают. Все осознаю, вообще, трезвый, но проснулся-то отчего?

И вопросительно посмотрел на всех.

Все, включая Филатыча, продолжающего натирать колени, смотрели на него.

— Поссать, наверное, после двух баклах захотел? — предположил Колюня.

— Так вот, мля, хорошо бы, если... — продолжал Сергуня, — только все гораздо хуже. Просыпаюсь оттого, что меня душат, причем сильно так!

— А кто душит-то? — спросил Мишаня.

— Да хрен его знает кто, но душит и все! И вырваться не могу никак, и заорать тоже, горло-то ведь передавили, только, как рыба, воздух ртом хапаю.

— От курения астма развивается, вот, наверное, она и есть, провериться надо, — пробубнил Филатыч, не отводя взгляда от своих многострадальных коленок.

— Да-а-а... астма... С шестнадцати лет курю и вдруг, на тебе — астма! Так не бывает, — опроверг версию бугра Сергуня. — И меня, значит, душат, а башка-то у меня в потолок смотрит, а на потолке люстра висит, а на ней шесть лампочек. Из них пять потухшие, а шестая мне моргает. Я, значит, хрясь! Тудэм-сюдэм — и ни болта не получается!

— А че должно было получиться-то? — спросил Мишаня.

— Да ничего не получается и все! — всплеснул руками, как от удара током, Сергуня. — Но минуты через две отпустило. Пойду, думаю, девкам расскажу, раз они еще не спят. Выхожу в коридор, на кухне свет горит, но дверь стеклянная закрыта, силуэты только вижу, а в коридоре... — Сергуня сделал многозначительную паузу, — а в коридоре... я стою!..

Мишаня в этот момент хрюкнул в дверном проеме, Колюня о чем-то серьезно задумался, явно вспоминая что-то из своего опыта, Филатыч встал и начал застегивать штаны, закончив свою процедуру.

Сергуня продолжил, взор при этом у него был огненный, руки лихорадило, явно было видно, что стресс, пережитый им накануне, еще не прошел.

— Я, значит, пыгаюсь к себе подойти, а он, то есть я, себя к себе не допускаю... — и вновь сделал многозначительную паузу. — Я говорю: Серега, ты че, это же я! А он, короче, то есть я, — бац, и рассосался в облаке, и исчез. Я на кухню забегаю, девкам говорю: вы че охренели, вообще, из-за своего шампанского не следите, че в квартире делается?

— А чего делается? — сеструха жены меня спрашивает.

— Вы че, говорю, не видите, что в коридоре я стоял? Жена спрашивает меня: и че? А потом пригляделся, смотрю — а вместо жены чертиха сидит и рожи корчит, вот так. При этом Сергуня начал показывать рожи, вытягивать в трубочку губы, косить и моргать глазами, чтобы передать увиденный им ужас.

Мишаня и Колюня зашлись хохотом, а Филатыч лишь улыбнулся, попивая заваренный чай, увидев какие хари корчит Сергуня.

— Ну, короче я понял, что разговаривать с ними бесполезно и спать пошел, — резюмировал Сергуня.

— У меня другая шняга была, — сказал Колюня. — Я однажды неделю пил, так мне казалось, что у меня в ванной пять узбеков плов готовят. Я в ванную захожу — никого, а как выйду из нее, так они опять там вавакать начинают, крышками грохотать. Так три часа подряд заходил, никого из узбеков не словил, потом говорю им: черт с вами, готовьте, только посуду чтоб помыли потом. Вот после этого я закодировался и зашился одновременно.

— Да, теперь хоть разводись, чертиха в доме живет! — сев на стул и нервно закурив, сказал Сергуня.

— Ладно, пошли уже, — подгонял Колюню Мишаня, которому хотелось быстрее докоцать чекушку, которая таилась в тени коридора, перед тем, как пойти по вызову.

— Ладно, Филатыч, мы пошли, — сказал Колюня и напомнил мелкий косячок Сергуне. — Ты, кстати, вчера в сороковом доме два подвала проверил, а еще два бросил, смотри, если кого затопит, стрелки на тебя переведут, — и пошел на выход за Мишаней.

— Да это я шас, — крикнул вдогонку Сергуня. — Слышь, Колян, — остановил он товарища по службе на выходе, — а если мне с этим рассказом на сцене перед зрителями выступить, пусть знают, как оно в жизни бывает, а?

— Ну, со сцены, боюсь, ты в смирительной рубахе сойдешь под аплодисменты и присмотром специалистов медицинского корпуса.

В комнате повисло молчание. Филатыч допивал чай перед началом обхода территории, Сергуня докуривал сигарету перед исправлением вчерашнего косяка.

— Да, Филатыч, врагу такого не пожелаешь, чтобы себя самого в коридоре увидеть! — вполголоса произнес Серега.

— А у тебя коленки не болят? — обескуражил вопросом Филатыч Сергуню, впавшего ненадолго в прострацию. Сергуня, несколько ошеломленный, кратко отрезал:

— Не, пока не болят.

После недолгой паузы, выходя из душегубки, Филатыч вспомнил:

— Точно, ты ж в Морфлоте служил, вам там прыгать негде и некуда. А об воду убьешься, только если с самолета или вертолета прыгать. Эх-хе-хех! — протяжно вздыхая и поправляя штаны, пошел на обход.

Сергуня закурил еще одну, чтобы прокрутить в голове еще раз сюжет вчерашнего вечера и, докурив, пошел зарабатывать на хлеб насущный.

ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ СОНАТА

Эта история произошла с одним саксофонистом из Саратова.

Как известно, у человека, страдающего похмельем, все не так: то ключи от дома найти не может, то чай в посуду без заварки заваривает... А бывает, что организм этого человека не только не слушается, но и преподносит в самое неподходящее время неприятные сюрпризы.

Ехал он с утра и с великого похмела в троллейбусе. Ехать нужно было с одного конца города на другой. И вдруг, едва успев зайти, обнаружил в себе резкий неожиданный позыв сходить по-крупному (нередкий случай). Но обстоятельства не давали ему покинуть общественный транспорт: на репетицию опаздывает. Ни общественного туалета, ни лесополосы либо сквера поблизости, а главное: денег на проезд больше ни копейки, что не редкость для представителя интеллигенции.

Пару остановок путем невероятных усилий он сдерживал потуги коварного организма, мстящему своему хозяину за вчерашнее. Но интеллигенту не повезло: лихой водитель подрезает троллейбус, происходит резкое торможение, и, ухватившись за поручень, все силы наш герой потратил, чтоб не упасть, а об остальном на мгновение пришлось забыть.

И это случилось... Ситуацию уже конфузной даже не назовешь, а вот срамной в прямом смысле этого слова — запросто.

«Стою, — говорит, — и не могу даже хоть один вариант своего поведения смоделировать: бежать некуда, да и смысла нет, домой возвращаться — никак.

В общем — загадка сфинкса.

Гляжу: вокруг меня круг молчания, безгласности и легкого женского испуга образовался (и как они меня так

быстро среди всего троллейбуса вычислили?). Нет бы на такого же похмельного хрена с надписью на спине «ЖКХ № 4 гор. Саратов» подумать, он все же спец дерьма и пара? Нет же, обязательно интеллигентного человека нужно заподозрить. Ну, в общем, как бы ни относились к нашему народу с точки зрения того, что он близорук и несведущ во многих вопросах, но в случае с возмутителем спокойствия (то есть со мной) они угадали.

Самое страшное в таких ситуациях — затяжка по времени с реакцией извне.

Но молчание затянулось слишком надолго, реакций и рефлексий нет, и тут я понял: ДА ОНИ ЖЕ МНЕ СОЧУВСТВУЮТ!!! ОНИ ЖЕ ВСЕ ПОНЯЛИ И САМИ ЗА МЕНЯ ПЕРЕЖИВАЮТ. Я ГОРД ЗА ЭТУ СТРАНУ, КОТОРАЯ РОДИЛА И ВОСПИТАЛА ТАКИХ ПОРЯДОЧНЫХ, ПОНИМАЮЩИХ, ВХОДЯЩИХ В ПОЛОЖЕНИЕ ПАДШЕГО И УНИЖЕННОГО СОБСТВЕННЫМ КИШЕЧНИКОМ ЧЕЛОВЕКА. Человека с самой большой буквы, который искренне предан музыке и гордо несет звание интеллигента. Спасибо моей стране, которая бесплатно дала мне право получить среднее и высшее музыкальное образование, спасибо товарищам Брежневу, Андропову, Черненко, Горбачеву, Ельцину, Путину. Поймите меня правильно: это они привели наших граждан благодаря самому лучшему образованию в мире к такой степени понимания человеческой беды, что иначе как «милостью к падшему» не назовешь.

Я проехал одну остановку, народ молчит, заходят и выходят новые лица, и — молчание с их стороны. Плевать, что круг вокруг меня не сужается, что ж я, не понимаю — ушел вглубь троллейбуса. Я ехал шесть остановок и возторгался этим молчанием, мне хотелось заплодировать самым лучшим пассажирам в мире, мне хотелось их всех расцеловать, хотелось сыграть им на саксофоне золотой фонд джаза.

Но вот пришло время и мне выходить. Я заранее подошел к выходу, с чувством нестерпимой благодарности оглядел всех присутствующих в троллейбусе, хотел крикнуть им: «Спасибо, граждане!» — но не стал отвлекать людей от мыслей и, подъехав к своей остановке, стал не торопясь спускаться по ступенькам троллейбуса (чтобы не растряс-ти). И вдруг услышал сзади себя быстрые шаги (подумал, что кто-то проспал остановку). И когда я чинно, даже можно сказать, парадно миновал вторую ступень, вдруг ощутил резкий и сильный удар по мягкому на моем мягком месте. Парад сменился полетом в лужу, после чего уже я был обделан с ботинок по самый нос. Только лысина блестела как никогда на фоне всего остального. Встав на карачки, не выходя из лужи, я оглянулся поглядеть на автора «моего финального аккорда троллейбусной сонаты». В задней двери на ступеньках стоял памятник (в смысле, до сих пор помню) работнику ЖКХ №4 гор. Саратов. Вот уж истинно человек сработал по специальности.

Весь мой экстаз по поводу совершенства и милосердия нашего общества был поколеблен выходкой наверняка необразованного коммунальщика. Я шел в консерваторию и плакал, что не всех еще наше государство вогнало в упряжку просвещения, которое и должно приводить к милосердию.

Зачем я, интеллигентный человек, пять лет учился в консерватории, получал даже международные премии, годами совершенствовал мастерство? Чтобы какой-нибудь сантехник пнул тонкость, ранимость и изящество моей природы? Нет, господа, не все у нас по христианским законам живут: все эти безбожники, которые нами правили, убили во многих индивидах христианский подход к людям.

На репетицию, кстати, в тот день я так и не попал».

ДВОРОВЫЙ ХИТРЕЦ

(эпизод из жизни)

Этот случай произошел два года назад. Благодаря ему я еще раз убедился в остроумии и находчивости русского человека. Героем этой истории был мой сосед Степан Сергеевич, отличавшийся страстью ко всему русскому.

Он приехал в наш город лет двадцать назад откуда-то с Урала, из какого города — неизвестно. С первого появления поразил сограждан тем, что ходил в рубашке-распашонке, шитой красочным узором, на котором выделялись красные петухи, и играл на гармошке.

Он всегда передвигался с помощью костылей, которые ему вовсе не были нужны. Дело в том, что, переехав в город автомобилестроения Тольятти, он прочувствовал, что без машины здесь жить неприлично, и стал «косить под инвалида», чтобы ему выделили любую модель «инвалидки». Машину ему, конечно, выделили.

В один из летних вечеров он пригласил к себе в гараж товарища, вернее, тот сам пришел с двумя бутылками водки. Употребляя их содержимое, они вели «светские беседы». Но чувствуя, что водка сегодня не производит должного эффекта, мой сосед решил вместе вторую бутылку не распивать.

Чтобы прекрасный вечер не прошел впустую, Степан Сергеевич отважился на хитрость. Он незаметно для приятеля выкинул пустую бутылку в маленькое оконце гаража, а когда она с шумом раскололась, попросил его проверить, не шалят ли там пацаны.

Как только тот вышел, «хитрец нашего двора» закрыл изнутри дверь гаража и притаился со второй бутылкой. Убедившись, что ничего особенного не происходит, обманутый товарищ вернулся на прежнее место, но дверь была заперта — ни «инвалида», ни бутылки не было.

Постояв минут пять, он решил, что его друг ушел домой, и отправился к нему на квартиру. Но, проходя мимо открытого окна гаража, вдруг услышал звук, напоминающий звяканье стакана о бутылку. Когда он для проверки заглянул туда, то увидел, что — о, ужас! — дружок допивает вторую половину бутылки, сидя на капоте машины и желая сам себе здоровья.

Не ожидая такого предательства, обиженный собутыльник влез головой в окно и начал требовать объяснений от Степана Сергеевича. Все свидетели этого действия, в том числе и я, сидевшие на лавочке около дома, ожидали концерта, который был в тот вечер крайне необходим, так как было очень скучно.

В завязавшемся диалоге оба оппонента парламентских выражений не употребляли, предпочитая им нецензурные. После предельного накала обстановки сидящий в гараже Степан Сергеевич воспользовался приемом одного из политических лидеров, плеснув водкой из стакана в лицо оппоненту, да и вдобавок стукнул его костылем по голове.

Раздосадованный Иван Матвеевич (как после выяснилось, его именно так и звали) успел ухватиться за костыль и вырвать его из рук хозяина. Он долго и настоятельно уговаривал инвалида выйти из гаража, но тот, понимая, что инвалидность может наступить в натуральном виде, не рисковал этого делать.

Когда Ивану Матвеевичу уговоры надоели, он стал бить костылем об угол гаража и кричать: «Наливай, на ..., козел!» Эту фразу, впоследствии ставшую афоризмом среди дворового сообщества, он повторял в течение пятнадцати минут, не щадя ни нервов, ни голоса, одновременно выбивая дробь костылем.

Степан Сергеевич, для которого костыли были хлебом его жизни, сильно переживал за них, но выйти побоялся, а стал канючить, что один костыль стоит двести тысяч, а если

он его лишится, то попадет в сложную ситуацию. Но увещевания были безрезультатны.

С досады он схватил лежащую в машине гармонь и стал играть и громко петь:

— Раскудрявый, клен зеленый, лист резной... горишь, бубновый... — слова песни у него были переделанные.

— Сейчас ты у меня заоришь! — закричал Иван Матвеевич, угрожая сжечь его вместе с костылями в гараже.

Степан Сергеевич намекнул ему, что дело это уголовное и слишком дорого ему будет стоить. Поняв бесперспективность поджога, Иван Матвеевич принялся доламывать костыль об угол гаража. Как у Степана Сергеевича сердце кровью ни обливалось, он не решился выйти на защиту своего костыля. От безысходности он выкинул бутылку с оставшейся водкой, чтобы успокоить агрессивно настроенного товарища.

Иван Матвеевич водку выпил и громко сказал в окно:

— Я тебя еще встречу на днях!

— Боже упаси! — раздалось из гаража.

— Я еще не последний день живу...

— К сожалению, — съязвил Степан Сергеевич.

— Ну, ладно, я пошел, до скорой встречи!

— Нет, уж лучше — прощайте!

Подождав, когда его товарищ окончательно скроется за пределами двора, Степан Сергеевич вышел из своего заточения. На земле сиротливо валялся разломленный на две половинки костыль. Сплюнув, Степан Сергеевич пошел за очередной бутылкой.

После этого случая он ушел в долгий запой, пропив за неделю все, что было, включая гармонь.

ПИСЬМО ПСИХИАТОРУ

Категорическое заявление:

Заместителю Главы Администрации
Л.Ю. Рябиной,
а так же психиатру Загребаеву (пусть знает!).
Адреса указаны в конвертах.
От Куликовой Ольги Павловны — писательницы,
рационализатора, инвалида без ноги, без коляски,
без телефона, без домработницы.

Возможно, я не получила ответ на свой запрос... я писала Вам, чтобы вы пришли и забрали у меня рукопись, то что я отобрала — там примерно 1/5 часть из всего для издания.

В квартире часто торчит зять Шилов Сергей Петрович. Я с 11.00 до 14.00 могу быть на балконе, когда + 30, балкон, где клен. А так, звоните и стучите долго, так как, возможно, буду принимать «Прелакс» (слабительное).

Отправляю Вам шуточные куплеты для детей (в самом конце). Кстати, я лауреат 9-ти нобелевских премий по литературе. За мной уже следят 4 машины времени — перехватывают. А раньше следил психиатр Загребаев, который одну из нобелевских премий у меня и выкрал. И принесите лично мне в руки то, что у меня где-то когда-то издали, возможно в г. Екатеринбурге, в средне-уральском печатном издании — я туда отсылала через почтальона Валю из 47-го почтового отделения.

Для дочки нужна срочно 2-х комнатная квартира на троих, иначе они меня хотят убить. Дочь все время кашляет-одевается легко, а зять матерится, — пьянствуют.

Мои гипотезы:

1 мая по каналу «Экспресс» в 21 час шел сериал «Назад в будущее 3». Там гениальный профессор Браун летал на машине времени в 1955 год с пареньком. Потом паренек возвращается в 1985-й, а его машину разносит тепловоз. Он встречает там свою девушку, но на рельсах неожиданно едет летающий тепловоз. Оттуда выходит профессор Браун и двое его детей с матерью — учительницей по астрономии. Потом сели все в эту махину и рванули в космос — а ведь для этого нужно радиоактивное топливо с плутонием и стронцием, на бензине космическую скорость не разовьешь. Но тут вопрос: действительно ли они в прошлое улетели а не к нам в наши дни?

Дело в том, что я, Куликова, живу уже 26 лет на Минской 16, а напротив меня — общежитие: дворники, слесаря, и тополь. И очень часто вижу, как мимо тополя проходит женщина Клара, жена профессора Брауна (она, конечно, уже не то — постарела, но сексуальная). Значит, и профессор Браун где-то здесь живет и держит где-то рядом машину времени, так как я часто слышу аномальные сильные вибрации. Кстати, он тоже сексуальный и неоднократно приходил на 2-й этаж в моем подъезде к паспортистке Вере.

Итак, у меня перехвачено 9 нобелевских премий по литературе, меня кто-то закодировал на запоры и энурез — скорее всего, это был Цезарь из прошлого, он забирал мои рукописи, нес на подшипниковый завод, и там все машинистки перепечатывали мои стихи, частушки, куплеты.

Однажды в ДК завода на концерте они вполголоса произносили их.

С завода, кстати, инженер Виктор Молчанов тоже пытался создать машину времени, но у него не получилось — теперь работает дворником.

Я, кстати, дочь маршала Жукова от актрисы Кедринной. У меня еще был сводный брат капитан Андреев, мы с ним познакомились, когда он сидел на железнодорожных путях.

Голубоглазый-сексуальный. Потом он улетел в тундру добывать хрустали. Но я ему не изменяла ни разу — и в мыслях не было! Вот именно когда он там был, до меня и не донесли одну из моих премий — ее нес психиатр Загребав в рюкзаке, но ему на пути на лестничную клетку бросили удава, и не получилось. Дело-то громкое было, помните? По каналу «Экспресс» показывали сюжет. Потом этот желтый питон ушел на свалку. Профессор Браун, возможно, тоже выкрал у меня одну из премий, чтобы отремонтировать свой летающий паровоз. Он кстати часто стоял под моими окнами, а рядом — «Камаз» «на шухере».

В общем, пусть срочно выдадут моей дочери ключи от двухкомнатной квартиры, Куликовой Наталье Романовне 1971 г.р., и ее зятю, алкашу Шилову Сергею Петровичу, и внуку (скоро в школу идет). Они меня, лауреата 9-ти премий, со света сживают.

Ну, а теперь стихи, которые я направила в нобелевский комитет.

Шуточные куплеты для детей:

Зайки-зайки на лужайке,
А собачки ходят в стайке,
Коты-котики-коты,
Что разинули-то рты?
.....
По тропинке лось несется,
Вслед ему лиса смеется,
Белый, белый, белый котик,
Показал бы маме ротик?
.....
Дятел-дятел так простужен,
Сизый голубь нам не нужен!
Быстро ласточки летают,
Ничего не понимают.

.....
Рыжий котик заметался,
А куда же ты девался?
На дубочке ворон смолк,
По дороге идет волк.

.....
Серый, ну-ка пошел вон!
Может, хочешь самогон?
Вот у ежика колючка!
На столе стоит шипучка.

.....
У совы большой оклад,
Охраняет ночью склад.

От Куликовой Ольги Павловны — писательницы,
рационализатора, инвалида без ноги, без коляски,
без телефона, без домработницы.

ПИСЬМО ГРАЖДАНКИ ЛАДКОВОЙ № 1

Начальнику по несовершеннолетнию Центрального
РУВД г. Тольятти майору мелицции Волковой С.В.
Жалобное заявление в двух экземпляров

Прошу принять строгие меры с Колпаковой Валентиной в возрасте семнадцатый год, проживающи в Общежитие Победа 14 и с Оленёвым Виталием, проживающи Победы 16 за применение хулиганских поступок.

13-09-04 в 20-15 встречу моего окна вертелась группа из семь человек — 5 мальчишек и две девушки. Из мальчишек которые я знаю младший сын Сергей Дюдюкин, проживающи в моем подъезде Победа 12 секция 2 кв 3 а 3 мальчишек не знаю где проживают, в таком же возрасте как и Дюдюкин Колпакова Валентина семнадцатый год, второй лет не знаю где проживает. Они семи человек метались встречу моего окна, принагнулась шила наволочку, в этот момент когда я принагнулась сильно зазвенела стекло. Я приподнялась, оглядела самое большое стекло пробитое у меня на втором этаже, а они все гурьбой пробежали к общежитию Победа 14 к торцу левой стороны. Я в форточку крикнула ты что делаешь, ты выбила стекло, они все сильно да принагнулись заржали 6 встали в сторону вмят, а Колпакова издалека торца левой стороны Победа 14 стала безотрывно стрелять в окно, во многих местах общежитие расстреляла изрешетила окно общежитие.

Я вышла еще раз Вали крикнула что делаешь бьешь стекла, я завтра обжаловаю в мелиццию, а они все обратно да пригнулись, рассмеялись, а я тут же пошла к Валенным родителям.

Ну и что в семье от родителей воспитание и запрету нету? Я на Валю к Вам с жалобой неоднократно обраща-

лась за поступки хулиганства по нашему дому, ни вы ни родители с Вале́й меры непринимаете. Я с жалобами мать не разу дома не заставала, всегда отец бывает дома, а отец жалобы всегда невыслушивает чем занимается Валя.

Отец как всегда откроет дверь только что станишь говорить, он не слушает отталкивает от двери и захлопывает дверь. Так же и 13-09-04 на мой стук отец был сильный пьяный, я только стала говорить, отец оттолкнул меня в дверь и пхнул на пол. Я рассказала вахтеру присутствие народа, а когда я возвращалась из общежития от Валиных родителей, они всей гурьбой в ожидание меня вертелись встречь моего подъезда.

Пистолет они спрятали, Оленёв Виталий меня сильно пиннул, они все были пьяные, а Колпакова меня пинала до сих пор пока я зашла в подъезд а Дюдюкин у них всегда как главнокомандующий.

Прошу посмотреть мое окно вставить из пенсии будет недешево, в общежитие то вставит организация.

И принять меры с Вале́й и Виталием за то что меня пожилого человека не за что пинали, и сделать строгий запрет Вали и Виталию находится в нашем подъезде, их друзья Соколовы уехали из города, друзей теперь в нашем подъезде нет, но Валя и Виталий как всегда с посторонними друзьями сходятся как в ночной клуб.

/Подпись/ Ладкова

ПИСЬМО ГРАЖДАНКИ ЛАДКОВОЙ № 2

Дежурному по УВД
Центрального района г. Тольятти
Жалоба

От Ладковой Клавдии Андреевны прож Победы 12 2/2

Прошу привлечь к уголовной ответственности группу молодежи за распитие спиртного в общественном месте, за избитие меня, и за то что разбили полностью стекло окна большова звена. Была так: вчера т.е. 15-03-05 собрались группа молодежи из соседского дома общежития Победы 14 в возрасте от 15 до 18 в составе 8 человек.

Решили повеселиться за распитием спиртного в жилом доме Победа 12 на площадке 2 этажа, 1 подъезда. Распивать спиртное начали в 6 часов. Уселись культурно — бутылки из под лимоната затаринные белой водкой, и стеклянные бутылки с водкой расставили на подоконники, у всех в руках были пластмассовые стаканчики, кто на корточках кто на подоконники культурно, невозможно было жителям пройти. Я мимо проходила попросила посторониться, проход то они мне дали, но один парень показал мне скрозь брюк свой член, а другой стал изо всех сил свистать на весь подъезд. Я пошла сразу в опорный пункт там был приемный день. На опорный пункт дверь как всегда снутря закрытая. Я заглянула в окно есть ли кто, на месте был участковый Винилов и еще двое, один из которых всегда как бомж. Третий вышел и стал оправдываться не допуская меня на прием к Винилову, на что я ему сказала, что с первых слов Дорофеева уволили 10 лет назад был до вас, вы ведь не из таких как он, на что Винилов захлопнул фортку и исчез, а помощник хотел меня тем успокоить мол иди домой мы сейчас придем, всегда обманывают никогда не приходят. Я минут

20 постояла возле ждала пока из милиции пойдут, чтобы пойти вместе разгонять пьющих из подъезда.

И с этим я ушла, а пьющая компания все подтаскивала спиртное продолжая веселиться. Я решила еще за помощью обратиться в опорный пункт, а Винилов и два помощника, продолжали сидеть под закрытой дверью. Я обратно стала стучать в окно, участее в мою жизнь привлечь, а участковый Винилов махал мне в окно.

Я заявила что компания культурно продолжает подносить спиртное в подъезд веселиться и что время уже сидимой час пошел. Тогда Винилов открыл дверь, и как только я вошла, он сразу же с порога, я от участкового уже не первый раз такое слышу: ты давно была в психушке, я сейчас отправлю, а третий помощник встал, и за плеча стал меня выкидывать из опорного пункта. Я кричала что обжаловаю данные действия во все инстанции, и укажу президенту, что на выборы мэра мы больше не пойдем, смотрите годами в нашем подъезде порядок навести не могут.

А добрый участковый Винилов на это сказал мне как пацан фик, а тот который как бомж фак ю — большой палец между двух других. Это хулиганство в опорном пункте.

Все-таки я уговорила, после чего со мной в подъезд пошел бомж с дубинкой и рацией. Когда мы подходили к подъезду, две девушки из их компании пошли в туалет на стадион. Мне указали идти в квартиру, и сейчас без меня разберутся. Я же закрыла дверь в секцию, а в квартиру не пошла, а да принагнулась послушать, а бомж сказал им — зачем обижаете красную шапочку, и нет ли у них закурить и сотового телефона позвонить жене. Взяв сотовый он заказал жене купить рыбки соленой и что-нибудь от желудка, потому что вечером в гости придет старший брат, и в конце заявил, что когда еще выйдет дурра, это он наверное про меня, чтобы они бухали на стадионе. Компания с бомжом вышли из подъезда, а Колпакова, вернувшаяся с туалета

та всей компанией принялась меня избивать пинками, а тот который свистал в подъезде, избивал меня кулаками по голове и где попадя.

Я метнулась бежать домой, меня нагнали возле своей двери, и самый старший с них свистанул мне в ухо, и метался свистая вокруг меня, пока я откупоривала свою дверь. А потом кто-то пинком сгубил мне левую руку.

Запершись в квартире, я только что зазанавесила шторку, как раздался звон моего стекла, я да принагнулась и выглянула, а они вряд культурно побежали пьяными к подъезду, выжидаячи меня когда я выду. Но я не решилась, соседи мне телефоны не дали, и я не дозвонилась ни до одной милиции.

Прошу всех за бандитизм привлечь к уголовной ответственности, на окно составить акт. Где из восьми двое живут я знаю, расскажу при тайной встречи а если компания вместе пьют, они знают остальных.

А за действия милиции обжаловаю сплошь до Жириновского.

16-03-05 Ладкова /подпись/

ЛЕШКА

Социальный ужас в одном действии

ЛЕШКА

Социальный ужас в одном действии

Действующие лица:

ЛЕШКА, кудрявый молодой человек двадцати четырех лет.

ТОЛЯН, хозяин квартиры, лет сорока пяти.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ, сослуживец Лешки, тридцать шесть лет.

БУРОВ, начальник Лешки, лет сорок пять.

ГРИША, товарищ Лешки, его ровесник.

ТАДЖИК, тридцать лет.

ЗАКУПЩИК, около тридцати лет.

ОЛЬКА, девушка лет двадцати.

ЭЛЕКТРОПОП, мужчина лет сорока пяти.

ЧУВИХА В ЧЕРНОМ, мрачная особа, на вид не более тридцати лет.

ДЖЕНТЛЬМЕН, респектабельный шестидесятилетний мужчина.

Действие происходит в однокомнатной квартире Толяна.

Справа стоит кровать, на ней спит худощавый взрослый мужчина (возрастом не старше пятидесяти лет). Под столом возле кресла спит молодой парень.

Стол загроможден следами застолья, грязной посудой. Повсюду разбросаны окурки. Квартира выдает неприятность хозяина.

Спустя некоторое время начинается пробуждение. Сначала подает признаки жизни взрослый мужчина, Толян. Он медленно поднимается с кровати, трет глаза, потом быстро смотрит на часы в простеньком сотовом телефоне. Затем заглядывает в тумбочку рядом со сво-

ей кроватью и, ничего там не обнаружив, встает на ноги и потягивается, поднимая руки к потолку. Когда он поднимается, зрителю сквозь майку-алкоголичку становится видно, что пальцы, колени, плечи, грудь персонажа исколоты татуировками — явно бывший зек. Толян неторопливо включает телевизор, где по музыкальному каналу звучит песня Naughty Boy and Sam Smith «La-la-la», которая будет звучать рефреном в течение всего действия. Мужчина взглянул на лежащего под столом молодого человека и ушел в туалет. Стало слышно, как льется из крана вода. Тем временем проснулся молодой человек — Лешка. Судорожно осматриваясь, он пытается найти свои вещи, но кроме трусов, которые и так были на нем, ничего найти не получается. Лешка выглядывает на улицу, пытаясь понять, где он находится. В это время из туалета выходит татуированный мужик.

ЛЕШКА (спокойно). Здравствуйте.

ТОЛЯН. Здорово, Алексей. А я дядя Толя, если че.

(Лешке неприятно, что он не знал, как зовут человека рядом).

ЛЕШКА. А сколько сейчас времени?

ТОЛЯН. Полдесятого утра.

ЛЕШКА. А туалет где? Можно?

ТОЛЯН (кивает в направлении туалета). А че нет-то?

Лешка уходит в туалет, оснащенный маленькой ванной, раковиной, маленьким ведром, двумя полотенцами на стене и стиральной машинкой малюткой.

ЛЕШКА (паникуя в ванной). Дурак, дурак, идиот, придурок, как ты сюда попал? (В зеркало). Ну, скажи, козел, как ты сюда попал?

Бьет себя кулаками по голове, начинает плакать, облокачивается на стиральную машинку, его трясет. Неожиданно он видит край штанины, открывает стиральную машинку и достает оттуда грязные милицейские штаны и рубашку с лейтенантскими погонами. Судорожно их надевает.

ЛЕШКА (в зеркало). Так, зубы целы, синяков нет, все нормуль, значит, не дрались. (*Выходит из ванной — Толяну*). Ну, извините, я пошел. (*Видит под столом фуражку, надевает ее, а из нее выпадает куча бычков и пепла, в результате чего молодой человек становится грязным*).

ТОЛЯН. Клоун, прям в таком виде пойдешь?

ЛЕШКА. Да уж, в таком не пойдешь... Как я вообще сюда попал?

ТОЛЯН. Это длинная история.

ЛЕШКА. Ну, расскажи, а то невозможно так... в неведении...

ТОЛЯН. Ну, слушай, стоишь ты вчера вечером с таким же как ты придурком в погонах у пивнухи, что рядом с кладбищем, в кустах. (*Сзади разыгрывается сценка, иллюстрирующая слова Толяна*). От народа, значит, затаились, водочку пивком запиваете, уже хорошие. Ну и прилегли потом на травке за кустами отдохнуть. Тот фраер проснулся от того, что рация у него орала на все кладбище, а у тебя сон видать молодой, здоровый, тебе вопли пох..., ну вот и свалил твой дружок. Я тему эту увидел, мимо проходя, и подошел... Интерес, конечно, был у меня, но ствола при тебе не было. Да ниче ваще не было у тебя, ну, думаю, спасти надо парня.

ЛЕШКА. Да, ствол я не получал, слава Богу! Ну, Величковский, ну, козел!

ТОЛЯН. Чковский — это тот, что с тобой был?

ЛЕШКА. Да, чмонский, блин....

ТОЛЯН. Ну вот, я и привел тебя на ночлег.

ЛЕШКА (*в испуге*). А моя рация? (*Щупает карманы*). А удостоверение?

ТОЛЯН. Эт извиняй — чего не было, того не было, это ты где-то раньше потерял.

ЛЕШКА (*хватаясь за голову*). Е-мое, сто процентов попрут меня из органов.

ТОЛЯН. Да ладно тебе, других работ что ли нет?

ЛЕШКА. С волчьим билетом попрут, трудовую в по-мойку выкинуть придется.

ТОЛЯН. Новую заведешь.

ЛЕШКА. А телефон мой?

ТОЛЯН. Это ты по дороге решил нового друга, дядю Толю, угостить водочкой. (*Указывает на бутылку*). Вот, кстати, она, еще есть, можно опохмелиться. И сдал ты телефон в ломбард. Полторы штуки дали, вот чек. (*Показывает на столе чек*).

Во время разговоров Толян постоянно поглядывает в окно.

ЛЕШКА. Е-мое, мне мать его за шесть штук купила, где мне деньги взять его выкупить?

ТОЛЯН. Прояви милицейскую смекалку, а я пока побольшому.

Уходит в туалет, задергивает от зрителей шторку, за которой ничего не видно.

ЛЕШКА (*отряхивая остатки пепла*). Блин, че же делать? (*Видит телефон Толяна, берет его*). Гриша, Гриша, дружище, блин, какой же номер у тебя, вспомнить бы... Как же мы прикалывались, у кого номер поэтичней? 132-14-07.

(Распевчато вспоминает, пытается прочесть поэтично номер). Точно, вроде этот! (Набирает, ждет). Алло, Гриша? Братан, Гришаня, спаси меня, приди срочно на адрес, принеси какую-нибудь одежду переодеться. Да не спрашивай зачем, прошу тебя... Адрес? Блин, адрес-адрес... шас посмотрю. (Выглядывает в окно). Так — дом, напротив магазина «Алмаз», точно — улица Володарского. (Себе). Участок Величковского, так... дом, где огнестрел был, авторитета полгода назад замочили... громкое же дело было... Во — Володарского, 15! Точно, Гришаня, (шепотом) Володарского 15, подъезд точно угловой, последний, значит, не первый. Этаж — третий или четвертый, не выше (ориентируясь). Так... подъезд с этой стороны, значит, как выйдешь из лифта — направо квартира. Ниче не спрашивай, говорю, меня. Жду одежду... неси... быстро... (Поспешно кладет сотовый на место, в это время выходит Толян).

ТОЛЯН. Яйца вкрутую варить умеешь?

ЛЕШКА. Че там уметь-то?

ТОЛЯН. Иди, свари, не в обиду, я пока стол приберу и водки разолью остатки, дел, блин, сегодня. *(Смотрит на часы в сотовом).*

ЛЕШКА. Ладно. *(Уходит на кухню).*

Толян убирается, при этом постоянно поглядывает в окно. Вдруг слышится тройной свист с улицы. Толян взглянул в окно, помахал свистящему, достал из тумбочки какие-то сверточки, кинул их в спичечный коробок и направился было к выходу, но передумал.

ТОЛЯН. Лех?

ЛЕШКА. А?

ТОЛЯН. Слушай, спички отнеси вон пацану, под деревом тоскует, и сигарет пару у него спроси, скажи, Толян попросил, тики-так?

ЛЕШКА. Ладно. *(Надевает туфли).*

ТОЛЯН *(надевает на него свою олимпийку)*. Ты людей не пугай своим видом, ментяра, хе-хе.

Лешка глупо хмыкнул и вышел на улицу. Там поджидал мужик в кепке, балахоне и катюшоне. Лешка подошел, отдал коробок, тот в ответ вручил ему деньги и собрался уходить.

ЛЕШКА. Слушай, Толян сигарет пару просил.

ЗАКУПЩИК *(заметив лампасы на штанах)*. Да ладно, братан, бери всю пачку!

Быстро уходит. Лешка возвращается в квартиру.

ЛЕШКА. Вот. *(Отдает пачку Толяну)*. Только он странный какой-то — ломанулсЯ ни с того ни с сего куда-то, всю пачку дал.

ТОЛЯН. Это вам, некурящим, хорошо, а мы, курящие, народ нервный. *(Садятся есть и допивать водку)*. Деньги-то где?

ЛЕШКА *(Достает из толяновой олимпийки)*. А, вот...

Толян берет деньги, затем приносит из кухни кастрюлю с вареными яйцами. Одно яйцо кладет на диван, остальными закусывают водку. Едят молча, вдруг звонок. Толян осторожно подошел к двери, посмотрел в глазок и впустил в квартиру Таджикиа.

ТОЛЯН. Заходи.

ТАДЖИК *(не видя милицейских штанов Лешки)*. Слушай, Толян, ну сделай уже мне штампа, а то менты задрали уже, третий раз прихожу, пятьсот руплей тепе там, пивка пить путешь, а?

ТОЛЯН. Давай. Ша сделаю, тут надо, чтобы руки не тряслись, сегодня вроде ниче — без трясунов, а те два раза никак, но за качество не ручаюсь.

ТАДЖИК. Та мне пильвать, лишь бы че-нить написана была, а то менты задрали уже.

Толян достает из шкафа уксус и флакон туши, очищает яйцо, смачивает яйцо в уксусе и начинает тушью по линейке что-то рисовать на яйце. Лешка смотрит с любопытством и легким испугом. Толян достает какой-то бланк и прокатывает яйцо по бланку.

ТОЛЯН. Во! Лех, оцени работу!

ЛЕШКА. А где ты эти бланки взял? Либо родные, либо очень хорошая подделка. Штамп, конечно, туфта, ночью мож и отмажется, но днем видно, что неровности. *(Таджик смотрит заинтересованно).*

ТОЛЯН *(таджику)*. Без неровностей такая ксива штук пять стоит! Так что бери и не парься, умей договариваться, вопросы решать. *(Передразнивая Таджики)*. Пятьсот руплей тавай.

ТАДЖИК *(дает деньги)*. На, Толян, а прата к тепе можно прислать?

ТОЛЯН. Только через окно свисти, в три свистка, либо по телефону, номер ты знаешь. Сразу в дверь не долбись, понятно?

ТАДЖИК. Панятно, пака, пивка пей *(Смеется)*.

ТОЛЯН *(закрывая дверь)*. Во дебилы черножопые — не надоедает им бабки раскидывать налево-направо? Проще настоящую прописку уже сделать. *(Смотрит, как Лешка стоит с яйцом в руке и разглядывает его)*.

ЛЕШКА. Я понял — сейчас здесь произошло преступление, подделка документов, стоять на месте! *(Смотрит на яйцо)*. Это вещдок, сейчас я вызову наряд. *(Берет яйцо в кулак и держит)*.

Толян подходит спокойно к Лешке и своей рукой раздавливает яйцо в руке Лешки. Молодой человек пытается бороться с Толяном.

ТОЛЯН. Угомонись!

ЛЕШКА (*борясь*). Это преступление!

ТОЛЯН (*отталкивая Лешку*). Затухни!

ЛЕШКА (*пытаясь схватить удобней Толяна*). Я офицер милиции!

ТОЛЯН (*резко прижимая Лешку к стене*). Ты, сраный офицер, ты осознаешь, что сейчас дозу наркоты продал, ты барыга, ты не только по пьяни ксиву и рацию потерял, ты еще и наркоту продал, и я молчать не буду, так что утухни!

ЛЕШКА (*хватаясь за голову*). Ой, е-мое!

Пауза.

ЛЕШКА. Все, я домой.

ТОЛЯН. Вали! Я пойду переоденусь, а то майку ты порвал, фраер, мне. (*Уходит за шкаф*). А у тебя мать-то кем работает? Тоже, небось, в ментуре? У ментов дети все отморозки, как правило.

ЛЕШКА (*сидя в кресле, чуть не плача*). Нет, учительница. Мечтала, чтобы я музыкантом был, а я, идиот, брутальности хотел — в школу милиции поперся на свою голову.

ТОЛЯН (*переодев майку, вышел из-за шкафа*). И у меня учительница мамаша была. Умерла во время моей второй пятилетки.

ЛЕШКА. А за что пятилетки-то?

ТОЛЯН (*указывая на свои татуировки*). А ты че — читать не умеешь что ли?

ЛЕШКА. Да по куполам только количество ходок, а статьи так пока прочитывать по перстням не научился.

ТОЛЯН (*разливая остатки водки*). Ничего, жизнь длинная, выучишься еще, ну, давай — по последней.

Лешка мечется вдоль окна. Стучит кулаками по подоконнику. Неожиданно он кого-то видит на улице и с надеждой и радостью открывает окно. Толян в это время копается за стенкой у тумбочки.

ЛЕШКА (*кричит*). Величковский! Величковский-иний!

ТОЛЯН (*с возмущением*). Ты че, щегол?

ЛЕШКА. Женек! Иди сюда! Это я — Леха! Какая здесь квартира?

ТОЛЯН. Хорош окна палить, сблюй с экрана! (*Пытается оттолкнуть Лешку и закрыть окно*).

ЛЕШКА. Да отвяжись! (*Заламывает руку Толяну боковым приемом и бросает его на диван*).

ТОЛЯН. Ну, падла! (*Откуда-то из дивана достает финку*).

ЛЕШКА (*хватает фуражку и машет ей в окно*). Сюда, иди срочно сюда! Да-да это я. (С радостью). Узнал, ну, чудила... хоть узнал... Не зря ты мент, зрительная память хоть есть. (*Оглядывается. Толян стоит твердо с финкой в руке*).

ТОЛЯН. Ты меня, козел, сдать решил!

Леха (*в испуге, но твердо*). Мне узнать надо, че там на работе... Ты сам знаешь... Я уже по уши в дерьме, можешь не париться.

ТОЛЯН. Ну смотри — пикнешь че, либо кирдык тебе, либо тюряга, что в твоём случае хуже... (*пауза, после уже в добром расположении*). Слушай, а ствол у него есть? Я б

купил у него, за хорошее бабло, ему все равно выше строга-ча не светит, зарплат двадцать разом заработает, ммм?

ЛЕШКА. Нет у него ствола. Полгода как нет.

ТОЛЯН. Это почему? *(Закуривает)*.

ЛЕШКА. Да он тоже, из наших *(бьет себя по горлу)*.

Была у него баба-алкашка на участке. Молодая, лет 35. Муженек у нее был... *(На заднем плане разыгрывается картина, иллюстрирующая рассказ Лешки)*. Заваливается он к ней как-то по весне. Муженька, такого же алкаша, наградил двумя сотнями рублей на пропой и подзатыльником, а сам три дня с жenuшкой его кувыркается и пьет. Муженек-то безропотный. У него уж не стоит, жена как собу тыльница только нужна, да и УДО-шник он, на одном протоколе «висит» — еще один протокол — и назад на зону уедет. Ну, муженек где-то пьет, Женек жену его дерет и тоже пьет, на работу не ходит — типа, на больничный неожиданно свалил *(тетка у него в больнице трудится)*, а ночью на третий день благоверный алкашки возвращается, ключи-то у него от хаты есть. Входит в хату и видит — штаны ментовские висят с кобурой, а в ней пистолет табельный и обойма с ним. Ну и решил он с пистолетом до рынка прогуляться, к цыганам, они-то у него ствол и купили. Женек когда спохватился, уже и след простыл и пистолета, и цыгана. Увольнять не стали, так как и начальство увольнять надо за то, что алкашам стволы раздают. «Неполную служебку» вlepили. А он еще, к его радости, стукач отменный. Так что, хоть и косячник, а стукачи всем нужны.

ТОЛЯН. М-да уж, во менты! В случае кипиша огурцами что ли кидаться будете?

ЛЕШКА. Минуй нас чаша сия. Проблем больше от пальбы, чем пользы...

ТОЛЯН. Ну да, ну да...

ЛЕШКА *(смотрит в глазок двери)*. Ну, где же он, блин?

Звонок в дверь.

ТОЛЯН. Ну, смотри, щегол...

Леха открывает дверь сам, входит Величковский. Осматривается, ведет себя неуверенно, постоянно оглядывается. На нем погоны старшего лейтенанта, в руках две баклахи пива, целлофановый пакет, в котором опечатана ополовиненная бутылка водки, а так же папка с бумагами.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. А ты че тут делаешь?

ЛЕШКА. Да, долго объяснять... ты расскажи, че там на работе? Про меня че говорят?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Буров говорит: «Найдите этого мудака, где он гужбанит!» Домой к тебе ездил уже.

ЛЕШКА (*хватаясь за голову*). Е-моеееее! Бедная мать моя...

ТОЛЯН (*надевая олимпийку*). А вы, менты, все с баклахами пивными по городу в форме шастаете?

ЛЕШКА (*вопросительно Величковскому*). М-м?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Это кто?

ЛЕШКА. Да это Толян, нормальный мужик.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Че-то я слышал от оперов об этой квартире, или не об этой... Или просто в этом подъезде в разработке вроде у них? (*Толяна при этих словах перевернуло*).

ЛЕШКА. Хорош болтать, правда, ты ж, когда я тебя увидел на улице, без пива был?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Да, Таджики у лифта крутился, я у него за отсутствие регистрации пивка взял. Верней липа была какая-то при нем.

ЛЕШКА. И че, пить-то где будешь, на улице?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Да, здесь можно (*смотрит на Толяна*).

ТОЛЯН (*одобрительно*). Можно... (*идет за пивными кружками*).

ЛЕШКА. Как думаешь, мне отмазаться еще можно?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Строгачом, но еще, думаю, можно.

ТОЛЯН (*разливая пиво*). А ты у нас здесь участковый что ли?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ (*видя татуированные руки*). Ну, да...

ЛЕШКА (*прерывая*). Толян!

ТОЛЯН. Да ладно...

Пьют пиво.

ЛЕШКА. А это че? (*Показывает на опечатанный пакет с бутылкой водки*).

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Да, жмуров двух с утра на квартире нашли, в доме где аптека и банк... ну, знаешь. (*Леха кивает*). Не пойми с паленки отравились, не пойми передоз... Там и шприцы были...

ТОЛЯН. Во народ, жесь! Травит себя, здоровья не жалеют...

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Не говори... ну и эксперт, батл опечатал и забыл на квартире. Теперь мне в райотдел переть его надо.

ЛЕШКА. Небось, Арбуз эксперт-то был?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Ну, а кто ж у нас вещдоки теряет с похмелья-то? Только он — эксперт Арбузов.

ТОЛЯН. Беда у вас с дисциплиной.

Неожиданный скрип двери, в квартиру влетает Гаджик.

ТОЛЯН (*вскакивая с табуретки*). Э! Вы че двери не закрываете?

ТАДЖИК. Толян, тавай назад деньги, с твоя регистра-
ция меня менты задрали... (*Видит компанию за столом,
глупо смеется...*) Начальника, пятьсят руплей пери, пивка
пить путешь. (*Кладет полтинник на стол и уходит*).

ТОЛЯН (*вслед Таджики*). Дверь захлопни, нерусь!
(*Идет сам закрывать*). Оп-па, а ты еще кто?

Голос ГРИШИ. А Леха здесь?

ТОЛЯН (*Лешке*). Блин, ты делегации свои брось сюда
водить... да и сам вали отсюда уже...

ЛЕШКА. Сейчас переоденусь и пойдем. (*Видит у Гри-
ши в руках наполовину полную баклашку*). Это чего?

ГРИША. Да, в цехе Сергеич раз в месяц спирт прино-
сит, как раз сегодня завоз, я взял.

ТОЛЯН. Так давай, а то с этого пива ни в рыле, ни в
жопе...

Идет за рюмками.

ЛЕШКА. Да не, мы пойдем. (*Грише*). Ты переодеться
принес?

ГРИША. Да, вот спецовка есть, почти новая... (*Доста-
ет спецовку с надписью «Тяжмаш»*).

ТОЛЯН. Ладно, давай по одной, и валите! (*Разводит
спирт.*)

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Сльышьшь...

ТОЛЯН. Не слышь, а послушайте.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ (*Лешке*). Мож оформить его?

ТОЛЯН (*улыбаясь*). А, Лех, мож оформить меня?

ЛЕШКА. Успокойтесь оба! (*Разливая и подавая рюм-
ки*). Давайте!

Выпивают по одной.

*Толян включает телевизор, останавливает поиск пуль-
том на начале фильма «Ах, водевиль».*

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Тупой фильм.

ГРИША. Отстойный.

ЛЕШКА. Да ладно, нормальный, поют...

ТОЛЯН (*принося нехитрую закуску*). Ништяк... телок много...

Начинается музыкальный дивертисмент и движение в рапиде персонажей, где иллюстрируется, как они выпивают пятилитровку спирта, запивая все пивом. В конце включается финальная одноименная песня из фильма «Ах, водевиль», под которую Величковский, Гриша, Лешка, обнявшись и выстроившись в ряд, танцуют, горляня песню и задирая ноги как в «Мюзик-холле».

Толян, видя сие действо, ржет, катаясь на полу и снимая все на свой сотовый телефон. Танец заканчивается тем, что у Величковского заголосила рация.

РАЦИЯ. 815-й, выйти на связь! 815-й, почему не отвечаете?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ (*всем, испуганно и суетливо*). Тсс! Тихо! Палево! Тихо! Дайте ответу! (*Толяну*). Угомонись!

ТОЛЯН (*уползая в туалет*). Ой, обоссусь ща, эх и мусора... Во даете!

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. На связи!

Рация. Почему не отвечаете? Эксперт уже третий час вещдок ждет в райотделе, почему не доставляете?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. При обходе вверенного административного участка возникла необходимось проверки адреса, состоящего на спецучете.

В это время на заднем плане Толян сначала пытается вытнуть из баклашки, но она опустошена, и он вскрывает (чего никто не видит) пакет с вещдоком, и разливает по рюжкам.

Рация. Срочно заканчивайте свои проверки и несите вещдоки в райотдел, а то прокуратура завтра будет требовать результаты анализов, их еще успеть надо сделать.

На заднем плане трое выпивают вещдок.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Есть! Скоро будет! Тьфу, скоро буду!

Рация. Конец связи.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ (*видя у Толяна вскрытый пакет с вещдоками и пустую бутылку водки*). Твою мать, ты че делаешь? (*Вырывает пакет из руки Толяна*). Козел!

ТОЛЯН (*игриво*). За козла ответишь. Да, Лех?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Как я его теперь запаяю? И че я туда теперь налью?

ТОЛЯН. Вон, воды из крана налей...

ВЕЛИЧКОВСКИЙ (*в гневе уходит в ванную наливать воду, затем резко забирает со стола свою папку*). Ну, Леха, смотри, ищут тебя, завязывай. (*Уходит*).

ЛЕШКА. Е-мое, блин, че ты, Толян, наделал? Это ж сыкло, предатель, стукач. Он же заложит меня, как пить дать заложит.

ТОЛЯН (*осоловело, икая*). Пирог с котятами! Делов-то куча!

ГРИША (*заплетающимся языком*). И я пойду, а то обед че-то у меня затянулся.

ЛЕШКА. Спасибо Грих, спецовку я позже верну.

Гриша уходит, Лешка закрывает дверь.

Толян задремал. Лешка, недолго посидев, тоже засыпает. Начинается пьяно-бредовый номер под «танец с саблями» Хачатуряна. После номера просыпаются оба одновременно и говорят почти в один голос.

ЛЕШКА. Мама!

ТОЛЯН. Уй-е, выпить есть!?

ЛЕШКА (*глядя на стол и под стол*). Нету.

ТОЛЯН. Хреново-хреновато, мож отсюда че хапнем?
(*Кивает на тумбочку*).

ЛЕШКА. Не, это не моя тема.

Неожиданно Толян срывается с дивана в туалет, откуда слышно, как его рвет. После выходит.

ТОЛЯН. Позвони своему сослуживцу, скажи, от водяры жмуры окачурились — экспертиза не врет, я уж забыл, когда блевал в последний раз. А я б хапнул, травушки хотя бы. Ладно. Нравишься ты мне. (*Достает из шкафа рацию Лешки и его удостоверение*).

ЛЕШКА. Елы-палы, да они ж у тебя были, че ты молчал?

ТОЛЯН. А че я в сознанку-то на раз-два идти должен?

ЛЕШКА (*с радостью*). Ну, это дело справить надо, только, блин, у меня нет ниче.

ТОЛЯН (*взяв свой сотовый*). Не сцы, дядя Толя все твои проблемы решамбэ, но и ты дядю Толю не забудь при случае.

ЛЕШКА. Да о чем речь, Толян! (*Обнимает Толяна*).

ТОЛЯН. А у тебя погремуха в школе, небось, Пушкин была? (*Треплет Лешкины кудри*).

ЛЕШКА. Нет — Ленин. Он тоже в детстве с кудрявой головой, в валенках... и за ум.

ТОЛЯН. М-да уж, ум в тебе чувствуется. (*В шутку ищет выпить на столе и под столом*). Вста-вай Ле-нин, Вста-вай дет-ка, нас ждет пятилетка...

ЛЕШКА (*смеется*). Прикол — не слышал такого.

ТОЛЯН. Дядя Толя тебя не такому научит. (*Звонит*). Алле, Леля? Привет, Леля. Как дела? У тебя там тишина? А,

пчелка, кушать хоца? Ну, смотри, тема-то есть, только смотри, лавэ мне не неси, а неси водяры хорошей с закусью — праздник с Лехой у нас, и зайди в ломбард к Семену, выкупи у него мобилу, которую ему вчера мент пьяный загнал, ясно? Ну, все — тебя награждение здесь ждет, и мы в расчете. Тикитак?

ЛЕШКА. Это кто?

ТОЛЯН. Леля. *(Смотрит в сотовый)*. Блин, ко мне же человек серьезный ща придет. А ну, переодевайся быстро. Форму мусорскую запрячь куда-нибудь. Надо кресту сказать, что якорь менять пора — хату менять, а то меня твой Хреничковский на измену подсадил...

Леха переодевается, Толян убирается на скорую руку в квартире. Звонок в дверь.

ТОЛЯН. Тсс! Тихо! *(Смотрит в глазок)*. А, Леля! Заходи.

Заходит очень симпатичная, молоденькая, в супер мини-юбке и черных чулках девушка. Сзади за ней Чувиха в черном, на которую в течение действия никто не обращает внимания, с которой никто не общается, и которая сама ни с кем не общается, стоит у выхода.

ОЛЬКА. Здравствуйте, мальчишки, а я вот с подружками гуляю, и тоска нас такая берет, что хоть плачь.

ЛЕШКА *(с радостью)*. Отчего же столь прекрасной особе вдруг тоскливо?

ОЛЬКА. Жизнь такая. *(Помогает Толяну накрывать нехитрый стол)*.

ТОЛЯН. Выпей, Ольк, с нами. *(Разливает и раскладывает закусь)*.

ОЛЬКА. Да я ж не за этим. (*Достает из сумочки телефон Лешки*).

ЛЕШКА. Ба! Да это ж моя мобила! (*Радостно*). Все, Олька, я женюсь на Вас, немедленно, через неделю.

ОЛЬКА. Вы все только обещаете, вон, Толян тоже обещал.

ТОЛЯН. А ты меня из тюрьмы ждать обещаешь? Так я и поверю.

Идет за шкаф, приносит оттуда маленький сверточек и передает Ольке.

ЛЕШКА. А ты че, в тюрьму, что ли опять собрался?

ТОЛЯН (*разливая*). Не зарекаюсь, вздрогнули!

Выпивают.

ЛЕШКА. Разрешите пригласить Вас, Ольга на танец, прекрасная Ольга, чудесная Ольга, желанная моя...

ТОЛЯН включает музыкальный канал, Олька с Лешкой танцуют под попсовый медляк. Толян сидит, выпивает, курит и смотрит на танцующих. Лешка хватается за ягодицы Ольку и мнет ей грудь. Толян сидит спокойно, пока Лешка и Олька вдруг не начали целоваться. Деваха в черном молча, слегка улыбаясь, с интересом спорит на пару.

ТОЛЯН (*отрывая Ольку от Лешки*). Э-э! Хорош мне пацана портить!

ЛЕШКА. Дядь Толь, ну ты че!? Приревновал что ли?

ОЛЬКА. Толян вообще злой, ну, ладно, пошла я. (*Уходит вместе с девахой в черном*).

ЛЕШКА. Толян, ну че ты, ни себе ни людям, не дал мне удовольствие получить, мож я правда бы женился на красотулечке такой. Эх, ты вот жену бы такую...

ТОЛЯН. ВИЧ-инфицированную...

ЛЕШКА (*в испуге завис. После паузы*). Кто? Она?

ТОЛЯН. Угу.

ЛЕШКА (*хватаясь за голову*). Уй-е-мое, это как же попасть можно...

Убегает в туалет, начинает мыть руки, лицо с мылом, полоскать рот водкой.

ТОЛЯН (*сидя один в комнате, спокойно*). И попадаем...

Лешка возвращается, у него трясутся руки, быстро наливает и выпивает рюмку водки, не чокаясь с Толяном. Звонок в дверь.

ТОЛЯН. Кто там еще? (*Смотрит в глазок*). Опять эта шмара приперлась, для подружек своих теперь дозу клянчить будет — вечно у нее эта тема. (*Лезет на шкаф, оттуда достает сумку с расфасованными по брикетам наркотиками, один кладет на стол, идет открывать дверь*).

ТОЛЯН (*открывая дверь*). Оля, блин, я тебе сколько раз говорил, взяла свое, и иди, не клянчи больше...

В комнату врываются майор Буров, держащий за шею Ольку, и Величковский. Буров толкает Ольку, она валится на пол, следом на полу оказывается и Толян.

БУРОВ. Вот ты, фраер, где прячешься! Так я и думал, бухаешь! (*Увидев брикет на столе*). А это что за твою мать?! Таак, Величковский! Опергруппу срочно вызывай.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Есть! (*Достает рацию*).

Лнишка хватается за рацию Величковского, чтобы тот не успел ничего сказать, оба валятся на диван.

ТОЛЯН. Начальник, это не мое, это твоего фраера...

БУРОВ. Это вы в камере между собой разберетесь, где чье!

Пока Лешка борется с Величковским и заламывает ему руку, Буров достает пистолет. Толян стремительно хватается за ноги Бурова и валит его на пол, идет борьба. На помощь Толяну приходит Оляка, она пытается ударить Бурова сковородкой по голове, но майору удается выхватить сковородку из рук Ольки и бросить в стену, разбив при этом вдребезги торшер. Пистолет тем временем падает, и его поднимает Величковский, сумевший освободиться от Лешкиного захвата, стреляет в пол.

Пауза, молчание.

БУРОВ. Ты чего, придурок?! Я тебе стрелять приказывал?

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Товарищ майор, так на Вас же нападали.

БУРОВ. Ты за патрон как отчитываться будешь?

ТОЛЯН. Начальник, давай договоримся.

БУРОВ (*Лешке и Толяну*). Руки! А то я сейчас шмалять начну!

Толяна и Лешку заковывают в наручники, Оляка в это время убегает. Буров раскрывает сумку, и, посвистывая, любуется на товар в ней. В открытую дверь заходит серьезного вида Джентльмен.

ДЖЕНТЛЬМЕН. Здравствуйте, господа, а мне говорят, что-то неладное творится здесь.

ТОЛЯН (*ему*). Крест, гадам буду, беспредел творят нереальный — и своих, и чужих пакуют...

БУРОВ. А ты кто такой? (*Стоит с сумкой в руке*).

ДЖЕНТЛЬМЕН. Ну, мы с Вами заочно знакомы, насколько я понимаю, майор Буров... Валентин Сергеевич?

БУРОВ (*грозно и официально*). Что-то не припомню...

ДЖЕНТЛЬМЕН. А вы вспомните день рождения у Игоря Романовича Соломатина, царствие ему небесное, у Соломы... мы еще с Вами на брудершафт пили.

БУРОВ (*резко*). Сейчас это не имеет никакого значения.

ДЖЕНТЛЬМЕН. А я думаю, имеет, ведь стоимость данного товара, насколько вы понимаете, не на две понюшки. За пропажу такой суммы должен будет кто-то ответить, виновного мы найдем, а сейчас все зависит от Вас. (*Пауза*). И Вас мы найдем.

БУРОВ (*приватно*). Отойдем.

В комнате остались Величковский и Лешка с Толяном, скованные одними наручниками.

ЛЕШКА (*Величковскому*). Это ты, козел, сдал меня!

ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Иди ты. Я тебя предупреждал, ушел бы, и ничего бы не было, не нашли б тебя и успокоились.

ЛЕШКА. Гнида ты!

С кухни выходят Буров и Джентльмен, сумка в руках у второго.

БУРОВ. Завтра к восьми на работу, ниже строгача не рассчитывай, а может, и неполное служебное впяю... (*Величковскому*). Расстегивай их. (*Тот начинает открывать наручники*).

ДЖЕНТЛЬМЕН (*прерывая*). Не будьте чересчур строги к молодости, всего хорошего Вам, Валентин Сергеевич.

Буров и Величковский уходят, Джентльмен раскрытой ладонью бьет Толяна по лицу, тот отлетает к шкафу.

ДЖЕНТЛЬМЕН (*шипя — Толяну*). Сколько раз я тебя, козлину, предупреждал?! Завтра поговорим, ко мне приедешь, и очисти квартиру от посторонних, мы ее не затем снимаем, чтобы ты тут куражился... Устроил тут феодальные утехи — спалился хуже некуда! Будешь наказан. (*Уходит*).

ТОЛЯН. Ну, Крест! Ну, мужик! ВО КАК НАДО ПРОБЛЕМЫ РЕШАТЬ!

Закуривает и разливает водку по рюмкам.

ЛЕШКА (*в шоке*). Неужели опять пронесло? Ну, ваще...

ТОЛЯН. Да, фраерок, фарт на твоей стороне, а то в город Катаев бы оба ща на тыхтуне с вертуном отправились. А ты реально, харе уже как лебедь плавать... а то не отвертишься.

ЛЕШКА — Блин, матери надо позвонить, она уже наверное с ума сошла. У нее ж еще день рождения завтра! Емое! (*Набирает номер, ждет ответа. Толян на заднем плане сидит хмурый*).

Алло, мам! Привет, у меня все хорошо, я сейчас домой иду... где был-где был.., приду — расскажу. Знаю, что с работы звонили... не волнуйся, я уже с начальником договорился, не уволят... жди, скоро приду.

ТОЛЯН (*плача*). А мне вот и позвонить некому, а у меня тоже мамка была, хорошая, а я был мерзкий сын... уходи Леха, уходи, не могу я...

Лешка одевается у двери, Толян в это время достает из тумбочки деньги и несет их Лешке.

ТОЛЯН — На! Матери цветы купишь, день рождения — это святое... (*Вытирает слезы*).

ЛЕШКА — Ну, Толян! Ну, ты человек...

*Обнимает Толяна
Звонок в дверь. Оба вздрагивают.*

ТОЛЯН. Да е-мое, мне хату что ль спалить, чтобы никто мозг не конопатил, весь день как... (*Смотрит в глазок*). Тебе-то че надо? (*Открывает, входит маленький мужичонка*).

ЭЛЕКТРОПОП. Дядь Толь, помоги, а? Помираю, неделю в запое был, сейчас такие кошмары в голову лезут, что свет туши... Врач говорит это психоз, галлюцинации, последствия от пьянки, а денег нет на лечение, помоги.

ТОЛЯН (*сидя, и разливая*). На, водки выпей!

ЭЛЕКТРОПОП. Нельзя мне, у меня сердце слабое... Помоги, дай травки, меня хоть страхи отпустят.

ТОЛЯН. А когда бухал неделю, о сердце чего не думал?

ЭЛЕКТРОПОП. Когда пьешь, не замечаешь, где что болит, ну помоги, дядь Толь!

ТОЛЯН. Как ты нытьем меня своим достал уже! (*Лешке*). И вот так раз в две недели — из запоя в травку, из травки в запой! (*Электропопу*). Вали, розетку на кухне сделай, стиралку посмотри, заедает че-то, и провод на тройнике кто-то по пьянке перерезал, соедини. (*Достает из-под стола и отдает тройник*).

ЛЕШКА. А почему он Электропоп-то?

ТОЛЯН. Электриком в монастыре или в семинарии, что ли, работал... Поперли его оттуда, так как имеет пристрастие — дуже любит травушку вкушать вечерами.

ЛЕШКА. Каждому свое.

ТОЛЯН. Попробовать хочешь?

ЛЕШКА. Страшно...

ТОЛЯН. Пирог с котятами — страшно... (*Идет к тумбочке, достает оттуда траву, забивает три косяка. Лешка смотрит с любопытством. Выходит Электропоп*).

ЭЛЕКТРОПОП. Сделал, дядь Толь!

ТОЛЯН. Нути-с, попробуем фруттис. (*Глуно смеется*). Будет сейчас сеанс оздоровительных хохотушек.

Все трое курят марихуану, Леха кашляет, двое других нет, начинается бесшабашный угарный танец, все ходит ходуном, все бессмысленно ржут. Фоном звучит композиция «Satisfaction».

ТОЛЯН. Зарекался, но ща вспомню молодость — разок не страшно. (*Идет за шкаф, сначала находит шприц, затем начинает на ложке готовить зелье, Электропоп и Лешка с любопытством смотрят, то сдержано хихикают, то дико ржут*).

ЛЕШКА. Ну, вот это реально тема, это жесткий контакт.

ЭЛЕКТРОПОП. Во дядь Толя дает! Во даешь, дядь Толь, хи-хи-хи... Кулинар дядя Толя!

ТОЛЯН. Ну шо, братцы, кто со мной, тута на всех хватит...

ЭЛЕКТРОПОП. Не, дядь Толь, я не я...

ЛЕШКА. А без шприцов нельзя?

ТОЛЯН. Коксу что ли? Да не вопрос! (*Идет за шкаф, приносит порошок*). Ща, научу...

ЛЕШКА. Не, я в кино видел, не показывай. (*Приготовив дорожки, вынюхивает обе, откидывается в кресле*). А ты, Электропоп, благослови Толяна на укол!

ТОЛЯН. Да, в натуре, ты Электропоп или нет?

Электропоп из ванной приносит маленькое ведро, надевает на голову, с помощью простыни и полотенца изоб-

ражает облачение священника, и, дурачась, благословляет Толяна, начинается ржач и танец под композицию «La-la-la». Толян укалывается и падает в кресло.

Заканчивается пьяно-угарный танец, Толян ржет истерично и бессмысленно, потом неожиданно рычит и осоловелыми глазами втыкается в одну точку.

ТОЛЯН. *Вон смотри, смотри... (Пальцем показывает куда-то вдаль и вдавливаются в кресло, вцепляясь в подлокотники).*

Лешка истерично смеется, слезает с Электропопа, на которого залез верхом во время танца, тот уползает на кухню. Смех Лешки больной, беспомощный и бессмысленный. И тут в дверном проеме появляется Чувиха в черном, то ли неформалка, то ли наркоманка. Волосы сальные, вид неопрятный. Она смотрит спокойно, с легкой иронией на то, как Лешка смеется.

После недолгой паузы.

ЧУВИХА В ЧЕРНОМ. Ну ты, Лешка, и весельчак.

ЛЕШКА. Стараюсь, ох и навеселил Электропоп...

ЧУВИХА В ЧЕРНОМ. *Пойдем, Леш, со мной. (Поднимает Лешку с пола. Толян так и сидит осоловело, вдавленный в кресло).*

ЛЕШКА. Толян, классный ты мужик, мировой чувак!

Послушно следует за Чувихой. Та левой рукой держит Лешку, и, уходя, правой закрывает глаза Толяну. Мужчина тут же обмяк. Чувиха уходит с Лехой в дальний темный угол сцены, поворачивается спиной, и на спине ее балахона с капюшоном нарисован череп с косой. Она помогает Лешке залезть на стол или кушетку, разобрать невозможно, так как слишком темно. Уложив Лешку, она

спокойно идет к тумбочке Толяна, берет оттуда и нюхает кокаин.

ЭЛЕКТРОПОП (*вползая в комнату*). Дядь Толь, дядь Толь, мне страшно, помоги, страшно мне, ох, как страшно! Боже мой, как страшно...

Чувиха, обойдя Электропопа слева и справа, в итоге наступает ему на спину и выходит из квартиры. Электропоп делает громкий глубокий выдох и замирает. Звучит песня «La-la-la».

Резкое затемнение, затем луч прожектора падает в тот угол, куда увели Лешку.

На столе стоит портрет веселого Лешки с черной ленточкой и свеча. В скорбной позе застыла мать, понуро сутулятся фигуры Величковского и Бурова, с траурным венком в руках.

Занавес

От автора

Данная пьеса, возможно, более пригодна для прочтения, нежели для постановки, по причине опасности погружения артистов в столь мрачный материал. Тем не менее, прочитать ее молодежи стоит. Эта история предупреждает о том, что ждет нормальных людей, не сопротивляющихся греху. Пьеса о том, что ад возможен здесь среди нас, если мы не противимся тому, что нас губит. Персонажи, если взглянуть на них обывательски, абсолютно ничем не выделяются, они не являются абсолютным злом, а просто принимают его и пропускают через себя. В связи с этим герои приходят к неминуемому итогу — смерти бездумной, смерти ненужной, смерти в бреду, смерти безумцев, то есть смерти без покаяния, а это должно быть страшно всем.

Конечно, в пьесе отражена крайность, к которой нас приближают наша расслабленность и невнимание к тому, что с нами происходит. Следите за собой, прислушайтесь к себе — все ли так в Вас, как должно быть?

Целью пьесы являлось вызвать страх и омерзение к пороку (греху).

Во время написания данной пьесы мной двигало не обостренное чувство эстетизма, а беспокойство за молодежь, которая зачастую окутана алкоголем и всевозможными наркотиками.

P.S. Того, что описано в пьесе, не было, но в жизни бывает хуже — «Казанский инцидент 2012 года», а также история с майором Евсюковым.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВОСТОРГ.....	4
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ.....	8
«А НА ОКНЕ НАЛИЧНИКИ...».....	18
МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ.....	29
ВСЮДУ ЖИЗНЬ.....	44
НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ, или ТЯГОТЫ ИЗБРАННИКА.....	52
НАНО-ТВ.....	57
КРОЛИКИ, или ДОБРОСОСЕДСТВО.....	65
WHITE POWER, или НЕСКУЧНЫЙ ВЕЧЕР.....	71
ВРЕМЯ, ВПЕРЕД, или «КАК НАКАЛЯЛАСЬ «ГАЗЕЛЬ».....	80
ПЕРВЫЙ 02.....	84

ПЬЯНЫЕ ХРОНИКИ

ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ.....	90
ПОЛЕТ ВО СНЕ ИЛЬ НАЯВУ.....	100
НАСЕКОМЫЕ БАХУСА.....	102
ИСТОРИЯ ПРО ОДНОГО МАЙОРА.....	106
БАБУШКИН КОМПОТИК или КАЗУС ЭВОЛЮЦИИ.....	109
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ.....	112
СЕКРЕТНЫЙ ОРДЕН.....	114
КАК ПОЛТИННИК РОТШИЛЬДА СГУБИЛ или ЗМЕЯ-ЗАСТУПНИЦА.....	119
УДИВИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ.....	122
ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ СОНАТА.....	128
ДВОРОВЫЙ ХИТРЕЦ.....	131
ПИСЬМО ПСИХИАТОРУ.....	134
ПИСЬМО ГРАЖДАНКИ ЛАДКОВОЙ № 1.....	138
ПИСЬМО ГРАЖДАНКИ ЛАДКОВОЙ № 2.....	140
ЛЕШКА (пьеса).....	144

ГУСЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

(рассказы, пьеса)

ХУДОЖНИК **М. ШЛЯПИНА**
МАКЕТ, ВЕРСТКА **В. МИСЮК**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 30.09.2015.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 5,5.

Тираж 200 экз.